

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-АРМЯНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

1

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌԻ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Մ. ՆԵՐՍԻՍՅԱՆ

ՌՈՒՍ - ՀԱՅԿԱԿԱՆ
ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՑ

ԳԻՐՔ ԱՌԱՋԻՆ

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

АУДИА

М. НЕРСИСЯН

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-АРМЯНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

Р II
640608

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1956

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Армянской ССР*

О Т А В Т О Р А

В многовековой истории русско-армянских отношений последняя четверть XVIII и первые три десятилетия XIX столетий представляют особый интерес. Этот отрезок времени богат важными военно-политическими событиями, сыгравшими огромную роль в исторических судьбах армянского народа. Характерен этот период тем, что в русско-армянских отношениях народные массы выступают более активно и непосредственно. Следует отметить также, что многие страницы истории Армении конца XVIII века и 20-х годов XIX века тесно связаны с именами декабристов, с именами автора бессмертной комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова, знаменитого партизана Отечественной войны 1812 года Д. В. Давыдова, великого русского полководца А. В. Суворова, поэта Арутюна Аламдаряна и других.

Предлагаемая работа не преследует цель изложить историю русско-армянских отношений указанного периода. Она ставит перед собой задачу осветить лишь некоторые вопросы этой большой темы. Нам кажется, что в данном случае целесообразно, чтобы труду, носящему обобщающий характер, предшествовали работы, освещающие отдельные стороны проблемы. Правда, в этой области сделано не мало, но предстоит сделать еще многое.

По истории русско-армянских отношений в архи-

вах Москвы, Ленинграда, Грузии и Армении хранится большое количество неопубликованных материалов. Некоторые из них, представляющие большой интерес, мы сочли нужным опубликовать в настоящей работе. В приложении первой книги помещается часть бумаг А. В. Суворова и записок декабриста Е. Е. Лачинова об Армении и Закавказье.

б. VIII, 1955 Ереван

А. В. СУВОРОВ
И
РУССКО-АРМЯНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В 1770-1790 ГОДАХ

I.

В летописи богатой жизни великого русского полководца Александра Васильевича Суворова имеются страницы, тесно связанные с историей народов Кавказа. Знаменитому военачальнику довелось на протяжении ряда лет иметь дело с народами Северного Кавказа и принять участие в подготовке исторического акта присоединения Закавказья к России.

А. В. Суворов в разные периоды своей жизни общался с армянским народом, изучал Армению, занимался вопросами, затрагивавшими ее политическую судьбу. Он принимал активное участие в русско-армянских переговорах, установил связь со многими армянскими деятелями и сыграл определенную роль в деле укрепления вековых русско-армянских отношений. Прославленный полководец еще при своей жизни пользовался репутацией сторонника освобождения Армении от ига персидских ханов и турецких пашей и онискал любовь и уважение среди армянских политических деятелей¹.

Первое непосредственное общение Суворова с армянским народом относится к 1778—1779 годам и связано с переселением армян из Крыма в Азовскую губернию, в район нынешнего Ростова-на-Дону. В эти годы А. В. Суворов принимал весьма дея-

тельное участие в разрешении вопросов, имевших огромное значение в исторических судьбах армянского населения Крыма.

На Крымском полуострове армянская, более или менее значительная колония возникла в XI—XII веках, в период, когда в результате опустошительных нашествий сельджуков усилилась массовая эмиграция армян из своей родины². «С начала XI века,— писал Ф. Брун,— несчастные обитатели Армении... стали переселяться из своего отечества, терзаемого, с одной стороны, опустошениями сельджукских турок, а с другой, притеснениями византийских императоров. Начиная с 1021 года, царь васпураканский Иоанн Сенекерим уступил свои земли императору Василию II и сам удалился в Каппадокию. Переселения происходили очень часто... Правда, эти переселения делались преимущественно в Киликию, где образовалось государство Малой Армении; но преследования религиозные и завоевания турок, без сомнения, заставляли многих искать более надежного убежища в крымских горах и в других странах, более отдаленных»*.

В XIII веке армянское население многих городов Крыма составляло, как свидетельствует ряд авторов, значительное число³. Но переселение армян на Крымский полуостров продолжалось и в последующих столетиях. Известно, например, что в первой полови-

---

* Ф. Брун, Черноморье, Сборник исследований по исторической географии Южной России, ч. II, Одесса, 1880, стр. 138—139.

Генералъ Николай Александровъ Гурьевъ

не XIV века в Крым прибыли новые массы армянских переселенцев*.

Армянское население Крыма, жившее главным образом в городах Кафа (Феодосия), Бахчисарае, Карасубазаре, Козлове (Евпатория) и др., занималось в основном торговлей и ремеслом, а та, сравнительно небольшая часть, которая обосновалась в деревнях, занималась садоводством.

В период Крымского ханства, в частности после того, когда турецкие завоеватели в 1475 году вторглись в Крым и превратили его в свое вассальное княжество, положение всего населения края, в том числе и армянского, резко ухудшилось. Народные массы подвергались жестокой эксплуатации и диким формам национально-религиозного гонения и притеснения. Этим и объясняется то обстоятельство, что среди армянского населения и других национальностей Крыма все более усиливалось стремление освободиться от гнета турецко-татарских ханов, пашей и присоединиться к России⁴. Это стремление ярко проявилось в XVIII веке, в частности в 1770—1780 годах, когда в политических судьбах Крыма происходили решительные перемены.

Русско-турецкая война 1768—1774 годов, как известно, имела благоприятный исход для России. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, заключенному в июле 1774 года, с Россией были воссоедин-

* Հ. Բ. Վ. Բ ու Վ ն ե ր յ ա ն, Պատմութիւն զաղթականութիւն Երկրոս հայոց, Վենետիկ, 1895, էջ 97—98 (Кушнеряц, История крымских армянских переселенцев, Венеция, 1895, стр. 97—98).

нены Азов, Керч, Еникале, Кинбурн. Одновременно Крымское ханство было объявлено независимым от Турции.

Добившись объявления независимости Крыма, правительство Екатерины II не отказалось от мысли присоединения его к России. Этого требовали жизненные интересы России, ибо Крым имел большое военно-политическое и экономическое значение для русского государства. Без Крыма нельзя было иметь свободного выхода к Черному морю. Но султанская Турция, в свою очередь, не думала отказаться от Таврического полуострова. Она прибегала к разным ухищрениям, чтобы восстановить свое влияние и господство в Крыму. Таким образом, несмотря на наличие Кючук-Кайнарджийского мирного договора, борьба между Россией и Турцией из-за Крыма не ослабевала.

В конце 1776 года, в связи с активизацией деятельности турецких пашей и их агентов, по приказу всемогущего фаворита Екатерины II князя Г. А. Потемкина, назначенного в 1775 году правителем Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний, в Крым были введены русские войска, которые там оставались до весны 1779 года. Перед командованием войск была поставлена трудная задача — избегая войны с Турцией, предотвратить захватнические действия и пресечь интриги султанского правительства, усилить и укрепить русское влияние в Крыму. До апреля 1778 года этими войсками командовал князь Прозоровский, а его помощником был назначен генерал-поручик А. В. Суворов, на которого возлагались большие надежды. В апреле 1778 года генерал

Прозоровский, показавший себя бездеятельным и нерешительным человеком, был отстранен от командования войсками, и на его место, по приказу фельдмаршала Румянцева-Задунайского, в те годы командовавшего войсками Южной России, был назначен А. В. Суворов.

В бытность свою в Крыму Суворов развернул кипучую военную и дипломатическую деятельность*. Превосходно разбираясь в сложной обстановке, ему удалось без особых осложнений вытеснить турецкие сухопутные войска и флот из Крыма и свести на нет их захватнические планы. Знаменитый полководец блестяще организовал оборону Крыма, не допускал высадки десанта султанских войск, расстроил все замыслы реакционных татарских беев, мурз и, вопреки всем стараниям турецкого правительства, усилил и укрепил русское влияние в Крыму. Он употребил немало усилий для того, чтобы положить конец бесконечным распрям и вооруженным столкновениям, происходившим между разными феодальными владетелями Крымского ханства.

Но на Суворова в 1778 году была возложена еще одна большая и ответственная задача — вывести христианское население из Крыма и переселить в южные губернии России, в частности в Азовскую губернию.

В Крымском ханстве почти все ремесла и торговля находились в руках армян и греков. Подати, собиравшиеся с них, составляли значительную часть поступлений ханской казны. Ставя вопрос о пересе-

* А. В. Суворов побывал в Крыму с декабря 1776 года по июнь 1777 года и с апреля 1778 года по июнь 1779 года.

лении христианского населения, царское правительство стремилось прежде всего к тому, чтобы экономически ослабить Крымское ханство и поставить его в еще большую зависимость от России. Помимо этого, правительство Екатерины II было заинтересовано в том, чтобы в то время малонаселенные южные губернии России заселить переселенцами⁵.

Идея переселения христианского населения Крыма в южные губернии России принадлежала, как показывают архивные материалы, выдающемуся русскому полководцу, фельдмаршалу П. А. Румянцеву. Еще 25 февраля 1778 года в своем ордере, направленном на имя генерал-поручика Прозоровского, командовавшего в тот период русскими войсками в Крыму, Румянцев писал, что в случае отвода русских войск из некоторых районов Крыма положение христианского населения будет небезопасным и поэтому «христиан при сем случае приглашать на поселение в Азовскую или Новороссийскую губернию, видится теже удобно, и господа губернаторы могли бы, сходственно имеющимся у них повелениям, их теперь приохочивать и переселять»⁶.

Вскоре это предложение фельдмаршала Румянцева было подхвачено князем Г. А. Потемкиным и, получив новый смысл и содержание, стало одной из главных задач политики царского правительства на юге России. В рескрипте от 9 марта 1778 года Екатерина II писала Румянцеву, что его указание генералу Прозоровскому о переселении крымских христиан

⁵ Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения, составил Н. Дубровин, т. II, 1778, СПб, 1885, стр. 296.

является важным начинанием и что для его осуществления нужно принять все необходимые меры. Одновременно Екатерина II писала князю Г. А. Потемкину: «Данным сего числа нашему генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому рескриптом повелели мы живущих в Крыму греков, грузин и армян, кои добровольно согласятся прибегнуть под покров наш и пожелают поселиться в Новороссийской и Азовской губерниях, то не токмо всех оных нашим пребывающим в Крыму военным начальникам принимать со всею ласкою и вспомоществованием к препровождению их к новороссийскому и азовскому губернаторам,... но и стараться всеми образами склонять и уговаривать, чтобы добровольно перейти оттуда согласились... Вам же силою сего повелеваем соответственно сему намерению нашему учинить со своей стороны подлежащая распоряжения, дабы новыя сии поселяне, со дня вступления в границы наши, не токмо в пропитании своем не претерпели ни малого недостатка, но и по рассмотрению вашему снабжены были как достаточным числом земли, так и нужными к заведению домостроительства их пособиями из казны нашей»*.

Согласно этому указу «северной Семирамиды», князь Потемкин дал соответствующие инструкции губернаторам и командирующему русскими войсками в Крыму генералу Прозоровскому. Но последний, на котором лежала главная тяжесть организации переселения, оказался неспособным разрешить эту задачу и фактически ничего не предпринял в

* Присоединение Крыма к России, т. II, стр. 318–319.

этом направлении. Характерно, что в одном из своих рапортов, адресованном фельдмаршалу Румянцеву, он даже писал, что переселить крымских христиан почти что невозможно*.

Дело приняло совершенно другой оборот, когда генерала Прозоровского заменил А. В. Суворов. 17 мая 1778 года князь Потемкин предложил ему организовать задуманное им, Потемкиным, переселение**. Знаменитый полководец, не теряя времени, приступил к выполнению этого поручения, хотя хорошо представлял сложность задачи и все трудности, связанные с нею⁶.

Начав подготовительную работу, Суворов, наряду с другими мероприятиями, установил постоянную связь с греческими и армянскими духовными лицами, часто встречался и советовался с ними, давал им необходимые указания для организации переселения. Через них и многих других лиц он держал контакт с населением, принимал его представителей, увещевал их и т. д.

Призыв Суворова к переселению нашел широкий отклик среди христианского населения Крыма. В результате энергичной деятельности великого полководца вскоре почти все армянское и греческое население полуострова выразило согласие переехать в

* Присоединение Крыма к России, т. II, стр. 322.

** Государственная публичная библиотека (ГПБ) им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, отдел рукописей, Собрание А. В. Суворова, т. XVIII, л. 65. Согласно журналу исходящих бумаг канцелярии князя Потемкина за 1778 год, предложение о выводе крымских христиан было сделано Суворову 18 мая 1778 года (см. ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, л. 167, л. 123 об.).

Россию. 17 июля 1778 года Суворов получил постановление крымских христиан, в котором была выражена готовность переселиться и вступить в подданство России. В постановлении одновременно был выставлен ряд требований, в числе которых были и следующие: государственное пособие для переезда и перевозок имущества, удобные места в Азовской губернии для поселения, освобождение всех переселенцев от всяких податей и поборов на десять лет, самостоятельность⁷ в административно-судебных делах и т. д.*

Суворов благосклонно относился к этим и другим требованиям и потребностям крымского населения, выразившего желание переселиться в Россию. Подробно рассматривая все заявления и петиции, поступавшие на его имя, он часто обращался к высшему командованию с просьбой учесть и удовлетворить их. 17 июля 1778 года Суворов представил фельдмаршалу Румянцеву записку, в которой излагал желание населения и основные мероприятия, необходимые для организации переселения. Со свойственным ему лаконизмом он писал: «1. Под своз христиан, не имеющих подвод, потребно шесть тысяч пароваловых. 2. Место желанное было по Днепру от Казы-Керменя в гору, но когда там селить нельзя, то просят поселить в Екатеринославску с уездом его, дабы по малой мере с Днепра рыбною ловлею и пригоном сверху Днепра ж лесу довольствоваться

* Центральный Государственный архив древних актов в Москве (ЦГАДА), ф. Госархив, разряд XVI, д. 588. ч. 12, лл. 349—350.

16312 - 56
66109
РД 60199

могли. 3. Хлеб, тяжелые вещи, разные товары, а буде можно и винограды, принять под образом покупки под свою защиту, а за то деньгами или чем удовлетворить, дабы одне только дома и лавки остались прежним их владыкам, а на поселении строить на место их другие. Вещи ж тяжелыя перевозить по времени. 4. При новости не дать места и какому их обременению, всем снабдить, во всем охранять, с одного на другое место не водить, от чего разоряясь, не роптали бы на судьбу. 5. Лето проходит, дома не успеют. Отвесть в селениях квартиры. В Новоселице, в Каменке, в Протовчах, Чаплинке и протчих по Ореле деревнях, чтоб между хозяевами квартир их не было распрь. Свесть два дома под образом постоя в один; таким образом целая половина селения опростана будет для помещения христиан. 6. Защитить от всех нападков разгневанных сим случаем хана и правительства и препроводить в целости. В пути скудных провиантом снабдевать, а по прибытии на место и всех как семенами, так и провиантом, доколь новый хлеб родится пропитать»*.

По этому же вопросу Суворов одновременно писал и князю Потемкину. В своем рапорте от 17 июня 1778 года он снова ставил вопрос об организации помощи армянскому и греческому населению, готовившемуся к переселению. Сообщая некоторые сведения о главных духовных лицах крымских армян, Суворов, далее, говорил о снабжении продовольствием переселенцев во время их переезда из Крыма в

---

* ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XVI, д. 588, ч. 12, л. 334 и об.

Азовскую губернию, об оказании им помощи по прибытии их на новые места и т. д. А. В. Суворов доносил: «Азовского г. губернатора о надлежащем по сему предуведомлю. До Перекопа могут они субсидировать с помощью хотя сделанных магазинов, но далее уже надлежит реченному г. губернатору в том пещися; ему ж о подводах, ибо в необходимости я все такая от войск, какого бы оныя звания ни были, отобрать должен; за одинакие буде с места, а по такой мере за полуторные буде со стороны Днепра прогоны. В поселении собственность должна жертвовать отечественности: «Ежели б мои жалованные земли, где им выгоды, отдать им их». Сельские жители, правда, по получении всех от губернского правления изобильных материалов, сами собою отстроиться могут, но не граждане, как вовсе неработные сами, но частью и первым надлежит всею помощью жертвовать»*.

Спустя несколько дней он снова обратился к Потемкину. В рапорте от 25 июля 1778 года Суворов писал, что «христиан надлежит удовлетворить за их тратимое недвижимое, особливо сады, тем паче, что многие только от того их пропитание имели. Тако ж по последнему замешательству разные исчезшие и уехавшие татарские чиновники им были должны, хан тех имение отписал на себя, яко мятежничье; должно те долги христианам за хана отдать»**.

В другом рапорте Суворов 29 июля 1778 года сообщал: «Высшее желание всех христиан, чтоб по-

---

* Присоединение Крыма к России, т. II, стр. 560.

** Там же, стр. 588.

селяемы были вместе и на выгодных местах; плод сего усмотрен будет в потомстве. Печально им оставление их недвижимого родового. За все то обещано им всюду на месте здесь удовлетворение из казны: иначе невозможно»*.

Суворов неоднократно возвращался к вопросу об организации помощи армянскому и греческому населению. В рапорте генерал-фельдмаршалу Румянцеву от 30 июня 1778 года он снова с большим сочувствием говорил о требованиях и нуждах переселяемого населения. В этом рапорте Суворов одновременно сообщил, что он просил азовского губернатора в спешном порядке послать подводы. «Я вторично его превосходительство (азовского губернатора — М. Н.) просил о наипоспешнейшем сюда отправлении, прежде требуемых мною сперва двух тысяч, а за ними и еще достальных четырех тысяч губернских подвод, партиями одной за другою, и так, чтобы ни одного дня не было без таковых в Крым пребывающих»**.

Через несколько дней, 7 августа, Суворов на имя Румянцева отправил два рапорта, в которых еще раз поставил ряд вопросов, связанных с нуждами и требованиями армянского и греческого населения. В частности, он считал необходимым выкупить и освободить тех христиан, которые находились в положении пленных рабов (ясырей) у крымских беев. Гово-

---

* Архив Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ), ф. Собрание Воронцовых, д. 1309, л. 38, см. также Архив князя Воронцова, кн. 24, Москва, 1880, стр. 291.

** Центральный Государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 208, л. 173.

ря о переселяемых христианах, он писал: «Расходы на сих христиан непрестанно умножаются, как то и татарам за купленных ими рабов, из коих есть много семейных, надлежит соразмерно платить деньги, поелику в рассуждении такового вывода христиан нет приличности и сих в неволе оставлять, коих татары беспрепятственно уже отдают, на что выйти может свыше десяти тысяч рублей»*.

Стараниями Суворова многие ясыри, т. е. пленные рабы, главным образом грузины и валахи, были выкуплены, освобождены и переселены в Россию⁸.

Подготовительная работа по организации переселения армянского и греческого населения вначале проводилась тайно. Когда же слухи о ней дошли до крымского хана, то он и вместе с ним почти вся феодальная знать выразили категорический протест. Татарские бен, аги и мурзы во главе с Шагин Гирей-ханом стали прибегать ко всяким ухищрениям, чтобы не допустить переселение, так как армянское и греческое население Крыма, как мы уже отметили, являлось для них одним из главных объектов эксплуатации и источником доходов. Они грозили всем тем, кто выразил желание переселиться, организовывали нападения на армян и греков, сеяли страх, выступали против Суворова, жаловались на него в Петербург, старались оклеветать его и т. д.** О

* ЦГ ВИА, ф. ВУА, д. 203, л. 203.

** Шагин Гирей-хан занял враждебную позицию, в частности, по отношению к А. В. Суворову. «Хан, — пишет С. Соловьев, — сильно рассердился на Суворова за то, что тот не отвечал ему на его представление о выводе христиан и употребил какие-то угрозы» (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. 6, т. XXIX, 3 издание, СПб, стр. 1137).

положении, создавшемся в связи с этим, мы находим интересные сведения в письмах и рапортах Суворова. 27 июля 1778 года он сообщал князю Потемкину: «В опасности жизни и имений здешние христиане частью еще поныне; все против того же должныя осторожности взяты, и войскам в том строгие по приличеству приказы даны; татары действуют угрозою, подущениями, обещаниями и обыкновенным их вероломным лукавством. Светлейший хан, изнуряемый гневливостью, выехал из Бахчисарая...»*.

Спустя два дня Суворов тому же Потемкину писал: «Реченной интриги неудачею, купно и начавшемся действительным выводом, раздраженный хан переменял его лагерь от Бахчисарая двадцать верст вниз по Алме. Паки господин резидент** много раз пытался к достижению свидания с его светлостию без успеху, но с грубыми отказами; особливо как, при выезде его в новый лагерь, прибыл к нему для всевозможнейших еще увещеваний, сел он на коня и, невзирая на господина резидента, не дождался его нимало»***.

Граф П. А. Румянцев в своем рапорте от 8 сентября 1778 года писал князю Потемкину, что в связи с упомянутым переселением крымский хан «бесится, удаляется от всякого с г. Суворовым и г. резидентом сношения»****.

* ЦГВИА, ф. ВУА, д. 208, л. 163; см. также «Присоединение Крыма к России», т. II, стр. 587.

** Речь идет о резиденте России у крымского хана, надворном советнике Андрее Дмитриевиче Константинове.

*** Архив князя Воронцова, кн. 24, стр. 291.

**** Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, повремен-

Из одного письма к П. И. Турчанинову видно, что по указанию хана вооруженные татары напали на дома греческого митрополита Игнатия и армянского архимандрита Маркоса, что в связи с переселением происходило много «неописуемых сумасбродств и низких интриг»*.

Но Суворов не поддавался всем этим угрозам и ухищрениям. Он давал нужный отпор крымским феодалам и «делал свое дело со свойственною ему энергиею»**. Об этой решительной позиции свидетельствуют письма его к резиденту А. Д. Константинову. 28 июля 1778 года Суворов ему писал: «Под покровом высочайшего скипетра здешние христиане не должны терпеть ни малейших озлоблений от кого бы то ни было... задержанный в том по письму Вашему виновной [виновный] татарин должен публично быть наказан...»***. В другом письме к тому же Константинову Суворов предлагал дать понять Шагин Гирей-хану, что при надобности он готов «двинуть сюда еще больше войск»****.

Нужно отметить, что крымские феодалы и хан не смогли достигнуть своей цели. Несмотря на все

ное издание под заведыванием О. М. Бодянского, Москва, 1875, октябрь—декабрь, кн. 4, стр. 95.

* Архив ЛОИИ, Собрание рукописных книг, д. 342, л. 6.

** В. Д. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты в XVIII столетии, Одесса, 1889, стр. 196.

*** Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I, письма 1764—1781 гг., объяснил и примечаниями снабдил В. Алексеев, Петроград, 1916, стр. 121.

**** Там же, стр. 127. «Суворов принял все меры к охранению жизни и имений переселявшихся христиан» (П. С а

угрозы и искусственно создаваемые затруднения, почти все армянское и греческое население полуострова не отказалось от своего намерения переселиться в Россию⁹. Более того. Выразила желание переселиться также некоторая часть татарского населения. 7 августа 1778 года Суворов из Бахчисарая писал фельдмаршалу Румянцеву: «...козловские* некоторые татары объявляют свое желание также выехать в Россию за христианами, а с таковою ж просьбою и здесь к г. полковнику Бандре человек до десяти приходили...»**. Примерно через месяц, 8 сентября, А. В. Суворов по тому же адресу писал: «Принимающие секретно святое крещение здешние татары уезжают вместе с христианами в Россию; во многих из них возрастает к тому ежевременно желание, в чем от меня препятствия чинить не велено»***. В рапорте Суворова от 31 сентября 1778 года по этому же вопросу сказано: «Чем далее, тем более открывается между татар крымских беспримерное желание к принятию христианского закона. В го-
рах татарских семей до 20 от греческих священников приняли святое крещение и, между выезжающих христиан скрываясь, отправились вместе с оными на поселение...»****.

кович, Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников: князя Прозоровского, Суворова и Бринка, с 1775 по 1780 год, Москва, 1858, гл. II, стр. 84).

* То есть евпаторские.

** Присоединение Крыма к России, т. II, стр. 637.

*** Там же, стр. 699.

**** Там же, стр. 751.

Эти факты весьма характерны. Они говорят, прежде всего, о стремлении народных масс освободиться от невыносимого гнета татарских ханов, беев и мурз, о тяготении к России не только армянского и греческого, но и части татарского населения полуострова. В свете этих фактов, одновременно, очевидна несостоятельность утверждения некоторых историков о том, что переселение христианского населения Крыма в 1778 году имело насильственный характер¹⁰.

Подготовительная работа Суворова по переселению окончилась в июле 1778 года. Уже 25 июля Суворов писал князю Потемкину, что на днях «веревка потянется». И действительно. В первых же числах августа веревка переселения потянулась. Переезд армянского и греческого населения Крыма в Азовскую и Новороссийскую губернии совершался по группам, на повозках самих переселенцев и на повозках, которые по требованию Суворова были выделены для этой цели азовским губернатором генерал-поручиком Чертковым. Но количество повозок было недостаточно. Чтобы выйти из создавшегося тяжелого положения, по приказу Суворова, в распоряжение переселенцев была выделена и часть повозок русских войск, расположенных в Крыму.

Переселение массового характера имело место в течение августа и сентября. За весь этот период Суворов непосредственно следил за начатым им делом, предпринимал ряд мер, облегчавших положение переселенцев в пути, сообщал правительству Екатерины II об их нуждах и требованиях, о возникающих затруднениях и т. д. Об одном из таких затруднений

Суворов 21 августа 1778 года писал графу Румянцеву: «Вывод христиан здешних на поселение хотя и происходит безостановочно, но однако ж еще не так споспешно, по причине сделки, не только между ними с татарами, но даже до самого светлейшего хана; в долгах теперь открылась явная претензия многим христианам с отказом здешняго правительства, более двадцати тысяч рублей. По неимению у меня суммы и дабы не отвлечь тех христиан намерения от выхода на поселение, принужден я решиться обещать им заплату их долгов из казны»*. Суворов просил вмешательства и финансовой помощи со стороны правительства.

Переселение в основном закончилось в середине сентября 1778 года, хотя оно продолжалось отдельными маленькими группами и в последующие месяцы. В своем рапорте от 18 сентября Суворов сообщал генерал-фельдмаршалу Румянцеву: «Вывод крымских христиан кончен. Обоего пола отправилось в Азовскую губернию 31 098 душ... Осталось зимовать в Еникале и Черкассе 288 душ. Преосвященный митрополит греческий, преподобный архимандрит армянский выехали за христианами сего числа, в то же время католический патер Яков. Примерно вышло денег на вывод сей здесь до 130 000 рублей, паче на прогоны»**.

В бумагах Суворова хранятся подробные отчеты о переселении. В одной из его ведомостей, составленной 16 сентября 1778 года, указано, что количест-

* Присоединение Крыма к России, т. II, стр. 670.

** ЦГВИА, ф. ВУА, д. 208, л. 276.

во переселенцев из Крыма в Россию составляет: греков 18 407 душ, армян 12 598, грузин 219 и валахов 162 души*. В другой ведомости, подписанной Суворовым 18 сентября 1778 года, приводятся подробные цифры о том, из каких городов и деревень сколько было переселено. Из этой интересной ведомости видно следующее: из города Кафа переселилось в Россию 5511 армян, 1643 грека и 24 грузин; из Бахчисарая — 1375 армян, 1319 греков, 27 грузин, 13 ясырей, из которых 9 грузин, 4 валаха; из Карасубазара — 2809 армян, 1004 грека, 8 грузин, 7 валахов; из Козлова — 1304 армян, 172 грека, 71 ясырь (70 грузин и 1 валах); из Акмечета 259 армян; из Старого Крыма 160 армян, 109 греков и т. д. Далее, ведомость показывает, что вместе с ремесленниками и купцами были переселены также армянские крестьяне из ряда деревень Крыма, как-то: Татлы, Мелик, Камышлик, Сала, Султан-Сала и т. д.¹¹

По данным Суворова, за август-сентябрь 1778 года из Крыма было вывезено 31 386 человек**. По его же сведениям, в октябре и декабре того же года и за первые пять месяцев 1779 года было вывезено еще несколько сот человек. Таким образом, общее число переселенцев составило свыше 32 000 человек.

В бумагах полководца имеются также отчеты по расходам на переселение. В одном из них,

---

* ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XVI, д. 588, ч. 12, л. 390.

** Там же, л. 393.

например, сказано, что на путевое продовольствие израсходовано 23 345 р. 67¹/₂ к., на плату христианам за оставшиеся их сады 4511 р. 60 к., на содержание отправленных в Петербург от армян и греков депутатов 619 руб. и т. д.*

Переселенцы как по пути переезда из Крыма в Азовскую губернию, так и в первый период пребывания на новых местах, предназначенных для них, претерпели много страданий, лишений и бедствий. Царское правительство, верное своей сущности, не оказало ощутимой помощи. Более того. Народ оказался в весьма бедственном положении и понес большие жертвы не только от голода, холода и заразных болезней, но и от произвола и притеснений царских чиновников. Вот, например, что писали представители армянских переселенцев о претерпевших ими притеснениях Г. А. Потемкину 15 июля 1779 года: «Азовской губернской канцелярии губернаторский товарищ Гарсеванов всех земледельцев принуждает селиться по реке Терсе и наистрожайшим образом повелевает им строить свои там дворы, а как оные к тому не согласились, то из оных некоторые посажены в кандалы и употребляемы были несколько дней в канальную работу, кроме ж того, и все, по неимению жилых домов и от всегдашняго пребывания на степе, от солнца и ст частых дождей, претерпевают крайнейшую нужду, ибо по повелению одного губернаторского това-

* И. Сякович пишет, что к 18 сентября 1778 года были переселены: из Крыма 31 609, а из Тамани 223 души (Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников..., стр. 89).

рица более уже трех месяцев, как из квартир выведены и ныне находятся на открытом воздухе¹², так что чрез сии перемены немало душ померло»*.

В создавшихся условиях А. В. Суворов не остался безразличным наблюдателем. Он старался по мере своих возможностей облегчить тяжелое положение переселенцев. Приведем несколько фактов.

В августе 1778 года губернатор Азовской губернии генерал-поручик Чертков сообщил А. В. Суворову, что крымские переселенцы должны на русской границе платить пошлины за все свои товары, кроме скота. Суворов протестовал против такого решения и требовал отсрочить взимание пошлин, а бедных переселенцев вовсе освободить от них. В своем рапорте от 23 августа 1778 года на имя Г. А. Потемкина Суворов сообщал: «...писал я к означенному господину губернатору Черткову, преподавая ему мои мероположения на его распоряжение, дабы на первый случай хотя не со всех бы товаров брали пошлину, а паче от таких бедных мастеровых и промышленников, которые без пошлины с убытком продавать должны свои товары, кои здесь дороги, а в России по неупотреблению дешевы; за других же пошлину наличными деньгами не требовать, а брать обязательства в рассуждении, что они денег весьма мало имеют и что с татар здешних долгов не получили; по малой мере и сие будет им облегчение, ибо, по распродаже своих товаров, конечно, заплатя, только бы дать им отсрочку хотя на полгода или на

* ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XVI, д. 588, ч. 12, л. 336.

год, а за бедных, от коих и сумма быть должна не велика, не взыскивать...»*.

Интересно, что в тот же день, 23 августа 1778 года, Суворов на имя Потемкина писал другой рапорт, где просил принять депутатов армянского общества и оказать им «высокую милость». В этом рапорте знаменитого полководца говорится: «Со стороны армян, выходящих на поселение в Россию, выбранных депутатов 4 человек, просивших от меня позволения быть в Санкт-Петербурге и при благовремении допустить к вашей светлости с преданнейшею просьбою касательно до выгодного их на удобных местах поселения и тамо пребывания, при сем к вашей светлости представляя, покорно прошу о защищении и о показании им высокой вашей милости»**.

Армянские переселенцы 8 апреля 1779 года из Азовской губернии со специальным донесением обратились к Суворову, находившемуся в это время в Крыму, в гор. Козлове. В донесении они говорили о своих нуждах, о своем безвыходном положении и просили его вмешательства и помощи. Подчеркивая свое весьма тяжелое экономическое положение, армянские переселенцы, далее, писали: «О сей нашей горести давно б мы принесли просьбу Вашему высокопревосходительству или куда далее, но нас не допускают, ибо и здесь не могли подробно десятой части бедствий наших описать. Почему нижайше просим Ваше высокопревосходительство от такого

* ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XVI, д. 588, ч. 12, л. 352.

** Там же, л. 382.

притеснения нас освободить и доставить полное всем снабдение, за что будем мы богомольцами вечно. Когда ж Ваше высокопревосходительство предстательствовать об нас не будет, то должны мы денно и ночно (вместо радости, о которой при выводе помышляли) проливать слезы; теперь всю надежду полагаем на бога и потом на Ваше высокопревосходительство»*.

Получив это, во многих отношениях характерное, обращение¹³, Суворов откликнулся на него. 20 апреля 1778 года он отправил специальное письмо секретарю князя Потемкина Петру Ивановичу Турчанинову, в котором, на основании указанного донесения, описывал тяжелое положение армянских переселенцев и убедительно просил оказать им всяческую помощь. Суворов писал: «Из провождаемой здесь копии Вы, милостивый государь мой, усмотреть изволите, что и ныне уже положение переселенных в Азовскую губернию бывших в Крыму христиан не наилучшее, по человечеству судя; что состоящие сих, добровольно оставивших все возможные для жизненных полезностей в здешнем краю выгоды, по единому их к российскому престолу усердию и единоверию, должно бы быть несколько услаждено когда не лучшею, то, по малой мере, не жестокою переменою. Но, к сожалению, превращается оно в явную уже клятву [проклятие]** и негодование»***.

* ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XVI, ч. 588, ч. 12, л. 402.

** Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I, стр. 150.

*** Архив ЛОИИ, Собрание рукописных книг, д. 342, л. 12.

Далее, Суворов говорил также о том, что нужно переселенцам дать некоторые привилегии, подумать об их благоустройстве, «упрочить благосостояние немалого числа сограждан России, в сих народах, замыкающегося человеколюбивым и снисходительным об них призрением¹⁴ и великодушным прощением...»*.

Но А. В. Суворов не ограничился этим. Через несколько дней он по этому же вопросу обратился к Г. А. Потемкину — с просьбой оказать помощь армянским и греческим переселенцам и улучшить их положение. 29 апреля 1779 года Суворов из Козлова писал: «Из подносимого приложения ваша светлость соизволите усмотреть недостатки, претерпеваемые переселенцами крымскими в нынешнем их положении. Воззрите, светлейший князь, милосердным оком на сих бедных иностранцев, жертвовавших всеми временного их благоденствия выгодами усердию к престолу... усладите их горькое воспоминание»**.

О своем тяжелом положении армянские переселенцы 6 мая 1779 года снова написали Суворову. В письме они жаловались на азовского губернатора, который не только не оказывал обещанной помощи, но всячески притеснял их. Описывая бессердечное отношение царских чиновников и свое бедственное положение, переселенцы писали: «...нижайше просим от такой гибели нас избавить и сколько возможно

* Архив ЛОИИ, Собрание рукописных книг, д. 342, л. 12.

** Архив ЛОИИ, ф. Собрание Воронцовых, д. 1309, л. 57. См. также Архив князя Воронцова, кн. 24, стр. 297—298.

Свѣтлѣйшій Князь.

Милостивикъ Государь!

Необходимаго приложенія вѣща Свѣтлость
Созволилъ усмотрѣть недостатки претерпѣваемыхъ
переселенцами крымскими бѣжнцѣйшкѣй ихъ положеніи.
Бездѣлнѣ Свѣтлѣйшій Князь! Милосерднѣй окомъ
нашихъ бѣднѣхъ иностранцевъ, жертвовавшихъ вѣннѣ
временнаго къ благодѣятелю выгннѣхъ усердію къ престолу
всероссійскому, Христіанскому Синодлу. Уса-
дннѣ ихъ Тѣлоное возпомощеніе прѣжняго ихъ тѣла
подднгоидъ бардарннѣхъ нонемннѣе споснаго Составннѣ.
нѣзучае калонъ лнѣбъ нѣсѣмъ ихъ донесеніи измннѣст-
пенннѣсти, Ардуитнѣ ихъ великодушное прѣщеніе, въ-
слѣдствіе чего патраргаа ихъ Патрѣ емгоное ВАШЕИ Свѣт-
лости пощрѣтнѣство Прѣсвѣтлѣю Свѣтлѣйшнѣй
потнннѣннѣхъ.

Свѣтлѣйшій Князь.

Милостивикъ Государь!

вашей Свѣтлости

29го Авгста
1779го Года

У: Казннѣ

Ннжннѣннѣ Суворовъ
Александръ Суворовъ

Обращеніе А. В. Суворова къ Г. А. Потемкину об оказанннѣ
помощннѣ крымскнѣмъ переселенцамъ.

сделать нам ваше вспомоществование, чем обяжите по жизнь нашу вечно прославлять имя ваше»*.

Это обращение также не осталось без внимания. 20 мая того же года А. В. Суворов об этой жалобе армян писал П. И. Турчанинову, прося его оказать им возможную помощь, и одновременно — в азовскую губернскую канцелярию, предложив ей удовлетворить ряд требований армянских переселенцев**.

Приведенные факты говорят о том, что А. В. Суворов проявлял заботу и внимание к крымским переселенцам. Прав, отчасти, автор трехтомной биографии великого полководца А. Петрушевский, когда пишет, что во время переселения армянского и греческого населения Крыма Суворов поступал «сдержанно, политично и человеколюбиво», что он «вложил свою душу в это дело»***. Конечно, в условиях царской России неоднократные обращения и вмешательства Суворова в пользу переселенцев не могли дать сколько-нибудь ощутимых результатов и сыграть существенную роль в их судьбе. Более того, сам Суворов, будучи царским генералом и одним из проводников политики господствующего класса, не ставил эти вопросы широко и решительно. Наивно думать, что его особенно глубоко волновали нужды и судьбы переселенцев. Но, несмотря на это, нельзя отрицать и того факта, что великий

* ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XVI, л. 538, ч. 12, л. 415.

** Там же, лл. 415 - 416. См. также Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I, стр. 152.

*** А. Петрушевский, Генералиссимус князь Суворов, т. I, СПб, 1884, стр. 212.

полководец, в отличие от других генералов и высокопоставленных лиц, сделал некоторые попытки для облегчения тяжелой участи крымских переселенцев.

Переезжая в Азовскую губернию, крымские армяне не сразу обосновались на новых местах. Возник ряд затруднений. Переселенцы отказались поселиться на тех территориях, которые были выделены царским правительством. Вопрос был разрешен лишь через год после переселения. Греки заселились большей частью в районе нового города Екатеринослава и «основали округ, известный под именем Марнупольского»*. Возникли город Марнуполь и ряд деревень. Армяне в основном поселились в Таганрогском градоначальстве, в районе крепости св. Дмитрия Ростовского (ныне гор. Ростов-на-Дону) и основали при урочище Полуденка гор. Нахичевань (точнее Ново-Нахичевань)**. Недалеко от Нахичевани образовались также пять армянских деревень — Чалтыр, Мец-Сала, Султан-Сала (или Покр-Сала), Топти и Несвита (или св. Қарапет)***.

Исходя из ряда политических и экономических

* Памятная книжка Таврической губернии, в. 1, Симферополь, 1867, стр. 113. В Екатеринославе поселились также армяне-католики, но ненадолго. После присоединения Крыма к России большая часть их с разрешения царского правительства вернулась в Крым.

** Официальная церемония по закладке города состоялась в декабре 1779 года при участии архиепископа Исидора Аргутинского-Долгорукова. Гор. Нахичевань ныне стал одним из районов Ростова-на-Дону.

*** *Այս և այլ և, նոր-նախընթացի հիմնարկութան աստ-ժանութանը, Քրիստոս, 1879, էջ 13* (Сюлюк (Р. Натканян), История основания Ново-Нахичевани, Тифлис, 1879, стр. 13).
3*

соображений, Екатерина II предоставила крымским переселенцам льготы, которые были даны в специальных грамотах — для греков 21 мая 1779 года, а для армян 14 ноября того же года. В грамоте для армян, между прочим, говорилось, что переселенцы-армяне освобождаются от уплаты государственных податей и повинностей сроком на 10 лет, освобождаются также от поставок рекрут, получают право свободно торговать вне и внутри государства, основывать фабрики и заниматься всякого рода промыслами. Далее, указывалось, что в гор. Нахичевани учреждается магистрат, который должен «производить суд и расправу» по армянским правам и обычаям¹⁵. Льготы эти, искусно использованные верхушкой армянского общества для своих интересов, были заново подтверждены Павлом I в 1799 году и Александром I в 1802 году. Но в дальнейшем они были постепенно ликвидированы.

Новый город Нахичевань скоро стал одним из крупных центров торговли и ремесла Азовской губернии. Он развивался довольно быстро. Уже в начале 1780-х годов в нем было «несколько фабрик, заводов и много каменных домов»*. Иностраные путешественники рассказывают, что в начале XIX века они в Нахичевани видели «много магазинов с различными товарами, а особливо с шелковыми материями и медными изделиями»**. Нахичевань

* Записки Одесского общества истории и древностей, т. VIII, стр. 209—210, т. X, стр. 274—276.

** Д. И. Багалай, Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры, Киев, 1889, стр. 92.

ские купцы развернули оживленную деятельность, устанавливая постоянную связь со многими торговыми центрами. Одновременно они основали ряд предприятий по производству жира, кожи и т. д.*

В XIX веке город Нахичевань стал одним из центров общественной и культурной жизни армянского народа. Эта армянская колония, раньше чем многие другие, начала чувствовать на себе благотворное влияние русской культуры. Уже с конца XVIII века в Нахичевани функционировали школа и типография. Социальная борьба в этом городе приняла довольно острый характер. Здесь начал свою общественно-политическую деятельность великий армянский революционер-демократ Микаел Налбандян (1829—1866), здесь же развернул свою творческую деятельность выдающийся поэт Рафаэл Патканян (1830—1892).

* * *

В крымский период своей жизни А. В. Суворов установил деловые связи с некоторыми греческими и армянскими деятелями, которые оказали ему большую помощь в деле организации переселения крымских христиан. Архивные материалы показывают, что Суворов имел, в частности, постоянный контакт с архимандритом Петром Маркосом (Петросом Маркосяном), священником Яковом (Акопом) и часто прибегал к их помощи в период переселения армян.

---

* *Երվանդ Շահադիդ, Պատմական պատկերներ, Քիֆլիս, 1903, էջ 182—183* (Ерванд Шахазиз, Исторические картины, Тифлис, 1903, стр. 182—183).

Полководец принимал их, совещался с ними, давал им поручения и т. д. В его донесениях и рапортах часто встречаются их имена. В своем рапорте от 17 июля 1778 года Суворов писал Потемкину: «Главные духовные у армии архимандрит Петр Маргос, католицкого закона священник патер Яков на малой пенсии папской; но сей последний уважителен же по парафии своей из лучших людей»*. 29 июля 1778 года Суворов писал тому же Потемкину, что 26 июля он принимал у себя армянских депутатов, в том числе архимандрита Петра Маркоса и патера Якова, с которыми были обсуждены вопросы, связанные с переселением**.

Говоря о начавшейся работе по организации переселения, Суворов 6 августа 1778 года П. И. Турчанинову писал: «Работаем в горячке. Святые отцы несказанно трудятся. Иерусалимские***, за труды награжденные, распрощались. Архимандрит Петр Маргос поднял так армян, что разноместно отовсюду потянулись. Патер Яков с кафинцами тоже весьма предупел»****. В других письмах и донесениях он говорил об их деятельности, о том, сколько им подарил денег и т. д.¹⁶

А. В. Суворов держал контакт также с крымскими армянами Ананием и Андриасом. Они, как видно из бумаг Суворова, по его поручению принимали

* Присоединение Крыма к России, т. II, стр. 500.

** Архив ЛОИИ, ф. Собрание Воронцовых, д. 1303. л. 33. См. также Архив князя В. ронцова, кн. 24, стр. 291.

*** Речь идет о двух армянских духовных лицах, из Иерусалима, находившихся в этот период в Крыму.

**** Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I, стр. 124.

Улица в г. Ново-Нахичевани.

активное участие в организации переселения крымских армян. Их деятельность положительно оценена самим Суворовым. В письме к Потемкину от 25 сентября 1778 года он просил учесть больше заслуги этих двух армянских сотников и дать им звание капитана. Суворов писал: «Приемлю смелость армянской нации отставных компанейских сотников Апаня и Андреаса, яко отлично трудившихся в выходе христиан в Россию, высокому вашей светлости покровительству поручить, и за услугу сию низжайше прошу вашей светлости сравнять их честно с армянскими капитанами в отставку»*.

В письмах и донесениях Суворова говорится также о подпоручике-армянине Петре (Петросе) Иванове. Последний также был связан с Суворовым и по его поручению развернул энергичную деятельность в Крыму. Учитывая заслуги Иванова, полководец поставил вопрос о назначении ему денежного пособия. Суворов 10 октября 1778 года из Бахчисарая писал Потемкину: «Подноситель сего Македонского гусарского полку подпоручик Петр Иванов, находясь при корпусе, потребляем был к разным, по знанию его турецкого языка, нужным препоручениям, кои исправлял с особливою ревностию и усердием, и ныне, по бывшему выводу крымских христиан в Россию, разная на него возлагаемая должности исполнял с отменною прилежностию и тщанием, споспешествуя весьма в соглашении упомянутых христиан к переселению в Россию. В упование оказанного им при сем случае трудолюбия и

* Архив ЛОИИ, ф. Собрание Воронцовых, д. 1309, л. 41. См. также Архив князя Воронцова, кн. 24, стр. 294.

претерпенного от татар в прошлом году увечья, не позволяющего ему продолжать далее службу, а равно и по недостаточному в пропитании себя состоянию, низжайше вашей светлости прошу усчастливить его вашим щедролюбивым призрением»*.

Жизнь Петра Иванова имеет интересную историю. В 1756 году Иванов поступил на военную службу в русской армии. Принимал участие в Семилетней и первой русско-турецкой войнах, в которых был ранен шесть раз. Затем он служил в войсках, находившихся в Крыму. Хорошо зная турецкий язык, Иванов был назначен на должность толмача (переводчика). «В 1777 году, во время происходивших в Крыму беспорядков, подпоручик Иванов был послан князем Прозоровским для увещания татар, восставших против Шагин-Гирея, но подвергся жестокому истязанию со стороны мятежников. Выслушав Иванова, они окружили его и принялись рубить саблями по рукам и голове. Он лишился двух пальцев правой руки, а левая была проколота пикой и в двух местах ранена саблей. Считая свою жертву убитой, татары бросили Иванова в реку. К счастью, он попал в мелкое место и тем спасся. По всеподданнейшему представлению Потемкина, Иванов 22 мая 1778 года был при отставке награжден чином капитана и пенсией по сто рублей ежегодно, из конторы экономии»**.

* Архив ЛОИИ, ф. Собрание Воронцовых, д. 1309, л. 42. См. также Архив князя Воронцова, кн. 24, стр. 294--295.

** Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I, стр. 387.

№ 23

№ 21.

приказъ Свѣтлѣйш. Г. С. 1718. Г.

Свѣтлѣйшій Г. С.

Милостивымъ Государь!

Прислаю Свѣтлости армянскіи нации
Отставнаго компанійскаго Сотника ама
ним и Андрейса яко отпаче прудяшкхса
во плавца Христианъ въ Россію, високому
вашей Свѣтлости покарнителству коудатъ,
исполудуетъ сію нижеслѣдше прошу вашей Свѣ
тлости съ равняти изъ числію съ армян
скими капитанами въ отставку.

Пресылаю въ высочайшій поупе
никъ и преданностию.

Свѣтлѣйшій Г. С.

Милостивымъ Государь

вашей Свѣтлости

Вселокарнителшій. Свѣтл
Андреасъ Суворовъ

снѣ. 25го Сентября
1718го Г. С.

Ходатайство А. В. Суворова о присвоении звания капитана
армянам-сотникамъ Ананию и Андреасу.

Из бумаг канцелярии Потемкина видно, что в 1778 году отличился также армянин Павел Артемов. В журнале «Исходящим делам канцелярии кн. Потемкина за 1780 г.» говорится, что за труды и усердия, проявленные во время переселения христиан из Крыма в Азовскую губернию, армянин Павел Артемов был произведен в прапорщики*.

Во время переселения армян в Крым находились армянский архимандрит и архиерей из Иерусалима. Суворов установил связь также с ними и использовал их в деле организации переселения армян. Об этом он из Крыма сообщил Потемкину 25 июля 1778 года. «Кстати,— писал Суворов,— случились здесь из Иерусалима армянские архиерей и архимандрит; ныне употребляются они с пользою**».

По поручению А. В. Суворова вопросом крымских переселенцев занимался также секунд-майор грузинский князь Эристов. Из рапорта Суворова на имя Г. А. Потемкина видно, что по приказу полководца в конце 1778 года, в связи с урегулированием финансовых вопросов, относящихся к переселенцам, вышеуказанный Эристов выехал из Крыма в Азовскую губернию***.

В деле организации переселения христианского населения из Крыма в Южную Россию под руководством Суворова значительную работу проделали так-

---

* ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 226, л. 139.

** ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XVI, д. 588, ч. 12, л. 36^о. См. также ЦГВИА, ф. ВУА, д. 208, л. 164.

*** ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XVI, д. 588, ч. 12, л. 410.

же русский резидент у крымского хана А. Д. Константинов, секунд-майор Синельников и капитан Сахновский, заслуги и полезную работу которых А. В. Суворов неоднократно отмечал в своих рапортах и письмах¹⁷. Интересно заметить, что значительно позже, в 1790 году, в своей краткой автобиографии Суворов, вспоминая о переселении армянского и греческого населения Крыма в 1778 году, писал: «...вывел христиан из Крыма в Россию без остатку»*.

Итак, переселение армянского населения Крыма в Азовскую губернию, основание армянского города Ново-Нахичевани, создание армянской колонии в районе Ростова-на-Дону тесно связаны с именем великого полководца Суворова.

II.

В 1780—1781 годах А. В. Суворову довелось вновь заняться вопросами, волновавшими в то время армянский народ. На этот раз дело не касалось лишь одной колонии армян, как это было в 1778—1779 годах, а всего армянского народа. В порядке дня стоял вопрос большого политического значения — вопрос о дальнейших судьбах Армении и всего Закавказья. В связи с этим перед великим полководцем были поставлены задачи широкого масштаба. Суворов в этот период принимал непосредственное, самое активное участие в русско-армянских сношениях и, в частно-

---

* Генералиссимус Суворов, сборник документов, 1947, стр. 62.

сти, в тех политических переговорах, которые велись между двором Екатерины II и представителями армянского освободительного движения.

В конце 1770-х и в начале 1780-х годов правящие круги царской России вновь выдвинули план похода русских войск в Восточное Закавказье, находившееся в то время под игом персидских ханов.

Этот план, во многом схожий с планом «персидского похода» Петра I, нашел широкий отклик во всем Закавказье. Он, в частности, вызвал большие надежды и ожидания у армянских политических деятелей, которые стремились при помощи русских войск освободить Армению от невыносимого ига персидских ханов и турецких пашей. С царизмом, принявшим в отношении народов Закавказья «позу освободителя»*, связывалось немало иллюзий. Но царское правительство, разумеется, преследовало не освободительные, а свои классовые, завоевательные цели. Однако осуществление предполагаемого похода русских войск в Закавказье объективно имело бы прогрессивное значение, ибо в создавшихся тяжелых политических условиях того времени лучшим выходом для закавказских народов было присоединение Закавказья к России.

План нового похода русских войск в Восточное Закавказье был принят двором Екатерины II в конце 1779 года. Сразу же после этого возник вопрос о том, кому поручить подготовку и осуществление похода. Выбор, как можно было ожидать, пал на энер-

---

* См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 9.

гичного, опытного, не знающего поражений генерала, известного полководца Суворова.

А. В. Суворов был вызван из Полтавы в Петербург. Екатерина II приняла его и имела с ним беседу. «Зимою, — пишет А. Петрушевский, — в ноябре или декабре (1779 г. — М. Н.), Суворова потребовали в Петербург. Государыня приняла его очень благосклонно и оказала ему особенный знак внимания, пожаловав 24 декабря бриллиантовую звезду ордена св. Александра Невского со своею собственною одеждою. Ему было объяснено, какое именно поручение на него возлагается, дан секретный собственноручный ордер Потемкина и инструкция»*.

В секретном ордере Г. А. Потемкина от 11 января 1780 года, данном Суворову, сказано: «Часто повторяемые дерзости ханов, владеющих по берегам Каспийского моря, решили, наконец, ее императорское величество усмирить оных силою своего победоносного оружия. Усердная ваша служба, искусство и успехи, всегда приобретаемые, побудили монаршее благоволение избрать вас исполнителем сего дела. Итак, ваше превосходительство имеете быть предводителем назначенного вам войска**». В ордере, далее, говорилось о том, что Суворов должен немедленно выехать в Астрахань, принять командование войсками и, изучив положение в Армении, Грузии и Персии***, сообщить о них Потемкину.

* А. Петрушевский, Генералиссимус князь Суворов, т. I, стр. 218.

** ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, Собрание А. В. Суворова, т. XV, л. 18.

*** В официальных документах того времени под словом „Персия“ подразумевались также Азербайджан и иногда Армения.

От Г. А. Потемкина Суворов получил, кроме ордера, также инструкцию, в которой более подробно излагалась его новая миссия. В инструкции, в частности, говорилось: «1. Вступите в командование тамошних сухопутных войск, вкупе с флотилиею на Каспийском море. По сведению на месте, сообразно положению дел и величеству России, определите сколько можно, вернее число, первых для сухопутной и морской операций, снабдите их и флотилию потребною артиллериею, военною аммуницею, всеми служащими для пропитания и иными припасами в довольном количестве. Паче примите наиблагочудрейшие меры для субсистенции войск на походе и временных их местных пребываниях, по состоянию сих стран и в них произращений. 2. С приверженными России ханами поступайте неостудно; с покоряющимися — человеколюбно; ее имп[ераторско-го] ве[личества] высочайшей воле противных — наказывайте; буйствы и преступления — строго и праведно, предваряя их злонамерения; с коими надлежит — содержите сообщение и корреспонденцию, послыку то благоусмотрите. 3. Флотилия надлежит быть умножена наемными купеческими судами, экипаж ее умножьте потребною пехотою, ради высаживания оной в неминуемых случаях. Главное ее действие есть в забирании и истреблении противных судов, наносящих вред и препятствия российской торговле на Каспийском море, которого берегам начальник на оной должен сочинить исправнейшею карту. 4. Главный ныне предмет ваш есть обеспечить коммерцию безопасным пристанищем, которое, ежели не инде

где то вообразительно, способное быть может за Рязем при Ленгеруте»*.

В инструкции Суворову было предписано также установить контакт с грузинским царем Ираклием, шемахинским и другими ханами¹⁸. В связи с этим в ней говорится: «...для восстановления беспрепятственной коммерции на Каспийском море видится необходимым дать вам от себя знать грузинскому царю Ираклию, шемахинскому хану и иным подлежащим на первый случай владельцам онародовать и поступать»**.

Суворов, как показывают архивные материалы, взялся за выполнение нового поручения со свойственной ему энергией. Еще до отправления в Астрахань, в бытность свою в Петербурге, он начал собирать подробные сведения о Закавказье. С этой целью в январе 1780 года он, а также Иван Горич (Большой)¹⁹ и Г. А. Потемкин, встречались и беседовали с армянским архиепископом Иосифом Аргутинским Долгоруким²⁰ и армянским богачом-дворянином Иваном Лазаревым²¹, которые при дворе Екатерины II имели значительный вес***.

---

* ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, Собрание А. В. Суворова, т. XV, л. 21. См. также А. В. Суворов, Документы, т. II, Москва, 1951, стр. 222—223.

** А. В. Суворов, Документы, т. II, стр. 223.

*** С Иосифом Аргутинским Суворов познакомился в 1778—1779 годах в период переселения крымских армян. С Лазаревым он поддерживал дружеские отношения задолго до этого. В истории рода Лазаревых в числе друзей Ивана Лазарева упоминается и Суворов (ГПБ Армянской ССР, Архив Лазаревского института, д. 106, л. 21; см. также

Об этих, во многих отношениях интересных встречах и беседах до нас дошел ценный документ — дневник Иосифа Аргутинского. Согласно этому дневнику, первую беседу с Аргутинским имел Иван Горич 1 января 1780 года. О первой встрече в дневнике говорится: «1 января 1780 года к нам (т. е. к Иосифу Аргутинскому — М. Н.) приехал Иван Петрович Горич и сообщил об их походе в Персию для овладения прибрежными морскими местами. Расспрашивал о персидской стране, о расстоянии, на котором находятся там города друг от друга, об их силе, количестве войск армян и турок (по всей вероятности, имеет в виду азербайджанцев — М. Н.) от Дербента и Гиляна до Тавриза и Еревана и отсюда до Карабаха и Ширвана. И мы рассказали сколько могли и он записал все это по-русски и отнес»*.

Через день, 2 января, произошла новая встреча. На этот раз с Аргутинским повидался сам А. В. Суворов вместе с Иваном Лазаревым. Аргутинский рассказывает: «2 января генерал-поручик Александр Васильевич Суворов приехал к нам на свидание и наш благородный ага Ованес (т. е. Иван Лазарев — М. Н.) был с ним. И в течение двух часов Суворов задавал много вопросов по тому же предмету (имеется в виду беседа с Горичем — М. Н.) и о наших

А. Зиновьев, Исторический очерк Лазаревского института, Москва, 1863, стр. 10).

* «Կոռնկի Հայոց աշխարհին», Թիֆլիս, 1863, № 7, էջ 510 (..Журавль Армянской страны», Тифлис, 1863, № 7, стр. 510); Գրիգորի Հայոց պատմութիւն, Թիֆլիս, 1911, գիրք Թ, էջ 23—24 (Архив армянской истории, Тифлис, 1911, кн. 9, стр. 23—24).

краях. Подробно расспрашивал о состоянии престола нашего св. Эмнадзина и сильно обнадеживал нас, что намерены восстановить наше государство*. Выйдя от нас, он поехал к светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину и передал ему все сказанное нами о городах»**.

Аргутинский, далее, пишет, что 3 января имела место встреча у Г. А. Потемкина²²: «3-го сего месяца светлейший князь просил нас к себе вместе с благородным ага Оганесом Егназаряном. Оба мы поехали к нему вместе. Говорили много об оказании помощи народу нашему и стране нашей. По армянской карте мы показывали ему районы Армении и известные ее города. Он сам (Потемкин — М. Н.) также много расспрашивал о положении народа нашего, патриаршего престола и католикосе. И на нашу убедительную просьбу о восстановлении у нас Великой Армении, в Ереване, отдельного армянского государства, он ответил, что это возможно, но необходимо, чтобы патриарх ваш вместе с несколькими местными владельцами возбудили вопрос о спасении вашем, а затем мы придем вам на помощь. Расспрашивал он и о царе Грузии и о многом другом. Мы с ага Оганесом отвечали на многие вопросы и, исполненные, на основании его слов, великих надежд, вышли от него радостные. И с этой же надеждой остаемся ныне в ожидании, пока удостоимся, в свое время, исполнения обещанного. Он приказал ага Оганесу написать в Джугу, ага Эмину²³, чтобы он приехал. Ага Ога-

* Подчеркнуто нами.

** «Կոմիտի Հայրը աշխարհին» («Журавль Армянской страны»), 1863, № 7, էջ 511.

нес написал, и письмо это он отправил в Астрахань губернатору, чтобы тот переотправил письмо в Джугу, к нему, дабы он приехал поскорее»*.

Четвертая и, повидимому, последняя встреча имела место опять у Суворова, по его приглашению. Об этой встрече в дневнике Иосифа Аргутинского мы читаем:

«13-го сего месяца (января 1780 года — М. Н.) тот же генерал-поручик Суворов вызвал нас вместе с ага Оганесом к себе для получения от нас сведений о состоянии и правах, а также о положении наших меликов, что в стране Арцаха, называемого ныне Карабах или Сигнах; и мы рассказали о порядке у них, о согласии между ними, разногласиях и о причине владычества над ними Панахана, разных бедствиях, о жизни их на чужбине, т. е. о жизни мелика Адама и мелика Иосифа и о возвращении их вновь в Джраберд.

Первый из них — мелик Адам, с его силами воннов в тысячу человек (Гирмидорд).

Второй, мелик Иосиф, той же силы. Оба они согласны во всем и действуют сообща и во многих отношениях самостоятельны, хотя и находятся в подчинении хана Шоши.

Третий, мелик Исаи, по силе первый среди меликов, но крайне стесненный благодаря зависти мелика Шахназара (Дузах).

Четвертый, мелик Шахназар, сподвижник турок и соединен с ханом. И он также располагает силами воннов в тысячу человек (Варанд).

* «Կարևոր հարցը աշխարհին» («Журавль Армянской страны»), 1883, № 7, էջ 511:

Пятый — мелик Мирзахан с сыном, располагающие силами воинов до тысячи человек (Хачен).

Мелик Алаверди — простой и совестливый человек, имеет до 500 воинов.

Ованес — католикос Агванский в том же Хачене, куда Ланк-Тимур выселил народ Агванка. Армяне пришли сюда и обосновались здесь. Католикосат продолжается до сих пор».

Из дневника Аргутинского, далее, видно, что Суворову рассказали также об эчмнадзинском католикосе, о Давид-беке, о грузинском царе Ираклии II и т. д.

«Мы здесь же, — пишет Аргутинский, — рассказали и о верховной власти святейших католикосов всех армян, которые в святом Эчмнадзине, и они записали все это. Ага Оганес рассказал об единстве наших юзбашин, о восстановлении государства и о его потере, также об усилении и храбрости Давид-бека и о постигшей неудаче после его смерти. Спросили нас о праве царя Ираклия и его силе, и все, что мы рассказали, они записали. Мы сообщили, что он (Ираклий — М. Н.) набирает войско среди шести народов — осов, тушов, пшавов, кстов, черкезов и лезгин. Есть среди этих народов такие, которые в подчинении у него, есть и такие, которых он нанимает. В государстве своем он имеет также население из армян и турок. И у них он набирает войско. Когда ага Оганес рассказывал им обо всем этом, они записывали все это по-русски»²⁴.

Таким образом, в результате нескольких встреч

и бесед, имевших место в январе 1780 года, Суворов получил от Аргутинского и Лазарева интересные сведения об Армении и всем Закавказье. Характерно, что, как показывают записи Аргутинского, А. В. Суворова интересовало не только современное положение, но и история освободительного движения народов Закавказья. Особенно интересно то обстоятельство, что Суворов выразил свое благосклонное отношение к вопросу восстановления армянского государства и недвусмысленно говорил о том, что Россия намерена сделать серьезные шаги в этом направлении. Нужно сказать, что это заявление Суворова имело свое основание. Дело в том, что царское правительство в 1780-х годах действительно имело намерение, исходя из интересов своей внешней политики, воссоздать под покровительством России армянское государство*. Не случайно, что именно в этот период развернулись довольно оживленные переговоры между двором Екатерины II и армянскими политическими деятелями, причем со стороны последних были составлены два проекта предполагаемого русско-армянского договора**. Об этом намерении царского правительства говорят также переговоры доктора Рейнегса²⁵ с эчмиадзинским католикосом Гукасом в начале 1783 года.

В январе 1780 года, когда в Петербурге имели место вышеописанные встречи и беседы, Суворов по-

* См. А. Р. Иоаннисян, Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, Ереван, 1947, стр. 190--191.

** Ռուսիան հայոց պատմութեան (Архив армянской истории), ԳԻԳ Դ՛

лучил одну докладную записку о политическом состоянии Армении и о мерах восстановления армянской государственности. Записка начинается следующими строками: «Армения уже несколько веков, как лишилась государя своего и особенного правления, многими местами овладели турки и персияне..., но, в случае какого-нибудь начальника из своей нации, весьма легким способом Армения может паки восстановиться и в короткое время сделается стечением немалого народа. От природы укрепленные места немалым способом служить могут к защищению себя; качество земли и климат без всякого недостатка может снабдить всеми нужными припасами, даже порох, железо и свинец иметь могут собственный».

В цитированном документе, далее, сказано, что Армения опустошена, много народа переселилось в разные места, но армянские мелики в Карабахе и Сигнахе еще сохранили независимость и в случае необходимости могут выставить свои войска. Чтобы восстановить армянское государство нужна военная и экономическая помощь России, необходимо организовать военный поход на Эривань. «Для такого начала потребно только первое пристанище и двухгодичное содержание для войска не более двух или трех тысяч, покамест он («начальник из армянской нации» — М. Н.) успеет овладеть до Еривана. По овладению оных провинций доходами своими без всякой уже нужды может содержаться не мало число войска, для начала же и впредь подкрепления и обороны необходимо иметь он должен несколько артиллеристов и пехоты, чтоб на первый случай быть за-

щищаему и в безопасности, а потом чтоб национальное войско могло научиться необходимым знанием регулярства, чтоб быть в состоянии в предбудущие времена укреплять границы свои и защищаться от нападений турецкой и персидской держав; таковое предприятие, которое одним словом монаршим и весьма легчайшим способом, без всякого сомнения, в действие приведено быть может...»*.

За такую помощь, говорится в записке, Армения вечно будет «обязанною России за спасение и восстановление свое». В конце записки упоминается о той пользе, которую могла бы иметь Россия от торговли в случае восстановления порядка в Армении и Персии: «Коммерция же между Персиею и Россиею, которая никогда еще не была доведена до желаемого состояния и которая у всех европейцев считалась завидною и полезнейшею, по восстановлении тишины в Армении и Персии, достигнуть может до такого состояния, что приносить может для России пользы миллионами»**.

Докладная записка эта, в том виде, в каком она напечатана в трехтомнике «Собрание актов», не имеет ни адресата, ни подписи. В конце документа лишь есть следующее примечание: «Таковая записка подана 10 января 1780 года его превосходительству Александру Васильевичу Суворову». Совершенно определенно можно сказать, что автором этого документа является Иван Лазарев, так как в бумагах Су-

---

* Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. II, Москва, 1838, стр. 69—70.

** Там же, стр. 70.

ворова сохранилась копия этой записки под заглавием «Нота господина Ивана Лазарева»*.

Не лишено интереса следующее обстоятельство. Академик Л. Броссе, долгие годы производивший кропотливые изыскания в московских и петербургских архивах, утверждает, что вышеуказанная докладная записка подписана А. В. Суворовым**. Ни в бумагах великого полководца, ни в других архивах мы не нашли такого документа. Но если все же допустить, что Броссе прав, то можно сделать следующее заключение: докладную записку И. Лазарев представил Суворову, а последний от своего имени — Екатерине II. Отсюда следует и другой важный вывод: Суворов разделял все мысли и предложения, изложенные в записке.

В 1780 году Суворову были поданы записки и иного порядка. Об этом сообщают некоторые сведения С. Худабашев и К. Шахназарян. В своей книге «История Армянской страны» Шахназарян, рассказывая о выдающемся деятеле армянского освободительного движения конца XVII века и начала XVIII века Исраэле Ори, пишет: «Мхитаристы Чамчян и Чакчян в своей истории Армении, пользуясь неизвестным мне недостоверным источ-

---

* Архив Академии наук СССР в Ленинграде, ф. 99, оп. 2, д. 13, стр. 59—64. Одна копия этой записки находится в бумагах И. Аргутинского (ГПБ Армянской ССР. Архив Лазаревского института, д. 22, лл. 63—64). Это обстоятельство говорит о том, что Аргутинский если не принимал участие в составлении этой записки, то, по крайней мере, знал о ней.

** П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа, ч. III, СПб, 1896, стр. 152.

ником, в изложении истории этого важного события (речь идет о переговорах Исаэла Ори с царским двором в начале XVIII века — М. Н.) допустили крупные упущения и ошибки. Наши источники, наоборот, исходят из двух памятных записок одного из великих людей Армении, сведущего в подробностях этого дела и современника* его. Одна из этих записок подана в 1780 году маршалу Суворову, другая же Екатерине II в 1790 году**.

Примерно то же самое повторяет и А. Худабашев. В его книге более определенно сказано, что автор памятных записок не только современник, но и участник событий, связанных с деятельностью Исаэла Ори***.

Из сообщений К. Шахназаряна и А. Худабашева следует заключить, что о жизни и деятельности Исаэла Ори в 1780 году Суворову была представлена специальная записка, составленная много лет назад. Кто же ее автор? По всей вероятности, это Минас Вардапет — один из современников и сподвижников Ори****.

* Подчеркнуто нами.

** *Ծրագիր պատմութիւն չայտտան աշխարհին և տեսութիւն ճին չայտտանի և նրա աշտեան գիճակին վրայ, Կարապետ վարդապետի Շահնաշարեանցի, Թիֆլիս, 1863, էջ 108* (Карапет Вардапет Шахназарянец, Программа-история Армянской страны, обзорные древней Армении и ее современного положения, Тифлис, 1863, стр. 108).

*** Обзорные Армении в географическом, историческом и литературном отношениях, собрал и составил А. Худабашев. СПб, 1859, стр. 457.

**** Минас В. рдапет скончался в начале 1740-х годов (Г Эзов, Сношения Петра Великого с армянским народом, СПб, 1898, стр. LXXXVI.).

Закончив свои беседы с Аргутинским и Лазаревым и собрав много интересных сведений об Армении, всем Закавказью и Персии, А. В. Суворов в конце января 1780 года отправился к месту своего назначения — в гор. Астрахань*. Здесь он приступил к выполнению возложенных на него обязанностей с большой энергией и воодушевлением.

Суворов принял командование дивизией, изучил состояние русского Каспийского флота, усиленно занимался сбором новых данных о Закавказье и Персии и предпринял ряд других мер для подготовки предстоящей экспедиции. Одновременно он начал переписку с некоторыми влиятельными лицами Закавказья и установил с ними политическую связь. Он переписывался и с армянскими меликами Карабаха. К сожалению, письма Суворова к ним не сохранились. Однако в архивах царского правительства имеется одно интересное письмо армянских меликов, адресованное А. В. Суворову. 2 сентября 1781 года мелик Адам и мелик Беглар писали знаменитому полководцу из Карабаха:

«Мы, нижеименные армянской нации оставшие в Карабаге из военачальников мелики, уведом, что ваше превосходительство по военным обращениям оказывали к нашей стране всякое сожаление и что для сего ж изволите быть сюда, ожидали вас с великою радостью. Но как прибытия вашего превосходительства до сего времени не видим, а

* Из письма Суворова к Потемкину видно, что Суворов из Москвы в Астрахань отправился 21 января 1780 года (Архив ЛОИИ, ф. Собрание Воронцовых, д. 1309, л. 72).

между тем народ магометанской паче оказывает нам притеснение, не имея ни с которой стороны помощи, повергаем себя под покров: во-первых, всемогущему богу и потом всепресветлейшей самодержавнейшей всемиловитвейшей государыни. Прося чрез письма из милости монаршей к спомоществованию нам отправить некоторое число военных, а посему и ваше превосходительство покорнейше просим сию нашу просьбу не оставить и подать надлежащую помощь.

Мы, как его светлость князь Григорья Александровича Потемкина, так и ваше превосходительство просим, для отвращения терпимых нами несносных тягостей, пожаловать нам пехотных российских войск десять тысяч. И о сем два письма, дабы лучше получить защиту от вашего в том старания, подносим у сего к вашему превосходительству, уповая, что вы, тем не обременясь, доставите нам ожидаемую нами вашу из человеколюбия милость, как глаголет о том святое евангелие и апостолы. Сии труды вашего превосходительства вечно останутся в памятах наших и мы, почитая вас подобным Моисею, спасшему Израиля от Фараона, не оставим помянуть имя ваше в святых церквах наших»*.

Письмо заканчивается следующими строками:

---

* ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 266, л. 5. Вместе с этим письмом карабахские мелики одновременно писали также Екатерине II и Г. Потемкину, о чем сообщает сам Суворов в своем рапорте кн. Потемкину от 18 февраля 1782 года (ЦГВИА, ф. 52, д. 266, л. 4). В архивных фондах сохранились и эти письма (ЦГВИА, ф. 52, д. 270, лл. 5—6, 47—49).

«Вашего ж превосходительства покорнейше просим, чтоб сия наша просьба куда надлежит доставлена была рукою брата нашего из начальников наследника, при вашем превосходительстве находящегося Сергея Агаджанова, сына Меликова; и паки просим ваше превосходительство о удовлетворении сего нашего прошения вашим милостивым представтельством; естли же удостоите нас на сие уведомлением вашим, то оное вернее доставить можно чрез вручителя сего господина Давида Осипова, сына Попова, нашего приятеля, которое мы неудержанно получить можем»*.

Вышеприведенное письмо не оставляет сомнения в том, что Суворов действительно вел политические переговоры с армянскими меликами, которые не представляли освобождение Закавказья от персидских ханов без активной помощи русских войск.

Суворов пользовался большой популярностью среди карабахских армян. Характерно, что мелик Адам, мелик Беглар, Стефан владелец и начальники (*բլրիմիսիր*) Саркис, Григорий, Бабай и Даниел 2 сентября 1781 года просили Потемкина осуществить военную помощь именно через Суворова. Просим, писали они, «до десяти тысяч пехоты. И довольны будем, естли учинится сие чрез руководство господи-

---

* ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, л. 266, л. 7. В деле (л. 6) имеется армянский оригинал письма, под которым подписали: мелик Адам ди мелик Израел (*մելիք Հաթաճ գի մելիք Իսրայել*) и мелик Беглар ди мелик Усуп (*մելիք Բեկլար գի մելիք Ասուփ*). Русский переводчик к этим письмам, неизвестно почему, прибавил и подпись Стефана владельца.

на генерал-поручика и кавалера Александра Васильевича Суворова»*.

О письмах Суворова, направленных армянским меликам, до нас дошли некоторые сведения. Так, например, армянский мелик Фритон в своем прошении, написанном в 1800 году и адресованном царю Павлу I, писал: «За 20 лет перед сим генерал граф Суворов, что ныне фельдмаршал Вашего императорского величества, находясь в Астрахани, писал оттуда в Карабаг, к отцу моему, мелику Бегляре-Иосифу, и высочайшим именем покойной родительницы Вашего величества предлагал, что буде он по православию имеет желание с подданными своими выйти в Россию, — всемилостивейше будет принят в высокое Всероссийского Двора подданство, на что родитель мой и отвечал, что когда пришлется туда победоносное войско российское, то он, снабжая оное на свое иждивение потребным на чужой стороне содержанием, не оставит совокупно с ним и со своими подданными всеохотно выйти в Россию**».

Писал ли А. В. Суворов и другие письма карабахским меликам? Думаем, что да, ибо установление контакта с армянскими меликами было одной из важных задач, возложенных на полководца. Подготавливая свою экспедицию в Восточное Закавказье, Суворов никогда не упускал из виду этих меликов.

Во время своего пребывания в Астрахани он

---

* ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 270, л. 59. Армянский оригинал этого письма не сохранился. Но очевидно, что в русском переводе допущены искажения в подлинных.

** Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК), т. I, Тифлис, док. № 871.

получил письма от Иосифа Аргутинского и от армянского католикоса Симеона.

Аргутинский писал Суворову в апреле 1781 года из Ново-Нахичевани. В своем письме он приветствовал и благословлял Суворова, говорил о тяжелом положении населения Нахичевани, сообщал о том, что на его (Суворова) имя поступило письмо армянского патриарха и т. д.

«Если ж, — писал Аргутинский, — ваше высокопревосходительство, удостоите о мне нижайшем быть сведомы, всепокорно донести честь имею: по моему долгу и с позволения его светлости (т. е. Г. Потемкина — М. Н.) нахожусь я в Нахичеване, где нашел нации нашей поселившихся там весьма в прескудном и сожалетельном состоянии, о чем много соболезную, но в помощь сему рассудил отправиться в Екатеринослав к господину губернатору Василию Алексеевичу Черткову»*.

Далее, Аргутинский писал: «...наш сын (архидьякон Аветик — М. Н.) изъяснил нам о человеколюбии вашего высокопревосходительства, оказанном ему** и всей нашей нации, чем я много обрадовался. И одолженным будучи, приношу вашему высокопревосходительству мою чувствительную благодарность. При сем покорнейше прошу и впредь иногда по нуждам моим и нации моей возможною милостию не оставить»***.

* ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 234, л. 22.

** Это место письма дает основание полагать, что архидьякон Аветик, по всей вероятности по поручению Аргутинского, был у Суворова и поставил перед ним ряд вопросов, относящихся к армянскому народу.

*** ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 234, л. 22 об.

Письмо католикоса Симеона на имя Суворова написано 21 июля 1780 года. Армянский католикос выражал свою благодарность Суворову за его деятельность во время переселения крымских армян в Азовскую губернию и вообще за его доброжелательное отношение к армянскому народу. Симеон писал: «Буде известно вашему боголюбию много оказанные милости нации нашей народа крымского, обязан я при сем принести мою благодарность, ибо известен сколько много вашей добродельности было к нам, подробно уведомил меня душевный сын наш Иосиф преосвященный (И. Аргутинский — М. Н.), что свято благопотешествовали, причинствуя избавлением от рабства и от которого, избавляя выводом, находятся вольными... как вы были причиною их избавления и благополучия, пишут к нам благодарность, и мы известны точно о любви и милости как к престолу Эчмиадзину, к нам и нашей нации имеете, и усердствуете всегда помогать нам добродетельностию, почему и мы вам, боголюбивому, много благодарны, и за такую великую милость нации нашей много я обрадован»*.

Письмо заканчивается следующими строками: «Вас прошу еще истинную и сущую любовь, милость и дружбу к сему святому престолу (т. е. к Эчмиадзинскому католикосату — М. Н.) и к нам иметь навсегда, и, удостоя писанием, обрадовать и иметь нас в памяти. Если соизволите быть известным о нашем обстоятельстве и о разном соболезновании, душевной сын наш Иосиф архиепископ уведомит вас, которого препоручаю в вашу милость...».

* ЦГВИА, ф. 52, оп. 191, д. 234, л. 23.

Это письмо Суворов получил через Иосифа Аргутинского в апреле 1781 года, т. е. тогда, когда католикоса не было в живых (он скончался 26 июля 1780 года).

Письма католикоса Симеона и архиепископа Аргутинского к Суворову показывают, что последний, находясь в Астрахани, был связан не только с Лазаревым и армянскими меликами, но и с армянскими духовными лицами.

Суворов переписывался и с грузинским царем Ираклием II. Об этом упоминает сам полководец. В своем письме П. И. Турчанннову от 4 августа 1780 года он из Астрахани писал, между прочим, что «с Ираклием только комплиментуемся издалика»*. Переписываясь с Ираклием и устанавливая политическую связь с ним, Суворов, несомненно, играл определенную роль в подготовке заключения известного русско-грузинского договора 1783 года.

Суворов установил контакт также с некоторыми азербайджанскими и персидскими ханами. Долгое время он вел переговоры, например, с гилянским (рештским) Гедает-ханом, который, желая спастись от своих врагов, в 1780 году обратился к русскому правительству о предоставлении ему убежища. Суворов предлагал хану принять русское подданство и переехать со своими людьми и имуществом в Россию. Однако это, по ряду причин, не произошло. О переговорах с Гедает-ханом имеются некоторые сведения в письмах и рапортах полководца. Из архивных документов видно, что посланник Гедает-

---

* Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I, стр. 171.

хана Сеид Риза в ноябре 1781 года приехал в Астрахань и вел переговоры с Суворовым. В начале января 1782 года Сеид Риза послал на имя Суворова из Баку письмо, в котором говорится: «Хан (т. е. Гедает-хан — М. Н.) весьма желанне свое возымел, чтоб быть под покровительством великороссийского двора и находиться в спокойствии, но, как видно, в том счастье ему не вспомошествовало»*.

Во время своего пребывания в Астрахани Суворов был связан со многими армянами, некоторые из которых выполняли его важные поручения. Так, например, тайные переговоры с Гедает-ханом полководец вел через карабахского армянина Никиту Яковлева.

В бумагах Суворова сохранились письма Яковлева, а также показания гянджинского армянина Гукаса Петрова, из которых видно, что по поручению полководца Никита Яковлев 19 июля 1780 года выехал из Астрахани в Гилян с целью вести переговоры от имени Суворова с Гедает-ханом**. В Дербенте (точнее в одной из деревень, находящихся близ Дербента) он был ограблен шурином дербентского хана — небезызвестным Ага-Магомет-ханом, являвшимся врагом Гедаета. Из Дербента Яковлев поехал в Баку, а оттуда на русском купеческом судне отправился в Гилян. После свидания с Гедает-ханом он вернулся в Баку, затем обратно поехал в Дербент, чтобы через Кизляр отправиться в Астра-

* ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 266, л. 3

** В некоторых архивных материалах употребляется «Аднат-хан».

хань. Но недалеко от Дербента он снова был задержан Ага-Магомет-ханом, который на этот раз, из полученных им данных, узнал об истинной цели путешествия Яковлева. «Посланник» Суворова был ограблен и жестоко избит. Хан решил убить его, но Яковлеву удалось бежать из поместья хана в Дербент. Оттуда он отправил Суворову письмо о помощи. В этом письме говорится: «Как я отправлен был от Вашего высокопревосходительства из Астрахани, но по приезде моем дербентского хана к шурину Магомет-хану, живущему от Дербента в двух верстах, оной отобрал у меня без всякой причины собственных моих денег семьдесят рублей, откуда поехал я в Гилян и намерен был чрез несколько времени отправиться обратно к вашему высокопревосходительству. Однако тем же Магомет-ханом в проезд мой чрез его деревню, по какому-то к нему неведомо от кого писанному письму, пойман, взят под караул, нещадно бит и, по ограблении у меня всех имевшихся при мне вещей, посажен был в железях под караул, где и находился пятнадцать дней, а потом хотел умертвить, но я, узнавши о том, железо изломал и, из-под караула чрез стену ушед, пробрался в Дербент, но и отсель хочет меня взять опять к себе... Всенижайше вашего превосходительство прошу сделать со мною отеческое милосердие о освобождении меня от сего ига, вашим покровительством не оставить»*.

* ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 218, л. 54. История, изложенная в письме Никиты Яковлева, подтверждается в показаниях гянджинского армянина Гукаса Петрова (см. там же, лл. 55—56), кизлярского жителя Аджи Карагоса (Киракс-5 М. Нерсисян

Никита Яковлев был освобожден и 24 декабря того же года прибыл в Астрахань. Яковлев, как видно из его письма от 6 апреля 1782 года, адресованного Суворову, добрался из Дербента в Астрахань со специальным конвоем, присланным полководцем из Астрахани*. После прибытия Яковлева в Астрахань Суворов наградил его и представил на «высокое покровительство» князя Потемкина. В своем рапорте от 27 декабря 1780 года Суворов в связи с делом Гедает-хана писал Потемкину:

«По сему делу особливо употребленной ганджинской армянини Никита Яковлев, бывший при конце своего живота, слава богу, возвратился сюда здоров. За услуги его... мерное награждение мною учинено.

Сего армянина, Никиту Яковлева, принимаю смелость в высокое покровительство вашей светлости поручить. Краткое его показание и все сие происшествие предаю на высокое рассмотрение вашей светлости»**.

О Никите Яковлеве он одновременно сообщил и П. И. Турчанинову. В тот же день, 27 декабря 1780 года, Суворов из Астрахани писал: «Юнаго Никиту Яковлева поручаю Вашему представительству; он дворцов, кроме сатрапских, не знает»***.

Имя Яковлева упоминается и в письме Ивана

са—М. Н.; см. там же, д. 234, л. 18), тифлисского армянина Ананья Захарьева (там же, л. 4) и др.

* ЦГВИА, ф. 59, оп. 194, л. 266, л. 9.

** Там же, д. 218, л. 74.

*** Архив ЛОИИ, Собрание рукописных книг, д. 342, л. 31.

Горича к Суворову от 17 декабря 1781 года. Из этого письма видно, что Яковлев, находившийся в этот период в Петербурге, отправился обратно в Астрахань. Горич отзывается о Яковлеве, как о верном человеке*.

С Суворовым был связан также армянин Петр Иванов. Он оказал некоторые услуги русским войскам, исполнял разные поручения полководца, за что последний ходатайствовал об оказании Иванову помощи и покровительства. В письме правителю канцелярии Потемкина — П. И. Турчанинову — от 12 сентября 1780 года Суворов из Астрахани писал:

«Из приложенного при сем в копии письма, Вы, милостивый государь мой, усмотреть изволите просьбу подателя сего, армянина Петра Иванова, которой, от усердия его к пользе войск наших, во время пребывания оных в Дербенте, — в доставлении, поставкою провiantа и фуража, — по злобе и ненависти тамошняго Фет-Али-хана лишился своего имения, а потом, предавшись вечно в подданство России, не нашел еще и поныне, против прочих таковых же у нас обитающих, к прожитию места. И для того, повергая его в Ваше покровительство, покорнейше прошу ему, по великодушию Вашему, в воздаяние, сделать возможное предстательство**».

Об Иванове мы знаем мало. Даже не известно, тот ли это Иванов, который сблизился с Суворовым

* ГИБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, Собрание А. В. Суворова, т. XV, л. 30.

** Архив ЛОИИ, Собрание рукописных книг, д. 342, л. 29, см. также Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I, стр. 176.

в Крыму в 1778—1779 годах? Известно только, что он в 1781 году был в Петербурге и подал на имя Екатерины II заявление с просьбой выдать ему из казны денег для возмещения убытков в связи с доставкой им продовольствия для русского отряда. В этом прошении Иванов одновременно жаловался на астраханского армянина Миная Степанова, который, как показывают письма Суворова, был одним из астраханских недоброжелателей последнего*. В своем письме от 17 декабря 1781 года Иван Горич Большой писал из Петербурга А. В. Суворову: «Находящийся здесь из дербентских армян Петрос Иванов на сих днях подал письмо самой государыне на астраханского армянина Миная Степанова. Что из оного преследует резолюцию, то обо всем подробно вашего превосходительства при первой оказии уведомлю»**.

Из писем и бумаг Суворова видно, что он имел связи также с некоторыми другими армянами, выполнявшими его различные задания. В бумагах Суворова сохранились заявления от армян Астрахани, Кизляра и Дербента, поданные ему по разным вопросам.

Суворов в Астрахани оставался свыше двух лет — с января 1780 года по апрель 1782 года. Как мы уже заметили, в связи со своей миссией он вна-

---

* ЦГВИА, ф. 52, д. 270, лл. 41—46. Под письмом подписано Петрос дн Оган (*Պետրոս զի Օհան*).

** ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, Собрание А. В. Суворова, т. XV, л. 30. Из вышеприведенных строк Горича можно заключить, что к делу жал бы П. Иванова на М. Степанова Суворов не был безразличен.

чале развернул энергичную деятельность, но затем был лишен этой возможности и оказался в положении выжидателя, ибо экспедиция, для которой он был послан на берег Каспийского моря, затягивалась и, в конце концов, была отложена. Правда, летом 1781 года астраханская эскадра под командованием бездарного графа Войновича отправилась к берегам Персии, но Суворов не принимал никакого участия в этой неудачной экспедиции²⁶. Он считал, что его обрели на бездеятельность. С весны 1781 года он посылает ряд писем и рапортов в Петербург с просьбой перевести его в другое место, на другую «свежую, живую» работу. «Я здесь другой уже год без всякого дела», — писал Суворов Потемкину 8 августа 1781 года из Астрахани*. Считая, что Суворов больше не нужен в Астрахани, царское правительство решило перевести его в Казань. 30 декабря 1781 года был принят соответствующий указ. Потемкин в этот же день писал Суворову: «По получении сего имеете вы, господин генерал-поручик и кавалер, отправиться к Казанской дивизии и принять оную в командование ваше»**. Повидимому, этот указ Суворов получил довольно поздно, ибо он оставил Астрахань только в апреле 1782 года.

Покинув Астрахань, Суворов продолжительное время не имел нового повода общаться с армянским народом и заниматься вопросами, связанными

---

* Архив князя Воронцова, кн. 24, стр. 302.

** ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, Собрание А. В. Суворова, т. XV, л. 25.

с Арменией и Закавказьем. Но он даже в этот период не переставал интересоваться армянским народом. В этом отношении характерен следующий факт. В 1786 году в Петербурге вышла в свет в русском переводе часть известного труда выдающегося армянского патриота XVIII века Мовсеса Баграмяна «Новая тетрадь, называемая увещатель»²⁷. Русский перевод книги носит следующее заглавие: «Краткое историческое и географическое описание царства армянского из древних писателей сего народа, яко верных источников, собранное и на армянском языке в Индии изданное Яковом Шамировым, а ныне с армянского на российский язык переведенное подпоручиком Варламом Вагановым». В конце книги приложен список ее подписчиков. И в этом списке, под № 19, значится: «Его превосходительство Александр Васильевич Суворов»*.

* * *

В годы второй русско-турецкой войны (1787—1791) А. В. Суворову снова пришлось заниматься вопросами, касающимися одной части армянского народа. Полководцу на этот раз пришлось иметь дело с армянским населением Молдавии и Валахии.

А. В. Суворов, как известно, играл огромную роль в этой войне. Его многочисленные славные победы в значительной мере преопределили исход

---

* Из одной записки Суворова видно, что он изучил также историю войны, происходившей между Римом, с одной стороны, и армянским царем Тиграном II, понтийским царем Митридатом VI—с другой (см. А. В. Суворов, Документы, т. IV, стр. 418).

войны. В октябре 1787 года он выиграл сражение под Кинбурном, в июле 1788 года — под Очаковым. В июле и сентябре 1789 года он одержал блестящие победы при Фокшанах и при Рымнике. В декабре 1790 года его войска героическим штурмом взяли знаменитую крепость Измаил, считавшуюся до тех пор неприступной.

Во многих городах и населенных пунктах, лежавших на пути победоносной армии Суворова, как, например, в Фокшанах, Яссах, Бендерах, Измаиле и прочих, жило и армянское население, обосновавшееся в этих местностях несколько веков тому назад. Еще в период военных действий Екатерина II приняла решение переселить армянское население в Россию. Для успешного выполнения этой задачи Потемкин пригласил в действующую армию армянского архиепископа Иосифа Аргутинского. Последний с удовольствием принял предложение царского правительства и вскоре появился в армии Суворова. Старые знакомые встретились вновь.

Выполняя указания Г. А. Потемкина, Аргутинский приступил к делу организации переселения. Но это было нелегкое дело. В результате войны население терпело нищету и бедствия. Нужно было ему оказать экономическую помощь и преодолеть много трудностей, возникших в связи с переселением. Чтобы разрешить возложенную на него задачу, Аргутинский часто обращался к Суворову.

В письмах Аргутинского этого периода имеются сведения о его встречах с Суворовым. Так, из одного письма Аргутинского видно, что в конце 1790 года он повидался с ним и передал ему письмо Ивана Ла-

зарева*. В другом письме Аргутинского говорится о том, что во время занятия Измаила (декабрь 1780 года) один из подчиненных и близких людей Суворова, полковник Еким Васильевич Хастатов (по происхождению армянин), предпринял некоторые меры для облегчения положения армянского населения**. Хастатов выполнял поручения Суворова.

В результате принятых мер, около 4000 человек, главным образом из городов Измаил, Аккерман и Бендеры, переселились в Россию***. Для этих переселенцев в 1791 году был основан город Григорнополь.

Не лишне отметить, что Аргутинский, находясь в армии Суворова, был очевидцем ряда важных событий, о которых и рассказывает в своих письмах и дневнике. О занятии Измаила, например, он пишет: «11 декабря месяца, в среду, на рассвете, в пять часов утра граф Александр Васильевич Суворов дал сражение, продолжавшееся до одиннадцати часов и ценою большого кровопролития и множестве жертв взял город Измаил...»****. Далее, Аргутинский говорит, что неприятель потерял убитыми 21 000 и пленными 8000 человек. Подробно рассказывает он также о грабежах турецких войск, о тяжелом положении народа и т. д. Вообще нужно указать, что дневник и письма Аргутинского дают мно-

---

* Государственное хранилище древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР (Матенадаран), рукопись 2949, л. 234.

** Там же, л. 212.

*** ЦГВИА, ф. 52, д. 270, л. 56.

**** «Կրօնական հարցա փոխարկի» («Журавль Армянской страны»), 1863, № 6, էջ 428:

го ценного о военных событиях второй русско-турецкой войны*.

В 1795 году, в связи с опустошительным походом Ага-Магомет-хана в Грузию, Азербайджан и Армению, царское правительство приняло решение организовать поход русских войск в Закавказье с целью присоединения его восточных провинций к России. Когда слухи об этом дошли до Тифлиса, И. Аргутинский, находившийся в это время там, всячески старался, чтобы поход этот поручили Суворову. Аргутинский 15 декабря 1795 года отправил специальное письмо в Петербург, к «араратскому послу» Степану Давтяну. В этом весьма характерном и интересном письме Аргутинский писал: «...если пошлют графа Суворова, то все дело разом будет кончено ко благому нашему. По сему делу (о походе в Закавказье — М. Н.) 1 января 1780 года был он же назначен. Он приехал ко мне и в доме Турджинова (по всей вероятности, Турчанинова — М. Н.) записал все. Тогда и сам он желал быть в тех краях, но потом все изменилось. От меня привет ему с благословением и скажи: О, святой Георгий, быстролетающий на помощь страждущим и спаситель пленных, поснещи на помощь злополучному грузинскому царству и моему отечеству, любимому тобою»**.

---

* Иосиф Аргутинский побывал в Яссах, Бендерах, Измаиле и других городах.

** «Кавказская старина», Тифлис, 1872, № 2, стр. 30—31, подчеркнуто нами. Аргутинский еще раз упоминает о Суворове в 1799 году, когда великий полководец.

В конце письма Аргутинский еще раз подчеркивал, что если пошлют Суворова, то войска Ага-Магомет-хана «будут обращены в бегство и уничтожены».

Это письмо Иосифа Аргутинского яркое свидетельство того, какой репутацией пользовался Суворов среди армянских политических деятелей того времени.

В начале января 1796 года Екатерина II предложила Суворову принять на себя командование экспедиционным корпусом, предназначенным для Закавказья. «Фельдмаршал,— пишет В. Алексеев,— просил дать ему время для размышления. Сперва он решил было исполнить желание императрицы и серьезно занялся предстоящей ему задачей, но затем передумал»*.

Командование экспедицией было поручено генералу В. А. Зубову. В 1796 году русские войска заняли Дербент, Баку, Гянджу и т. д. Суворов с интересом следил за развивавшимися событиями и в своих письмах делал ряд проронических замечаний по адресу бездарного и высокомерного Зубова. В письмах к Д. И. Хвостову полководец 5 мая 1796 года писал: «Театр на востоке: герой граф Валернан за Дер-

---

одерживал блестящие победы над армиями Наполеона в Северной Италии (см. Архив армянской истории, кн. 9, стр. 273).

* Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I, стр. 413. Из письма П. Н. Ивашева к графу Д. И. Хвостову видно, что Суворов намеревался поехать на Кавказ и в 1793 году. Ивашев 2 декабря 1793 года писал: «Его сиятельство наш начальник (Суворов — М. Н.) собирался объехать Кавказ, но после раздумал» (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, Собрание А. В. Суворова, т. IX, л. 90).

бент, покорит и укрепит Каспийское море, прострет свои мышцы до Аракса, далее завоевание Петра Великого и ограничит Грузию»*. В письме от 14 июля по тому же адресу Суворов говорит: «Сион нищет... пошли далее на Баку, так будет Ряц, Араке и пр., выше проекта Петра I, и вот новый завоеватель Азии...»**. В письме от 30 сентября было сказано: «...Что мне о Персии писать? Новый завоеватель Шемахи будет после такового ж областью Гилянско-го, Рящем и гаванью или хоть нечто после еще, и по малой мере генерал-аншеф. Сие стремление к П-на (князя Платона — М. Н.) должно быть для присвоения ему к себе армии и армиев. Гибель по сей гигантской экспедиции пойдет гулять на облака»***.

А. В. Суворов, далее, отмечал, что утверждение Зубова о завоевании городов не соответствует действительности, ибо нет сопротивления и сопротивляющихся. «Г. Вл-н (господин Валериан — М. Н.) освободил грузинское царство! Ложь, он там не был... Он с ним не встречался. Покорение! Покоряют послушных и противуборных. Дербент... сдавался Савельеву, Баку занят казаками. И так войска вошли в Шемаху»****.

Суворов был прав. Ни в Дербенте, ни в закавказских городах русским войскам не было оказано серьезного сопротивления. Более того. Народ встречал их, вопреки воле реакционных ханов и беков, с большой радостью.

* ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, Собрание А. В. Суворова, т. X, л. 13.

** Там же, лл. 25--26.

*** Там же, лл. 54—55.

**** Там же, т. XII, л. 117.

III.

А. В. Суворов в разные годы своей жизни и по разным поводам устанавливал определенные связи со многими армянскими деятелями. К их числу принадлежат, прежде всего, Иван Лазарев и Иосиф Аргутинский. Далее, можно упомянуть Петра Маркоса, Петра Иванова и Никиту Яковлева, о которых мы уже говорили.

Но круг армянских деятелей, находившихся в контакте с А. В. Суворовым, не ограничивается вышеуказанными лицами. Он общался и с некоторыми другими влиятельными армянами того времени, о которых следует сказать несколько слов.

В отделе рукописей Государственной публичной библиотеки СССР им. Ленина (Москва) хранится письмо иерусалимского армянского патриарха Иоакима Канакерцы к А. В. Суворову. Патриарх выражает глубокую благодарность великому полководцу за подарок, присланный им армянскому монастырю св. Якова в Иерусалиме*. Из письма видно, что подарком Суворова была драгоценная художественная картина с изображением «Явления святого духа», «нарисованная достойною рукою гениального мастера разноцветными красками». Картина была получена через патриаршего легата архиепископа Гаврила (брата патриарха).

---

* Государственная Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва), отдел рукописей, Армянский фонд, № 7. Письмо опубликовано В. Акоюном и В. Восканяном в 1950 году (Известия АН Армянской ССР, общественные науки, 1950, № 6, стр. 95—97).

В письме, кроме глубокой благодарности, горячих приветствий и благословения, имеются также другие весьма теплые слова по адресу Суворова. Автор письма характеризует его как «храбрейшего полководца из благороднейшей русской нации», как великого человека. Обращаясь к Суворову, патриарх просил, чтобы он всегда оказывал помощь армянскому народу. «И поскольку мы подружались в связи с получением святейшей и прекрасной картины явления святого духа, я, набравшись смелости, обращаюсь к твоему человеколюбию, дабы добрую память о нас постоянно хранил ты в своем народе и семье и, где бы ни довелось, оказывал бы благодеяние нашему народу».

Письмо патриарха к Суворову заканчивается следующими строками: «И вот, поскольку благочестие твое жаждет всегда добрых дел, и ты постоянно творишь благодеяние... тебе причитается венок справедливости. И ты, достойный вечной славы, сообрази с высоты своего величия принять нашу просьбу и посредничество о тех, кто находится в вашей благословенной стране. Творите благодеяние по мере возможности, считая их не за [чужих], а за своих подлинных друзей-соплеменников и возлюбленных. Мы же здесь, в святых местах христовых, молимся за вас и за благополучие вашей полководческой жизни»*.

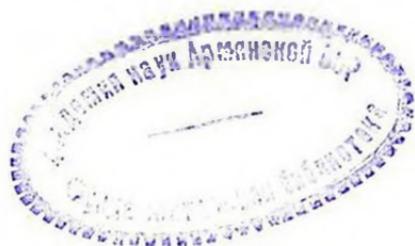
К сожалению, нельзя точно установить, когда написано это письмо. Нельзя также сказать, когда, в связи с чем и при каких обстоятельствах Суворов

---

* ГИБ СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей, Армянский фонд, № 7.

Handwritten text in Armenian script, likely a letter or document. The text is dense and covers most of the page, with some lines obscured by a large tear on the left side. The script is a traditional Armenian cursive style.

Письмо иерусалимского армянского патриарха
А. В. Суворову.

послал свой подарок, но есть некоторые основания полагать, что он это сделал в период переселения крымских армян в Азовскую губернию (1778—1779), когда в деле организации переселения Суворову оказывали помощь некоторые армянские духовные лица из Иерусалима, находившиеся в то время в Крыму. По всей вероятности, именно через них Суворов завязал сношения с иерусалимским армянским патриархом.

Но, так или иначе, ясно одно. А. В. Суворов имел связи не только с армянами Крыма, Астрахани и других частей России, но и далекого Иерусалима.

В бытность свою в Астрахани (1780—1782) Суворов установил контакт и с некоторыми другими армянами. Архивные материалы показывают, например, что в этот период среди близких ему людей были астраханские жители армяне братья Богдан и Аким Хастатовы. Об Акиме Хастатове мы скажем позже, а сейчас несколько слов о Богдане Хастатове.

Богдан Васильевич Хастатов занимал должность цольнера, а затем директора Астраханской портовой таможни*. Вскоре после прибытия в Астрахань Суворов поставил вопрос, чтобы Б. Хастатова перевели на военную службу к нему. 27 февраля 1780 года полководец писал Г. А. Потемкину: «Астраханской портовой таможни правящий пред сим цольнерскую должность директор Богдан Хаста-

---

* В ордере Г. Потемкина от 25 февраля 1778 года астраханскому губернатору Якобину было предложено Богдана Хастатова, ввиду его невинности, восстановить в должности цольнера Астраханской портовой таможни (ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 167, л. 43 об.).

гов пожелал быть с переименованием по табели о директорах, с награждением чина, в военной службе, о чем по команде на рассмотрение вашей светлости представлено. А как он азиатские обстоятельства и их нравы, языки сведущ, какового мне ныне иметь в команде нужно, по требованию ж моему ныне от него для сведения на сей раз нужностей усмотрен мною он довольно надежен; всепокорно прошу вашу светлость с награждением чина приказать явиться ему в мою команду*.

О Хастатове Суворов одновременно сообщил начальнику канцелярии Потемкина П. И. Турчанинову. «Моего приятеля Богдана Васильевича Хастатова, — писал полководец, — поручаю в Ваше представительство. Он желает чину и быть со мною, по способности»**.

В другом письме к Турчанинову Суворов, 10 апреля 1780 года, из Астрахани писал: «Хастатов Богдан Васильевич здешний... должен давно к Вам явиться и, поистине, полезен мне здесь будет, чего ради благоволите его поспешно сюда возвратить»***.

Проьба Суворова была удовлетворена. Хастатов начал работать под непосредственным начальством полководца и стал одним из его близких людей. В последующие годы, как сообщает В. Алексеев, он в чине секунд-майора служил заседателем в первом департаменте астраханского нижнего надворного суда****.

* Архив князя Воронцова, кн. 24, стр. 301.

** Архив ЛОИИ, Собрание рукописных книг, д. 342, л. 16.

*** Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I, стр. 164.

**** Там же, стр. 364.

В 1780—1781 годах у Суворова служил также сын одного из карабахских армянских меликов — Александр (Саркис, Сергей) Меликов*. До нас дошло письмо Суворова к П. И. Турчанинову с просьбой назначить Меликова на военную службу. 11 сентября 1780 года полководец писал из Астрахани в Петербург следующее: «Вручитель сего астраханский житель, армянин Алексей Меликов, ищет случая вступить в воинскую службу, а как он человек порядочного поведения и услугами своими сделался мне знаком, то я, надеясь на Вашу ко мне благосклонность, и повергаю его Вашему приращению, прося покорнейше в сем его иску, по возможности, не оставить Вашим покровительством»**.

Наряду с военной службой Меликов выполнял и особые задания Суворова. Последний через него держал связь с карабахскими армянскими меликами. Одно из писем Никиты Яковлева к Меликову, написанное в декабре 1780 года, показывает, что он по поручению Суворова занимался собиращем разных сведений о Закавказье и Персии***. Далее, из этого письма можно заключить, что Меликов был одним из доверенных людей Суворова.

В октябре 1782 года Суворов принял командование Кубанским корпусом, штаб которого находился в крепости св. Дмитрия Ростовского²⁸. Исполняя эту должность в период с октября 1782 года по ап-

* В письме армянских меликов к Суворову от 2 сентября 1781 года он назван „Сергей Агаджанов, сын Меликова“, у Суворова — Александр (Алексей) Меликов.

** Архив ЛОИИ, Собрание рукописных книг, д. 342, л. 28.

*** ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 218, л. 54.

рель 1784 года, великий полководец, разумеется, часто бывал в своем штабе и держал связь с некоторыми влиятельными армянами гор. Нахичевани, стоявшего рядом с крепостью. Из рапортов Суворова видно, например, что председатель нахичеванского армянского магистрата майор Иван Абрамов в конце 1783 года и в начале 1784 года выполнял одно его важное поручение.

В начале ноября 1783 года, вскоре после присоединения Крыма к России, Суворов получил предписание Потемкина вести переговоры с крымским ханом Шагин-Гиреем с целью убедить его переехать на жительство в Россию. Полководец отправил в Крым к хану полковника Булгакова и майора Абрамова. В рапорте Суворова Г. А. Потемкину от 26 ноября 1783 года об этом говорится: «Вашей светлости высокое повеление (о переговорах с крымским ханом — М. Н.) от 9-го числа ноября мною получено. По известной вашей светлости моей ревности совершенно я бы не оставил сам оное в исполнение привезть. Но остуда ко мне светлейшего Шагин-Гирей-хана, по выводе из Крыма христиан, обратившаяся в злопамятство, может производство испортить. Чего ради для трактования сего и брал я за лучшее употребить Нижегородского пехотного полку господина полковника Булгакова, который до сего испытан был в доверенности по Донскому войсковому правлению. В помощники я ему придал нахичеванского председателя майора Ивана Абрамова»*.

Из последующих рапортов Суворова к Потемки-

---

* А. В. Суворов, Документы, т. II, стр. 291.

Александр Суворов 11.2 1780
28.

Милостивый Зар Мой Петръ и Воинамъ!

Будучи все Александровою десницею Сине-
миде Океана Мемелю иста Русая Вступил
Винитю Службу, Аона Онд делавилъ прогдо-
ного прогденя и Точные Свойи Обманявилъ
Знакомилъ; что я надеяся на Вашу волю
Благосклонности и прогденя въ Вашему прог-
деню. Прога прогденя въ Сине Океану
Потомости неоставилъ Вашима прогденя
прогденя. Прогда всегда Совемен-
наль прогденя и прогденя.

Милостивый Зар Мой!
Вашего Александрово
Точный Океан
Александр Суворов

Ходатайство А. В. Суворова о принятии на военную
службу Алексея Меликова.

ну видно, что Булгаков и Абрамов прибыли в Крым 11 декабря, имели беседы с ханом и с ответным письмом последнего 6 февраля 1784 года возвратились в штаб Суворова*.

* * *

Говоря об армянских деятелях, имевших определенные связи с А. В. Суворовым, небезынтересно отметить, что во многих военных походах и сражениях, возглавлявшихся Суворовым, под его непосредственным руководством принимал активное участие ряд армян-офицеров²⁹. По этому вопросу в трехтомном сборнике документов, относящихся к истории армянского народа, сказано: «В войнах и в походах под начальством знаменитого полководца генералиссимуса князя Александра Васильевича Италийского, графа Суворова-Рымникского находились из армян: подполковник Хастатов, подполковник Манеев и майор Лалаев; оба сии были доверенные лица и любимцы генералиссимуса. Хастатов храбростию и заслугами достиг впоследствии чина генерал-майора и знаков отличия; а Манеев, к сожалению полководца и всех знавших его, убит при взятии Измаила. Сей храбрый Манеев с неимоверною неустрашимостию отличался на приступе»**.

---

* А. В. Суворов, Документы, т. II, стр. 294, 299. В письме И. Аргутинского к Шагамиру Шагамирину от 3 января 1787 года говорится, что Оганес (Иван) Абрамов имеет чин майора и занимает должность первого судьи в гор. Нахичевани (Мстенадран, рукопись 2699, л. 130).

** Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. III, стр. 302.

Аким Васильевич Хастатов — житель Астрахани, брат Богдана Хастатова, о котором уже говорили. В. Алексеев сообщает: «Аким Васильевич Хастатов (1756—1809) был с 1 января 1776 года в отставке, в чине капитана Владимирского драгунского полка. 17 мая 1780 года вновь принят на службу. Аким Хастатов — боевой товарищ Суворова; как адъютант его штаба, участвовал во второй турецкой войне и, между прочим, в сражениях при Фокшанах, где дважды был ранен, и при Рымнике, где командовал карре. За боевые подвиги при Фокшанах получил георгиевский орден четвертого класса. В 1793 году состоял при нашем посольстве в Константинополе, так как владел иностранными языками. При Павле, в чине генерал-майора, был назначен шефом драгунского полка своего имени, а 9 февраля 1799 года вышел в отставку с тем же чином»*.

А. Хастатов был направлен на службу к Суворову в начале 1780 года. В письме к Турчанинову от 27 февраля 1780 года А. В. Суворов просил назначить капитана Хастатова на военную службу в свою дивизию. Просьба была удовлетворена. Хастатов вскоре стал одним из близких людей знаменитого полководца. Характерно, что 19 ноября 1781 года Суворов, в связи с каким-то конфликтом, имевшим место между неким полковником Пнери и Хастатовым, просил Турчанинова оказать помощь последнему. Полководец писал: «Следующаго в Санкт-Петербург вручителя сего, обретавшагося при мне у должности капитана Хаста-

* Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I, стр. 364—365.

това, ищущаго покровительства его светлости князя Григорья Александровича в учиненной ему Астраханского пехотного полку г. полковником Пиери обиде, елико можно, не оставьте Вашим вспоможением»*.

В письмах Суворова последующих годов и в особенности в период второй русско-турецкой войны часто встречается имя Хастатова. В них говорится, главным образом, о его военных подвигах. Так, например, в реляции к Г. А. Потемкину от 1 октября 1787 года Суворов, сообщая о сражении при Кинбурне и подчеркивая героизм русских солдат и офицеров, между прочим, писал: «Одолжил меня весьма много разными исправлениями к пользе ее императорского величества победительного оружия, которые он часто постигал сам собою, сверх его храбрости, штаба моего генерал-адъютант Аким Хастатов»**.

В июле 1789 года, описывая блестящую победу русских войск при Фокшанах, Суворов в списке отличившихся офицеров, совершивших воинские подвиги, упоминает и Хастатова. В своей реляции к Г. А. Потемкину от 11 сентября 1789 года, сообщая о сражении при реке Рымнике, А. В. Суворов писал: «...подполковники Аким Хастатов, Лев Рарог, успевая во все стороны к действиям, особливо показали твердость духа и храбрость»***. В рапорте Потемкину от 21 декабря 1790 года полководец, подробно

* Архив ЛОИИ, Собрание рукописных книг, д. 342, л. 40.

** А. В. Суворов, Документы, т. II, стр. 341.

*** Там же, стр. 481.

говоря о взятии крепости Измаил, отмечал: «Отдавая полную справедливость находящимся при мне чинам, кои, исполнив все приказания мои, заслуживают особенное внимание, подполковники: Стародубовского карабинерного Аким Хастатов, Новгородского пехотного Владимир Горчаков, Малороссийского конно-гренадерского Степан Ширяй — посылаемы были от меня к колоннам в опаснейшие места, преодолевая все трудности под картечными выстрелами, доставляли мои повеления в точности...»*.

Суворов хорошо отзывался также о Лалаеве и Манееве. Мартин Степанович Лалаев (родился в 1764 году), один из активных участников второй русско-турецкой войны, в 1789—1790 годах имел чин капитана, затем секунд-майора. Среди офицеров, отличившихся в сражении при Рымнике, полководец упоминает и Лалаева**. Суворов включил его имя в список тех офицеров, которых он представлял к награде за проявленную храбрость и отвагу в сражениях при Фокшанах и Рымнике***. В одном из своих рапортов Суворов говорит о Лалаеве как о боевом офицере, отличившемся при взятии Измаила****.

Следует добавить, что до нас дошли три собственноручные записки Суворова к М. С. Лалаеву, в которых он поручает ему выполнить разные задания. Так, в одной записке, составленной в 1790 году, во время второй русско-турецкой войны, Лалаеву

* А. В. Суворов, Документы, т. II, стр. 574.

** ЦГВИА, ф. 52, оп. 203, д. 14, л. 94.

*** Там же, ф. ВУА, д. 2414, л. 17.

**** А. В. Суворов, Документы, т. II, стр. 557.

предлагается выяснить, почему командующий австрийским корпусом принц Кобургский отправил свою свиту из гор. Бендеры в гор. Капувар. В другой записке того же года Суворов предлагает Лалаеву организовать радушный прием турецкому великому везиру, которого он ждал для мирных переговоров*. Издатель этих записок А. В. Бернацкий в своих комментариях отмечает, что в период второй русско-турецкой войны «в ближайшем распоряжении Суворова находился пользовавшийся его полною доверенностью Мартин Степанович Лалаев, впоследствии полковник Орденского кирасирского полка». Далее, Бернацкий считает Лалаева «сподвижником Суворова»**.

Иван Мансеев (родился в 1763 году) также активно участвовал в боевых действиях во второй русско-турецкой войне. В 1787 году он занимал должность обер-аудитора штаба Суворова, а в дальнейшем секунд-майора Смоленского драгунского полка, получил ранения в сражении под Кибурном в октябре 1787 года и под Очаковым в июле 1788 года. Мансеев упоминается в двух рапортах полководца, написанных в октябре 1787 года***.

В 1794—1795 годах в войсках, а затем и в штабе Суворова служил кизлярский армянин Яков Абрамов (Акоп Абрамян). В трех письмах к Иосифу Аргутинскому, написанных из Кизляра в 1798—1799 годах, он рассказывает о своей службе у пол-

* „Русская старина“, т. 154, 1913, кн. 5, стр. 315.

** Там же, стр. 316.

*** А. В. Суворов, Документы, т. II, стр. 342—343.

ководца*. Из писем видно, что в 1794 году Абрамов имел чин ротмистра, а затем капитана, принимал активное участие в сражениях с польскими войсками под Крупнице, Брестом, Кобылкой, вступил вместе со штабом Суворова в город Варшаву, был несколько раз ранен и т. д.

Абрамов говорит о Суворове с большой любовью и уважением. Автор писем утверждает, что он был в близких отношениях с Суворовым, что полководец принимал его, беседовал с ним и постоянно оказывал ему покровительство. В письме от 6 марта 1798 года Абрамов говорит, что А. В. Суворов «был для меня таким благодетелем, каким не был мой отец»**. В другом письме Абрамов рассказывает, что он, несмотря на большие трудности, выполнял ответственные поручения полководца, за что последний публично благодарил его. Абрамов пишет: «Служил я ему примерно. Ездил туда, куда он приказывал. Не думая ни о сне, ни хлебе, ни о враге, ни о мече и сабле, ехал я и выполнял его поручения и возвращался к нему, и он неоднократно в присутствии многих знатных людей целовал мне в лоб»***.

Абрамов, далее, рассказывает, что в период польской кампании Суворов однажды взял его с собой в Петербург, ходатайствовал о награждении его золотым крестом, но некоторые люди из зависти по-

---

* Два письма Абрамова опубликованы А. Адамяном (Известия АН Армянской ССР, общественные науки, 1950, № 8, стр. 98—101).

** Матенадэран, архивный отдел, ф. архив католикосата, папка 8, док. 33.

*** Там же.

мешали этому. В этом же письме он говорит также о том, что однажды Суворов, в течение получаса, беседовал с ним на турецком языке*. В письмах Абрамова имеется и ряд других интересных сведений.

Очень возможно, что Абрамов кое-что преувеличивает и допускает неточности. Однако очевидно одно, что Яков Абрамов был одним из тех офицеров-армян, которые служили под непосредственным начальством великого полководца и находились с ним в близких отношениях.

IV.

В бумагах А. В. Суворова имеется ряд донесений, рапортов и записок о Закавказье и Персии. Эти материалы относятся к 1780—1782 годам, когда он, как мы уже знаем, в связи с подготавливавшейся в то время экспедицией в Закавказье, свыше двух лет пробыл в Астрахани. В этот период Суворов, используя всевозможные способы, собирал подробные сведения о Закавказье и Персии, об их дорогах, крепостях и городах, об экономике, истории и народностях, о военно-политическом положении этих стран и т. д. О полученных сведениях Суворов систематически доносил Г. А. Потемкину.

Рапорты великого полководца из Астрахани представляют большой интерес. В них можно найти много важных сведений о Закавказье и Персии, об

---

* А. В. Суворов действительно знал турецкий язык. Известно, что он в годы второй турецкой войны изучал этот язык (К. О с и п о в, Александр Васильевич Суворов, Москва, 1955, стр. 121).

их экономическом и политическом положении в период 1770—1780-х годов.

Суворов, как и можно было ожидать, уделяет большое внимание описанию дорог, крепостей и городов Закавказья. В частности, он подробно описывает дороги, их проходимость в разное время года, имеющиеся трудности для прохождения войск, артиллерии и т. д. В одном из своих донесений он, например, пишет:

«От Дербента до Кубы 200 верст. Дорога гладкая. Рыбы, баранов, рогатого скота, лошадей довольно. Хлеб пшеничный, пресный. Разные овощи и фрукты, лесу и камышу изобильно.

От Дербента в 80 верстах урочище Дойнут кала. Река Самур разливается на четверть версты, однако проходима. Другая река, на которой крепкий город Куба, не разливается и мелка. Сей принадлежит дербентскому хану Феталию. На дороге деревень много и возле моря.

От Кубы до Баки владения бакинского хана 180 верст. Рек и ручьев с хорошей водою довольно. По известным местам есть ядовитые травы. Прочия примечания те же. Владение бакинского хана к Сальяну простирается верст на 80.

Потом шемахинское владение до самого Сальяна. Оный принадлежит с небольшим уездом дербентскому хану и от Баки в 200 верст. При устье реки Куры толь рыбной, что оная отправляется в Астрахань и в Грузию»*.

Подобных описаний в донесениях полководца

---

* Архив АН СССР, ф. 99, оп. 2, д. 13, стр. 34—35.

очень много. Но имеются важные сведения и о городах, об их крепостях, военных силах и т. д. В другом документе о городах Шуше, Гяндже и Эривани говорится: «Шуша — город большой с каменной стеною, крепкий. Пушек в нем больших и малых до 50. Климат здоровый, хлеба, лошадей, рогатого скота много... Оттоль Арагатскими подошвами гладкою дорогою в город Гендж (Гянджа — М. Н.) 240 верст. Город каменный, крепкий, в нем пушек до 40. Войска может собрать конницы до 3-х, пехоты до 5000. От Генджи в Эриван 300 верст, дорога хороша, город каменный, пушек в нем до 50, войска может собрать конницы и пехоты до 7000»*.

О городе Баку, его торговых операциях и о местных военных силах Суворов писал: «Баки не великий город, имеет слабое старинное нерегулярное каменное укрепление, пушек в нем стальных неисправных до 30. Хан всего внутреннего войска более конницы свыше 1000 человек собрать не может. По кончине шаха Надира жил он всегда в покое, богаче дербентского более, нежели вдвое. Судов имеет более дербентского, называемых кирджими, кои поднимают от 10 до 50 человек, близко 100. На оных возят в Сальяны, Зензели, Гайлян, Мазандаран и иные места соль и нефть, а оттуда привозят шелк, разные материи, дрова и дельный лес, ибо, особливо в лето... в нем недостаток, хотя есть довольно тальнику, бурьяну и употребляют кизик, а камышу мало»**.

О Шемахе и вообще Ширванском ханстве в бу-

* Архив АН СССР, ф. 99, оп. 2, д. 13, стр. 54—55.

** Там же, стр. 42—43.

магах Суворова сказано: «Провинция Ширваня, город Шемаха, большой, крепкий, на стене пушек до 40... По торгу, а особливо шелком и разными материями, знатный: съезжаются в оный из отдаленных мест... Шемахинский хан может собрать своего войска, конницы, до 4000, пехоты против того в половину, пушек полторафунтовых на верблюдах до 30. Ядра чугушные, пороху мало, как и у дербентского, на каждую пушку зарядов по 30. Лезгинцев может нанять до 5000 и до 6000 за такую же цену, как и Ираклий, но как те своевольны, то лучше, подобно сему, нанимает у ханов эриванского и генджинского. От Шемахи вправо к Грузии по подгорью в 120 верстах область Шеки Кабала, принадлежит эриванскому Гусейн Алхану, который город от сей области верст до 500. Реченный хан ныне во власти у царя Ираклия»*.

Суворов писал и об Эчмиадзине: «От города Шеки Кабалы верст 300 знатный и крепкий армянский монастырь Эчмиадзин, по-персидски Учкилиса. В нем армянский патриарх. Також ныне имеет в нем пребывание царя Ираклия сын Леван, поставленный там для владения от отца»**.

Суворов писал и о деревнях. Так, например, о деревне Ленкоран он писал: «В оной деревне обитают талышинских персиян (азербайджанцев — М. Н.) 300 дворов. В сей деревне жительство имеет талышинский Карахан, состояния трезвого и поведения хорошего. Человек храбрый и умный, доходу имеет и

* Архив АН СССР, ф. 99, д. 13, стр. 41–42.

** Там же.

год до 2000. Изобилует скотоводством. Опая деревня состоит на взморье, где весьма способная для пристанища судов гавань. Оный хан к российским подданным ласкателен»*.

В архиве Суворова много интересного о грузинском царе Ираклии II, о положении в Эриванском ханстве. В одном документе, например, говорится о военном походе Ираклия на эриванского хана: «Царь Ираклий 12 000 войска на неплатеж подлежащей ему эриванского хана подати, прибыв к Эривану и взяв форштат, пленил до 15 000 домов разного роду людей, которых отправя в Грузию, в город Тифлис, получил известие о прибытии из Шираза царевича Бакара, сына Александра, в Имеретию, притом находящийся в Тифлисе патриарх католикос писал к оному царевичу, сыну Бакара Александру, чтоб прибыл скоро в Тифлис с уведомлением, что царь Ираклий находится с войском против Эривану. О сем сведал царь Ираклий, выпроводя находящегося с ним в походе в одном лагере армянского патриарха католикоса Симеона в город Баязет, который расстоянием от Эривана 150 в., принадлежит туркам, сам царь с половинным войском отступил и прибыл в город Тифлис, с другим половинным войском оставил сына своего Левана, который слышно тож благополучно возвратился в город Тифлис. Причина оного армянского католикоса выезд в город Баязет того ради, чтоб эриванский хан за причиненные ему убытки от царя Ираклия не мог ему отомстить. Однако как от Эривана монастырь Эчмиадзин расстоя-

* Архив АН СССР, ф. 99, д. 13, стр. 29.

нием токмо 30 в., то не упустил эриванский хан к оному монастырю подбегу, где слышно будто человек до шести монахов порублено; что ж касается до того монастыря утвари и прочего сокровища, не упущено заблаговременно [ш] безопасное место сохранить. Грузинский же патриарх Антоний католикос от царя Ираклия действительно сброшен с башни»*.

Имеются сообщения и о взаимоотношениях закавказских ханов. В записи от 13 февраля 1780 года указано: «Бакинский Аджимелик-хан с согласия дербентского Фетали-хана отъезжал к шушинскому Ибрагим-хану для заключения общей дружбы, и сим последним задержан. Шемахинские Мамет Сеит и Мамет Агаси-ханы, два брата, в дружбе с дербентским и бакинским ханами. Шакинский Усеин-хан в союзе с дербентским Фетали-ханом; по некоторым известиям отправились в 20 000 войска против шушинского Ибрагим-хана для выручки задержанного им бакинского Аджимелик Магомет-хана. Генджинский Мамет-хан с сим шакинским ханом в союзе, якобы с шушинским Ибрагим-ханом, имевши сражение, потерял свою вольность и тем ослеплен»**.

Материалы Суворова содержат интересные сведения о Карабахе, об армянских меликах. О меликах Адаме и Иосифе сказано, что они могут «собрать войска каждый 1000 человек пехоты, в том числе малую или десятую часть конницы. Хотя они Паныхану не привержены, но в довольной зависимости».

О других армянских меликах говорится: «Мелик

* ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 218, лл. 5—6.

** Там же, л. 4.

Исай владением, подданными и собираемым войском вдвое сильнее каждого сих двух первых, но, имея его сигнала смежным Панахану, состоит под его податями и налогами... Мелик Мирзахан может собрать войска до 500 человек и как в такой же смежности с Панаханом, как третій, то в равной с ним оному приверженности... Мелик Шах Назар может собрать войска близ 1000 человек. Сей предатель своего отечества призвал Панахана..., отдал ему в руки свой крепкий замок Шушикала и учинился ему с его сигнагом покорным»*.

В некоторых материалах говорится также об историческом прошлом закавказских народов. Об освободительном движении, развернувшемся в 1720-х годах в Карабахе, сказано: «Во время похода Петра Великого к сим странам шемахинского владельца военнотружущих начальников из армян до двенадцати отставших от него и, усилясь партиями в Карабахе с околнчнотружущими, воевали, с карабахскими меликами купно, против турков, кои тогда владели Эриваном, Генджею и Тифлисом, и малыми силами их множество многократно побеждали».

* * *

В бумагах Суворова имеются важные данные об Иране. В донесениях говорится о многих персидских городах. Так, например, об Испагане Суворов писал: «Испаган город укреплен каменною стеною, в котором прежде обитало множество жительствующих дворов, 70 000. Строение все каменное, фабриками разными изобильно. С 3000 лавок разных 250 гости-

* Архив АН СССР, ф. 99, л. 13, стр. 67—68.

Отъ вселеннаго Армянскаго Го-
сударства оставаясь мессия
Шила аббасъ гравдинъ въ
Ламии самобластная про-
вешняя Карабатъ. вонни
но извѣстнае чать мессия
Машъ. Сигнаи Р. кантона:)
ея М. Таримуръ. Мессия
Атальъ Д. Кесрийцортъ
Мессия чуръ Д. Чуръ
Мессия Еванъ Ч. Барандъ
Мессия Шалъ Казалъ Д. М.
чачъ Мессия Мирзалиъ
чурчуръ Младрама (месс.
Мусина Плиберан.

Младшимъ Землемъ Патри-
рехъ Земель въ армянскую
Землю Котурдича въ
Лавотича въ Миссалиъ
авгалии Кановалъ Миссалиъ
уровне армянскъ миссалии
и назиникіе авгалии
радаваліи. Суть. Мъ
свои миссалии миссалии
Миссалии.

Сей Патриархъ Миссалиъ
Миссалии отъ Миссалии
Патриарха Армянскаго
Като въ Армянскіи.

Миссалии Миссалии Миссалии
Миссалии Миссалии Миссалии

ных дворов. Дворец шаха выстроен пресогромно. При оном городе река, именуемая Зайдарою, в которой разная рыба мелкая. Против города, по ту сторону реки, жительствоуют джувльфинские армяне с 1000 дворов, а прежде, до разорения их при Надир-шахе и по кончине его, состояло до 15 000 дворов. Доходу сему городу до двух миллионoв, из которой суммы платят векеля податями миллион и триста шестьдесят тысяч. Сей город был препоручен от векиля Аджи ага Мамат-хану. При сем же изобилие сего города, одним [словом], всем чрезвычайно. Из оного города и деревень может быть доброкошных и оруженных до 10 000, у которых ружья стреляют от фитиля»*.

О городе Ширазе Суворов писал: «Город Шираз укреплен каменною стеною, орудие артиллерии и снаряду разных сортов множество. Вокруг сей город обведен валом, который глубиною 7, шириною 4 сажени и имеет места, где можно в оную пустить воду. Жительствоующих до 15 000 домов, каменных лавок 1500, гостиных дворов 30. Военных доброкошных и оруженных до 30 000. Принадлежал векилю Керим-хану, а ныне сыну его Абдул-Фати-хану, которому в год доходу денежного 4 миллиона. Сокровища и богатства множество... Продукта лучшего в сем городе мерлушки, виноградное вино и прочие фрукты»**.

В записях Суворова имеются сведения и замечания о положении торговли в Персии, Хиве и Бухаре, о торговых караванах, дорогах, пошлинах и т. д.

* Архив АН СССР, ф. 99, д. 13, стр. 10—11.

** Там же, стр. 13—14.

В архивных материалах сохранилась историческая карта Армении, подписанная Суворовым. Она имеет следующее заглавие: «Карта древней Армении с показанием нынешнего жительства армян под собственными их правителями, называемыми мелики в провинции Карабаге, разделившейся на пять сигнагов или кантонов, кои на карте и означены красное красное (в оригинале так — М. Н.)»*.

В бумагах Суворова много интересного о политическом положении в Закавказье и Персии. Имеются сведения и о том, что турецкие наши в 1770—1780 годах значительно активизировали свою деятельность в Закавказье. Турецкое правительство в этот период думало организовать военный поход в Закавказье и с этой целью стремилось всякими способами склонить на свою сторону местных феодалов. «От командующего турецким войском при городе Карсе начальника, — сообщал Суворов в июле 1780 года, — присланы подарки, состоящие в лучших лошадях и парче к ханам дербентскому и шемахинскому»**. В последующие годы истинная цель турецкого правительства стала более ясной. В апреле 1784 года русский консул в Северной Персии Иван Тумановский доносил, что в Эрзерум и Баязет прибыли «множество турецкие войска»***.

* ЦГВИА, ф. ВУА, д. 74477. Карта впервые опубликована в сборнике «А. В. Суворов, Документы» (т. II), но здесь воспроизведена не вся карта, а только часть, ее. Составители сборника под картой поставили дату—1784 г., что неправильно. Карта могла быть подписана Суворовым в 1780 или в 1781 годах.

** ЦГВИА, ф. 52, д. 218, л. 40.

*** Там же, д. 330, л. 3.

Донесения и записки А. В. Суворова о Закавказье и Персии составлены на основании сведений, добытых различными путями от разных людей. Архивные материалы показывают, что такие сведения собирал, например, Никита Яковлев, который по поручению Суворова побывал в Дербенте, Баку, Гиляне и в других местах. Этим делом занимался также Александр Меликов, несший военную службу у Суворова. Далее, видно, что Суворов получал нужные материалы от многих людей (персов, армян, греков и т. д.) из Закавказья и Персии, побывавших в Астрахани. Многие сведения полководец получал и от Аргутинского и Лазарева. Сведения, содержащиеся в донесениях Суворова об армяноких меликах, идентичны с теми, которые имеются в дневнике Аргутинского. В бумагах Аргутинского мы находим также ряд известий о Закавказье и Персии*. Можно полагать, что Аргутинский об этих полученных им данных ставил в известность Суворова. В архивных материалах, например, сохранился один документ, из которого видно, что о походе Ираклия II против эриванского хана Иосиф Аргутинский сообщал подробные сведения Суворову**.

Историческая карта Армении, подписанная Суворовым, несомненно составлена на основе армянского варианта той карты, которую Аргутинский и Лазарев представили Суворову и Потемкину в январе 1780 года. Бесспорно, что полководец имел и ряд других источников информации.

* ГПБ Армянской ССР, Архив Лазаревского института, д. 22 лл. 65—68, 114—119.

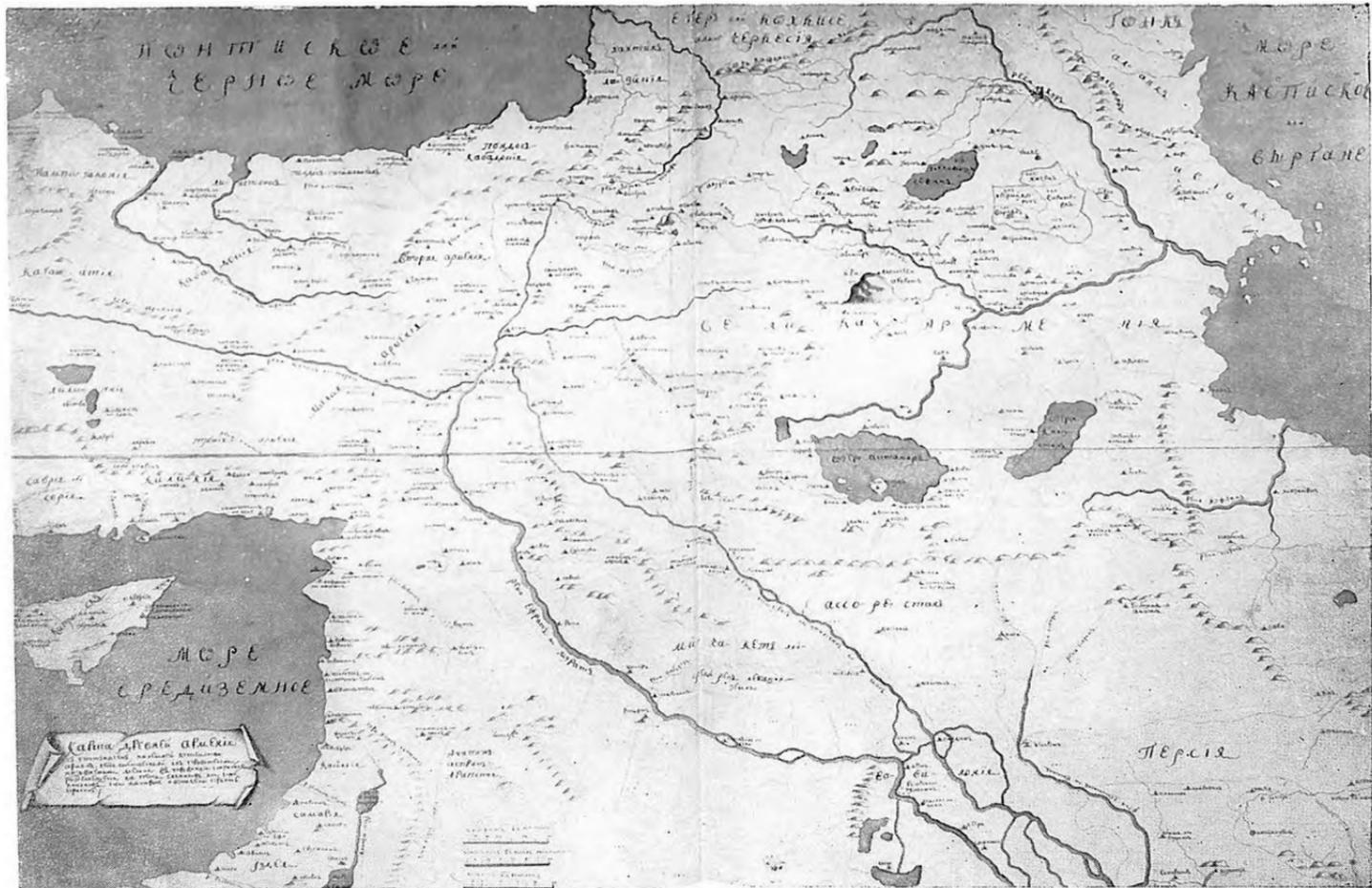
** ЦГВИА, ф. 52, д. 234, л. 21.

Большая часть бумаг Суворова, относящихся к Закавказью и Персии, написана не самим Суворовым, а другим лицом, но на них имеются подписи и заметки полководца. Нужно отметить, что в этих бумагах имеется ряд неточностей и ошибок, как географического, так и исторического характера. Но, несмотря на это, материалы Суворова о Закавказье и Персии, как мы уже говорили, представляют большой интерес.

Донесения и записи Суворова о Закавказье и Персии, составляющие более чем 120 страниц, хранятся в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде и в Центральном Государственном военно-историческом архиве в Москве. Эти бумаги как-то остались вне поля зрения наших историков, в результате чего они до сих пор не опубликованы³⁰. С целью восполнения этого пробела, мы сочли нужным в приложении предлагаемой книги опубликовать часть материалов великого полководца, относящихся к Армении и Закавказью.

Карта древней Армении и соседних стран, подписанная А. В. Суворовым.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. В основе предлагаемой работы лежит брошюра под тем же названием, вышедшая в свет в 1944 году на армянском языке (см. *Մ. Կերրոյան, Սոցիալիզմը և սոցիալիզմի հարաբերությունները 1770—1790 թթ., Երևան, 1944*).

В отличие от указанной брошюры, настоящая работа значительно расширена и дополнена новыми архивными и литературными материалами. К стр. 9.

2. О времени образования армянской колонии в Крыму высказаны разные мнения. Армянский архиепископ Иосиф Аргутинский-Долгорукий еще в конце XVIII века писал, что в 1331 году армяне из Ани переселились в Астрахань, а оттуда в Крым (Матенадаран, рукопись 2706, стр. 577а, см. также В. Акопян, Мелкие хроники, т. II, Ереван, 1956, стр. 529). Аргутинского повторяли многие авторы, и, в частности, Станислав Сестренцевич Богуш. «Когда,— писал он,— татары завоевали Армению в 1262 году и переселили немалое число жителей в страны, с Казанью и Астраханью смежные, то они, [в] долговременных страданиях, начали просить у каффских переселенцев позволения основать себе жилище в их окрестностях. Их поместили между Караз-Базаром и Судаком; кушцы и ремесленники поселились в Старом Крыму, который они называли на своем языке Казарат, и в Каффё, где они оградили заселенную ими часть крепкими стенами для защищения от татарских набегов» (История о Таврии, сочиненная на французском языке Станиславом Сестренцевичем Богушем, т. II, СПб, 1806, стр. 176—177). Оспаривая это мнение, В. Юргевич утверждает, что армяне переселились в Крым гораздо раньше. «...Обыкновенно полагают,— пишет он,— что татары, завоевав Армению в 1262 г., перевели часть жителей в Россию, в нынешние Казанскую и Астраханскую губернии, откуда они перешли в Крым и поселились с согласия генуэзцев в 1340 г. в Каффё, Старом Крыму и близ Судака (см.

Sestrenczewicz, Hist. du roy la cher., v. II, 137, Карамз. ИГР, IV, прим. 164). Не отвергая, что часть их могла около упомянутого времени появиться с татарами в России и что некоторые могли после пробраться через степи в крымские города, мы однако ж вправе сомневаться, что это был единственный путь, по которому армяне пришли в Крым, тогда как другие известия свидетельствуют нам о пребывании их в Каффе и Судаке гораздо раньше 1340 года» (Записки Одесского общества истории и древностей, т. V, Одесса, 1863, стр. 828). Некоторые авторы утверждают, что армяне переселились в Крым еще в X веке (*Հ. Բ. Վ. Ք ու շ ն ե ր յ ա ն, Պատմության գաղթականության Երվմու հայոց* — Кушнерян, История крымских армянских переселенцев — էջ 105). По этому вопросу А. Худабашев писал: «Крым, до завоевания его в XII столетии генуэзцами, с незапамятных времен был населен армянами, переселившимися от времени до времени из Великой Армении, Малой Азии и Болгарии... В XIII веке армяне, жившие в Сарая, в Астрахани и Казани, угнетаемые татарами, подняли против них оружие и переселились в Крым. Другая колония переселилась в Крым из Сарая в конце XIV ст. ...Местом жительства они избрали для себя города Судак или Казарат, Каффу, Тамань и Карасу-Базар... С расширением круга своих торговых оборотов они вскоре распространились в Галиции, Венгрии, Трансильвании, Молдавии, Валахии, Буковине, Литве, Подолии и Банате. Главнейшие города, в которых они жили, суть: Черновец, Каменец, Станиславов, Лемберг (Львов) и Варшава. По завоевании Крыма турками часть армян была перерезана. Многие другие, чтобы избежать той же участи, переселились к своим соотечественникам в Польшу, где число армян дошло после этого до 40 000 семейств...» (А. Худабашев, Обзорение Армении в географическом, историческом и литературном отношениях, стр. 391—392). К стр. 10.

3. В одном историческом документе говорится, что армянское население в городе Каффе (Феодосия) и его округе составляло 100 000 человек (А. Худабашев, Обзорение Армении в географическом, историческом и литературном отношениях, стр. 391). Это, конечно, слишком преувеличено. Не

что в Крыму в XIII веке было много армян, об этом говорит и Ф. Брун, имевший в своем распоряжении более достоверные данные (Ф. Брун, Черноморье, ч. II, стр. 139). К стр. 10.

4. Совершенно не соответствует действительности утверждение, будто «крымские армяне и греки, несмотря на их экономическое притеснение со стороны татарских феодалов и полное политическое бесправие, на протяжении долгого времени мирились со своим положением и преданно служили своим угнетателям» (П. Н а д и с к и й, Суворов в Крыму, Симферополь, 1950, стр. 50). Неправ автор указанной книги и тогда, когда пишет, что якобы крымские армяне «исключительно занимались торговлей» (т а м ж е, стр. 49). Здесь, мягко выражаясь, недопустимым образом игнорируются исторические факты. К стр. 11.

5. Соображения, которыми руководствовалось царское правительство, организуя переселения, в общем правильно отмечены А. Петрушевским. «Обладание Крымом,— писал он,— в эту пору (в 1770-х годах — М. Н.) еще далеко не представлялось за Россией обеспеченным. Надо было и сделать новые ходы, чтобы приблизиться к цели и извлечь из Крыма что можно на случай неудачи. То и другое достигалось переселением из Крыма находившихся там христиан, преимущественно греческой и армянской национальностей. В их руках находились промышленность, садоводство и земледелие горной полосы, что составляло знатную долю доходных статей хана. А хан был человек ненадежный по своему замечательному непостоянству; обеспеченный в своих средствах, он мог изменить интересам России. Следовало поставить его в положение зависящего и получающего милости. С другой стороны, представлялась выгода заселения приазовского края многочисленною колониею трудолюбивых, промышленных людей. Выгода достигалась во всяком случае, а в пользу исполнимости переселения говорило то обстоятельство, что крымские христиане были обременены до последней степени ханскими поборами, следовательно предоставление им на новом месте облегчения от налогов должно было их склонить в пользу задуманной русским правительством меры» (А. П е т р у ш е в с к и й, Генералиссимус князь Суворов, т. I, стр. 207—108). К стр. 14.

6. В рапорте А. В. Суворова к генерал-фельдмаршалу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому от 17 июля 1778 года (написанному в гор. Бахчисарае) сказано: «От его светлости Григория Александровича Потемкина, паки мая 17 числа, мне предложено было о выводе здешних христиан в Азовскую губернию, каковыя от митрополита Игнатия мне даны при письме пункты; с оных вашему сиятельству копии приложены и таковыя к его светлости князю Григорию Александровичу отправлены. В прочем, уповательно, христиане чрез месяц к выводу изготовиться могут и, как ныне к тому приступили, то не без разглашенней, но светлейший хан и правительство ведением его не отзываются, как и с нашей стороны им о том ничего еще объявлено не было» (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, Собрание А. В. Суворова, т. XVIII, л. 65). К стр. 16.

7. Постановление крымских христиан о своем согласии переселиться было принято 16 июля 1773 года в Бахчисарае. Оно начинается следующими строками: «Все общество крымских христиан греческого, армянского и католического законов, вступая в подданство всероссийское, с согласия и доброй воли, чрез преосвященного митрополита Игнатия просят ея императорского величества милости, высочайшего покровительства и привилегии на вечность для их и потомков их, от всероссийского скипетра предпоставленных в непреложное право на основании следующих артикулов. 1. Переселение сие и свобода из-под ига варварского в христианскую державу, довольное возмездие за трату движимого и недвижимого имения; по скудость сих христиан требует пособия из высочайшего иждивения на перевезение всех наипаче бедных людей и имения их в объявленную им г. генерал-поручиком и кавалером Александром Васильевичем Суворовым Азовскую губернию, на обещанную им же именем монаршим землею между реками Днепром, Самарью и Орелью лежащую...». Далее, в 3-м и 4-м пунктах постановления, указывалось: «Льготы или увольнения от всяких податей и поборов со вступления в селение десять лет, в которые не точию денежных сборов, но подвод и людей на работы всякого рода казенные и партикулярные не

брать и не употреблять и в подданстве ни у каких владельцев не быть... рекрут не брать и какую подать по прошествии десятилетнего времени платить имеют с земли или с души, означить ныне единожды навсегда и как для сборов таковых, так и для других судебных расправ и собственного распоряжения быть над ними начальникам, выбираемым из них же вольными голосами временным, которые дают во всем отчет губернии, пребывая под защитой оной от всякого оскорбления их достоинств и особ» (ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XVI, д. 588, ч. 12, лл. 349—350. См. также Присоединение Крыма к России, т. II, стр. 556—557). К стр. 17.

8. В своем письме к Петру Ивановичу Турчанинову от 4 августа 1778 года А. В. Суворов из Крыма сообщал, что за выкуп каждого ясыря платят 50 рублей. «За ясыря зачали платить по пятидесяти руб.; не всегда так дешево быть может. Много из них семейных» (Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I, стр. 123). Бумаги Суворова и другие архивные материалы показывают, что в течение 1778—1779 годов в Крыму было освобождено несколько сот ясырей. К стр. 21.

9. Сопротивление Шагин Гирея продолжалось недолго. Он скоро был подкуплен. Получив от Екатерины II 50 000 руб. и ценные вещи, хан перестал протестовать против переселения христиан. Такие же «подарки» получили и многие мурзы и бен. Эта тактика царского правительства объясняется тем, что оно хотело в этот период избежать конфликта с крымским ханом. К стр. 24.

10. Профессор Лео, например, в своей работе, посвященной жизни и деятельности Иосифа Аргутинского, писал, что армянское население Крыма не желало переселиться и что переселение осуществилось лишь при помощи насильственных мер (*Այս հոգևեմի կաթողիկոս Արղության, Թիֆլիս, 1902, էջ 50*— Лео, Католикос Иосиф Аргутян, Тифлис, 1902, стр. 50). Исторические факты опровергают это мнение. Стремление освободиться от тяжелого ига крымских ханов было велико среди армянского населения Крыма. К стр. 25.

11. Подробные данные о переселенцах мы находим в документе, имеющем заглавие: «Ведомость, учиненная с показанием, сколько разного рода из крымской земли, каких городов

и деревень отправлено в Россию христиан обоюго пола мужского и женского, из оных колкое число оставших для торговли, зимующих тож за своими расправами по домам о том значится ниже сего» (ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XVI, д. 588, ч. 12, л. 393, см. также Присоединение Крыма к России, т II, стр. 711—713). Ведомость эта составлена 18 сентября 1778 года и подписана А. В. Суворовым. К стр. 27.

12. О тяжелом положении армянских переселенцев имеются интересные сведения в дневнике Иосифа Аргутинского (*«Կոնկրէտ շարք աշխարհիկ»*—Журавль Армянской страны — 1863, № 5, էջ 323), К стр. 29.

13. Полный текст этого письма армянского общества к Суворову гласит так: «Ваше высокопревосходительство! При выводе нас из Крыма, кроме известных 14 пунктов, обещать нам изволили, что на место оставших[ся] наших домов дадутся таковые ж построенные; места по желанию нашему отведутся; жалованье и провиант производим будет. Но по прибытии нашем отведены места таковые, где нет ни воды, ни леса, да и в тех принуждают всякому расписаться, что они для нас удобны, чего нам сделать нельзя по причине их неспособности. Провиант и жалованье сначала всем производили, а ныне некоторым совсем не выдают; людей хлебопахотных отделяют от нас за 120 верст. О чем хотя мы Азовской губернии губернатора Вас. Алекс. Черткова и просили, но от него нам сказано, для чего мы от вашего высокопревосходительства никакого в том письменного свидетельства не имеем. Мы на то ответствовали, что нами от вас оно не прошено, а потому и не дано, и хотя желаем мы поселенными быть у берегов Азовского моря около крепостей, тамо построенных, по способности для коммерции водяной коммуникации, и чтоб хлебопахотные люди не далее от нас были, как за 5 верст, однако ничего полезного нет, и не только награждения, но и последнего от грабежа разбойников и других притеснений лишлись, и дошли до такой крайности, что и имевшие прежде у себя хорошее пропитание собирают ныне по миру милостыню, а другие от голоду отдают вовсе за малое число денег или хлеба

своих детей. От какого голоду и по употреблению в пищу варенных в воде отрубей много малолетних померло. О сей нашей горести давно б мы принесли просьбу вашему превосходительству или куда далее, но нас не допускают, ибо и здесь не могли подробно десятой части бедствий наших описать. Почему нижайше просим ваше превосходительство от такового притеснения нас освободить и доставить полное всем снабдение, за что будем мы богомольцами вечно. Когда ж ваше превосходительство предстать о нас не будете, то должны мы денно и ночно (вместо радости, о которой мы при выводе помышляли) проливать слезы; теперь всю надежду полагаем на бога и потом на ваше превосходительство».

Это обращение-донесение армянского общества к Суворову опубликовано в сборнике документов «Присоединение Крыма к России» (т. III, стр. 152), составленном Н. Дубровиным. Дата донесения в сборнике указана 18 апреля 1779 года, а в рукописной копии, находящейся в ЦГАДА, — 8 апреля, что и, по нашему мнению, правильно. Суворов 20 апреля об этом донесении пишет П. И. Турчанинову, поэтому нельзя полагать, что оно за два дня было доставлено из Азовской губернии в Козлов (Евпатория), где в это время находился А. В. Суворов. К стр. 31.

14. Это письмо Суворова одно из доказательств его внимания по отношению к армянскому населению, переселившемуся из Крыма в Азовскую губернию. Оригинал письма находится в архиве ЛОИИ, опубликован в «Русской старине» (май 1900 года), Письмах и бумагах А. В. Суворова (т. I, стр. 150—151), в сборнике документов А. В. Суворова (т. II, стр. 206—207) и т. д. К стр. 32.

15. Наиболее важными статьями этой грамоты являются 3-й и 5-й пункты. В 5-м пункте говорится: «По заселении вами особого города при урочище Полуденки с названием Нахичевана и с дачею на выгон оногo двенадцати тысяч десятин повелеваем учредить Магистрат и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям выбираемыми из вас же по жребию начальниками, конн и пользоваться чинами и жалованьем по штату Азовской губернии и быть под апелляциею Наместническаго Правления в городе же и в деревнях

для защиты во всех нужных случаях определяются особые начальники из Российских, коим, в судопроизводство сих поселян не мешаясь, быть токмо охранителями и их заступать.

Впрочем по вступлении каждого в избираемый им род Государственных жителей позволяем пользоваться вечно и потомственно всем тем, чем по общим Нашим узаконениям каждой род Государственных жителей пользуется, как-то: свободою торговлею вне и внутри Государства и, для вящей выгоды оныя позволяется строить из собственного вашего иждивения купеческия мореходныя суда, разводить нужныя и полезныя фабрики, заводы и фруктовые сады, по разведении которых всякия виноградныя вина в селениях ваших, малыми мерами вывозимыя ж во внутренне России города бочками, продавать можете, французскую же водку делать каждому, но не вывозить внутрь России, словом: всякого звания промыслы распространять по собственной воле и достатку каждого и всем тем под Самодержавным Нашим Скипетром и защитою законов наслаждаться» (Собр. актов, относящихся к обозр. истории армянского народа, ч. I, Москва, 1833, стр. 180). К стр. 36.

16. Из архивных материалов видно, что Суворов подарил архимандриту Маркосу 2820 руб., патеру Якову 1250 руб., греческому митрополиту Игнатию 6550 руб. Кроме того, «всем им трем на покупки двух карет, двух колясок, фурмана, лошадей, седел, упряжи и прочего 2799 рублей (см. ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XVI, д. 588, ч. 12, л. 193. а также Присоединение Крыма к России, т. II, стр. 752). К стр. 38.

17. А. В. Суворов в своем рапорте от 30 октября 1778 года о Синельникове писал князю Потемкину: «Вашей светлости за долг почитаю представить, что господин секунд-майор Синельников, при похвальном исправлении своей должности, в продолжении бывшего вывода крымских христиан в Россию, к приписанию под своз оных подвод, тож к продовольствию их в пути, а равно и по всем прочим ему от меня нужным препоручениям, прилагал отличные труды и попечение; а тем самым весьма споспешествовал к скорому и безостановочному упомянутых христиан отсюда выпровождению, в чем я ему по справедливости свидетельствуя, вашей светлости инжайше прошу его высокой протекции вашей удостоить» (Архив князя

Воронцова, кн. 24, стр. 295). Примерно так же отзывался Суворов о резиденте Константинове и капитане Сахновском. К стр. 43.

18. Ордер и инструкция Потемкина составлены на основании рескрипта Екатерины II, написанного на его имя в начале января 1780 года. Копию этого рескрипта Суворов получил вместе с ордером и инструкцией Потемкина. В рескрипте Екатерины II говорилось: «По рапортам находящегося в Персии при Зинзылинском порте в консульской должности переводчика Ванслова известны уже вы о дерзких поступках Рязенского Гедает-хана, об učinенных явно, при множестве зрителей, побоях одному из консульской свиты ученику и о насильственном тем ханом задержании его, Ванслова, когда он после столь* наглой обиды и бесчестия намерен был в Астрахань возвратиться. Не менее того известны Вам и все причиненные торгующим в Персии нашим подданным, неоднократно от живущих на берегах Каспийского моря грабежи и совершенное оных разорение, что мы в ожидании раскаяния их великодушно и терпеливо сносили, подкрепляя, колико возможно, из казны нашей всех претерпевших от них разорение.

Но как Гедает-хан сим последним поступком в пренебрежение общих Персидского государства правил и положений относительно Империи нашей презрел всякое уважение пристойности, почтения и соседства, то в достолюбезное укрощение для обуздания впредь его и подданных ему от такового же несовместного с достоинством нашего Императ-го повеления, препоручаем вам учинить для наказания его, по собственному вашему рассмотрению, отряд войск в таких силах, кои бы достаточны были обуздать совершенно сего дерзкого хана и во всей мере дать почувствовать ему самому важность преступлений его и великость гнева нашего, надеясь, что благоразумным вашим в сем случае распоряжением не токмо укротите вы буйство оного и подобных ему: дербентского и бакинского ханов, но и восстановите упавшую, от дерзости и непостоянства сих ханов, полезную для России торговлю соответственно всегдашнему нашему о сем попечению, обеспечив оную на бу-

* В рукописи—толь.

лучшие времена безопасным пристанищем в том месте, которое к пребыванию нашего консула, соответствуя пользе торговли, вами наилучнейшим избрано будет и которое не оставите вы укрепить так, чтобы, в случае нужды, служило оно твердою защитой наших подданных от внезапных нападений на них тамошних народов.

Число нужного на сей случай, водою и сухим путем, отряда, также вооружение судов и снабдение всем к тому потребным, возлагаем мы собственнно на вас, повелев нашей Адмиралтейской коллегии по требованиям вашим чинить неотложное вспоможение. На непредвидимые же теперь, необходимые теперь по сей экспедиции издержки употреблять вам из наличных Астраханской губернии доходов, дав в оных отчет по окончании сей экспедиции. Мы же пребываем к вам нашею императорскою милостию всегда благосклонными» (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, Собрание А. В. Суворова, т. XV, л. 23).

Этот рескрипт приложен к инструкции Г. А. Потемкина Суворову. Инструкцию Потемкина см. «А. В. Суворов, Документы»; т. II, стр. 222—223. К стр. 47.

19. Об Иване Гориче В. Алексеев пишет: «Иван Петрович Горич-Бенесевский Большой, родом черкес, был лицом близким к Потемкину. Поступил в нашу армию добровольцем, во время первой турецкой войны. Во вторую турецкую войну с отличным действовал на Кубани и погиб при взятии Очакова 6 декабря 1788 года» (Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I, стр. 367). И. Аргутинский в 1781 году, в одном из своих писем, назвал Горича «нашим другом» (Матенадаран, рукопись 4496, стр. 6). К стр. 47.

20. Иосиф Аргутинский-Долгорукий (Овсеп Аргутян, 1743—1801) — один из крупных деятелей армянского духовенства второй половины XVIII века. С 1773 года архиепископ и епархиальный начальник армянского населения России. Часто бывая в Петербурге и в Москве, он установил тесные отношения со многими высокопоставленными лицами царского двора. За выполнение разных поручений неоднократно награждался Екатериной II и Павлом I. Аргутинский был горячим сторонником русской ориентации и стремился при помощи Рос-

сии освободить Армению из-под ига персидских ханов, и восстановить армянское государство. К стр. 47.

21. Иван Лазарев (Оганес Лазарян, 1735—1801)— крупный петербургский богач-торговец и помещик, занимал ответственные должности в правительстве Екатерины II, держал контакт с армянским католикосом и его представителями. Лазарев принадлежал к группе тех армянских деятелей, которые выдвигали план восстановления армянского государства при помощи и под покровительством России. К стр. 47.

22. Известный армянский историк Лео (1860—1932) в своей книге «Католикос Иосиф Аргутян» (на армянском языке, Тифлис, 1902, стр. 107) ошибочно считает, что эта встреча произошла у А. В. Суворова. К стр. 49.

23. Иосиф Эмин (1726—1809)— один из выдающихся политических деятелей индийских армян, крупная фигура в армянском национально-освободительном движении второй половины XVIII века. Он родился в Персии (в гор. Хамадане), юношеские годы провел в Индии (Калькутта, Мадрас), учился в Англии (в Лондоне). В 1760-х годах И. Эмин прибыл в Россию и Закавказье, имея политическую цель — при помощи России освободить народы Закавказья от гнета персидских ханов и турецких пашей. В 1892 году вышла в свет на английском языке его автобиография, содержащая весьма интересные сведения по истории Закавказья (см. *The Life and adventures of Joseph Emin, an armenian*, London, 1792. Второе издание этой книги вышло в 1918 году в Калькутте). Эмин умер и похоронен в Калькутте. К стр. 49.

24. Считаю не лишним привести здесь армянский оригинал той части дневника Аргутинского, которая относится к встречам и беседам, имевшим место между Суворовым, Горичем и Потемкиным, с одной стороны, и Аргутинским, Лазаревым, с другой. В оригинале дневника говорится:

«Քուին 1780 Յունվարի մուտն Իւան Պետրովիչ Գորիչն եկն առ մեզ և յայտնեաց զգնալն իւրեանց ի վերայ Պարսից առ ի տիրել զժողովգերայ տեղիսն, հարցումն արար վասն Պարսից երկրացն և որք հնաաւորութեանց բազարացն ի միմեանց և կարողութեանց նոցին և որքանութիւն զօրացն Հայոց և Տաճկաց, սկսեալ ի Գարբաղու և ի Գիլանու մինչև ցՌարովիչ և ի յերեան. և անտի մինչև

ցՂարարալ և ի Շրուան: Եւ մեր որբան գիտէաք սասցաք. և ինքն գրեաց Ռուստերէն և տարաւ:

Յունվարի 2 Լներալ Պօռոճիկ Ալեքսանդր Վասիլիչ Սուվօրովն կն և ա մեզ ի տետոթիւն. և մեր ազնիւ Աղայ Յովհաննէսն ընդ նմա ի վերայ նոյն նիւթոյն. և ի վերայ Երկրացն մերոց լազում Դարցմունս արար մինչև ցերկու ժամաւ: Եհարց և մտնրամանարար վկացութենէ սրբոյն Աթոռոյն մերոյ էջմիածնայ և յուսագրութիւն արար յոյժ որպէս թլ նորոգելոց իցեն ի մեզ իշխանութիւն ինչ՝ որ և ի մէջ ելեալ գնացեալ էր առ պայծառապայլ ընկաղն Գրիգոր Ալեքսանդրիչ Պօտեմկինն և պատմեալ նմա զամենայն սասցեալսն մեր վասն բաղարացի:

Ի սոյն ամսոյ 3, պայծառապայլ ընկաղն խնդրեալ էր զմեզ ընդ ազնիւ Աղայ Յովհաննիսին Եղիազարեան, ի միասին գնացաք առ նա և բազում ինչ խօսեցար վասն այցելութեան ազգիս մերոյ և աշխարհին, և բազում ինչ Աղայ Յովհաննէսն պատմեաց և հայրէն աշխարհացոյցիւն զդուստուն Հայաստանեայց և զերեւելի քաղաքսն յուցաք, և ինքն յետ բազում հարցախնդրութեանցն վկացութենէ ազգին մերոյ և սրբոյ աթոռոյն և զկաթուղիկոսն. և մեր թախանձիչ նորոգել ի մեզ զմամաւոր տէրութիւն ի մեծն Հայաստան ի քաղաքն Երեան. պատասխանեաց թէ կարելի է, բայց պիտոյ է պատրիարդին ձեր քանօք իշխանօք խնդիր ի գործ ածիցեն վասն փրկութեան ձերոյ, որ մեր այնու ի յօդնութիւն ձեզ եկեացոր: Եհարց և զարբայէն Վրաց և զայլ ինչ բազում, մեր և Աղայ Յովհաննէսն պատասխանեցար բազում ինչ, և յոյս մեծ առեալ ի բունիցն նորին, խնդրութեամբ ելար և նոյն յուսովն մնամք այժմ ընկաղնու զխոտացեալն ի ժամանակի իւրում: Հրամայեաց և Աղայ Յովհաննէսին գրել ի Զուղայ էմին Աղային որ եկեացէ, որ և գրեաց և զայն գիրն առաքեաց Հաշտարխանու գուբեռնաթիին՝ որ նս զլեացէ ի Զուղայ առ նա որ շուտով եկեացէ:

Ի սոյն ամսոյ 13, նոյն Լներալ Պօռոճիկ Սուվորովն զմեզ Աղայ Յովհաննէսին կոչեալ էր առ ինքն վասն տեղեկութեան կացութեանց և վարուց, նաև որպիսութեանց մէլիբանցն մերոյ որք ի յԱրցախ աշխարհի նն, որ այժմ կոչի Ղարարալ և կամ Սղնախ, և մեր սասցար զկարգն նոցին և զմիարանութիւնն ընդ իրեարս, և զտարածայնութիւնն և զպատճառն տիրելոյն նոցա ի Փանախանէն, և զպէս պէս վշտակրութիւնսն, և զտարաշխարհիկ լինիլն նոցա, այսինքն մէլիբ Աղամին, և մէլիբ Յովսեփին ի հայրենեաց և զվեր-

տաին գարձն շարտերթի Առաջինն մէլիր Ագամն կարողութեամբ հազար արանց պատերազմողաց. (գիրմիջորդ):

Երկրորդն՝ մէլիր Յովսէփին սոյն սարասի, և զսոյն երկուքս համաձայն ի յամենայն իրս և խորհրդականք և ըստ մեծի մասին յանձնիշխանք թէպէտ են ընդ հնազանդութեամբ Շօշու խանին:

Երրորդն մէլիր Եսային ըստ կարողութեան վերոյ մէլիրանցն սակայն կարի նեղեալ ի նախանձուէ մէլիր Շահնազարին. (Դուզաղ):

Չորրորդն՝ մէլիր Շահնազարն որ զօրացուցիչն է Տաճկաց և միարան ընդ խանին. ունի կարողութիւն և սա հազար արանց պատերազմողաց. (Վարանդ):

Հինգերորդն մէլիր Միրզախանն և որդին ունին և սոքա կարողութիւն արանց պատերազմողաց մինչև. (Խաչէն):

Մէլիր Ալաշվերդին որ է գոնհիկ և խղճարարոյ ունի կարողութիւն արանց պատերազմողաց մինչև՝ ցհինգ հարիւր:

Ի սոյն Խաչէնէ և Յովհաննէս կաթուղիկոսն Աղուանից, որ կանկթամուրն տարագրեաց զազգն Աղուանից. և Հայք եկեալ ընակեցան ի նմին տեղւոջ, և կաթուղիկոսն տեկաց մինչև ցայսօր:

Աստէն պատմեցար և զգլխաւոր իշխանութիւնն սրբազանից կաթուղիկոսացն ամենայն Հայոց որք ի սուրբ էջմիածին. և նոքա գրեցին:

Պատմեաց Ազոյ Յովհաննէսն և մեր ուղբաշոյ միարանութիւնն և զաւրութենէ նորոգելն և ոչընչիւ կորուսանելն, նաև՝ Դաւիթ բէգի զօրանալն և արիութիւնն, և յետոյ վախճանին խալիանիլն: Հարցրին և զրարտոյն արքային Հերակլայ և զկարողութենէ նորին. և զորինչ ասացար գրեցին: Որ վեց աղգաց զօրս գումարէ. ի յՍսից, Բուշից, Փշաւից, Քոսից, Չերքէզից և Լակզեաց: Են ի սորանէ որք հնազանդին նմա և են որք ի վարձու կաշնու Այլև ունի ի աւրութեան իւրում ընակեալ Հայ և Տաճիկ, և ի նոցանէ ևս առնու զօրս: Զայս ամենայն զոր աստ նշանեցար, ի յասիլն Ազոյ Յովհաննէսին նորա ոտակրէն գրեցին:

Մանուցար և զարի արանցն Սիսիանու և Ղափանու որք կարող են մինչև ցհազար անձն խանին տալ ի ժամ պատերազմի, որք թէպէտ էին յառաջ ընդ իշխանութեամբ Նախիջևանայ խանին, ըստ այժմ են ընդ իշխանութեամբ Ղարաբաղու խանին. զայս ևս գրեցին» (См журнал «Кто есть кто в Армении», 1863, № 7, էջ 510—513). К стр. 51.

25. Доктор Яков Рейнегс (1744—1793)— немец, настоя-

чая фамилия — Эйлис. В 1770-х годах он путешествовал по Турции, Персии, был в Армении и Грузии. В 1781 году поехал в Петербург, сблизился с Г. А. Потемкиным и через год в качестве уполномоченного русского двора приехал в Закавказье. В 1783 году вел переговоры с армянским католикосом Гукасом. В годы второй русско-турецкой войны находился в армии Потемкина и выполнял его задания. Умер в чине коллежского советника (*Biographische Skizze des rüssisch-kaiserl. Collegien Rath's D-r Jacob Reineggs, von I. D. Gerstenberd. Gotha und St. Petersbourg, 1797*). Аргутинский и Лазарев, как видно из бумаг первого, были лично знакомы с Рейнегсом. К стр. 52.

26. Правительство Екатерины II 3 сентября 1780 года назначило капитана флота второго ранга графа Войновича начальником астраханской эскадры. 29 июня 1781 года эскадра, в составе которой были три двадцатипушечных фрегата, один бомбардирный корабль и два палубных бота, направилась к персидским берегам. Экспедиция графа Войновича преследовала как военно-политические, так и торговые цели. 27 июля корабли стали на якорь в Астрабадском заливе. Командир эскадры начал переговоры с губернатором Мазандарана Фет-Али-ханом и основателем Каджарской династии известным Ага-Магомед-ханом, предложив им уступить участок на побережье залива «для построения купеческого города». Получив на это соответствующее согласие, Войнович на берегу залива выстроил ряд зданий. Однако в декабре он вероломно был арестован персидскими ханами, а построенные на берегу здания были разрушены. Скоро Войнович был освобожден, и в июле 1782 года эскадра покинула Астрабадский залив (ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, дд. 244, 268, 288, см. также Исторический журнал бывшей в 1781—1782 гг. на Каспийском море российской эскадры под командой флота капитана второго ранга графа Войновича, Москва, 1809). К стр. 70.

27. Оригинал книги на армянском языке напечатан в 1772 году в Мадрасе (Индия) в типографии известного армянского патриота XVIII века Шагамира Шагамиряна. Долгое время ошибочно считалось, что автором этой работы является сын

Шагамира Шагамиряна — Яков Шагамирян, как указано в заглавии книги. Однако давно уже доказано, что автором этой выдающейся книги является другой известный армянский патриот Мовсес Баграмян. К стр. 71.

28. Командуя кубанским корпусом, А. В. Суворов в 1782—1783 годах окончательно присоединил к России некоторые округа Кубани. В связи с этим он был награжден орденом Владимира Большого креста первой степени. По этому поводу Екатерина II 28 июля 1783 года писала Суворову: «...по случаю присоединения разных кубанских народов к Всероссийской Империи, обращаю на себя ваше внимание и милость. Мы, желая изъявить сие пред светом, всемилостивейше пожаловали вас кавалером Ордена князя Владимира Большого креста первой степени, которого знаки при сем доставляя, повелеваем вам возложить на себя и носить установленным порядком» (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, Собрание А. В. Суворова, т. I, л. 8). К стр. 81.

29. Интересно отметить, что в русских войсках офицеры-армяне появились еще в 30-х годах XVIII столетия. Так, например, при царствовании Анны Ивановны и Елизаветы Петровны генеральского чина достиг Лазар Христофоров. В годы первой русско-турецкой войны (1768—1774) в армии, действовавшей под командованием генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского, служили полковник Иван Петрович Каслеров и подполковник Степан Сумбатов. В 1770—1780 гг. появились новые лица — подполковник Мина Лазаревич Лазарев, генерал-адъютант Артемий Иванович Лазарев, штаб-офицеры Ходжамалов, Улуханов, Мкртычев, Айвазов, Василий Аргутинский-Долгорукий, Ваганов, Иванов и другие. В последующие годы их число стало еще больше. Характерно, что в 1780-х годах «из волонтеров составлен был из армян значительный отряд, коим командовал из армян же подполковник Абрамов» (Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. III, стр. 302). К стр. 84.

30. Об одной части записей Суворова, относящихся к Закавказью и Персии, имеются упоминания у ряда авторов. Так,

о ней еще в 1869 году упоминает академик Л. Броссе (П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа, ч III, СПб, 1869, стр. 152, см. Хронологические и архивные указатели, составленные Броссе), значительно позже — В. Алексеев (Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I, стр. 161, прим.), А. Р. Иоаннисян (Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, Ереван, 1947). К стр. 100.

УЧАСТИЕ АРМЯН
В
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1812 года

В 1812 году, когда огромная армия Наполеона Бонапарта вторглась в Россию, русский народ поднялся на отечественную, освободительную войну¹. Благодаря героической борьбе войск, партизан, ополченцев и всего народа французский император потерпел решительное поражение. Грозный Бонапарт, стремившийся к мировому господству, был разгромлен. От опасности иноземного порабощения и колониального гнета спаслись не только Россия, но и другие европейские страны.

В Отечественной войне русского народа принимали участие многие народы нашей страны. «В Отечественной войне 1812 г. народы нашей страны... во главе с русским народом разгромили вражеское нашествие наполеоновской армии»*.

Вместе с русским народом против захватнической армии Наполеона героически боролись украинский и белорусский народы. Летом 1812 года из украинских казаков было создано 19 полков. Возникли также отряды крестьян-ополченцев. «Численность всех сформированных в 1812 г. на Украине воинских частей достигла внушительной по тому времени цифры — 60 тыс. человек»**. Патриотический подъем охватил и всю Белоруссию. Против агрессоров

---

* Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.), Госполитиздат, 1954, стр. 12.

** История Украинской ССР, т. I, Киев, 1953, стр. 427—428.

выступили также вооруженные отряды крестьян Латвии*. В грандиозной войне принимали участие грузины, башкиры, греки, татары, киргизы и другие**. Для участия в Отечественной войне был организован отдельный полк² из кавказских горцев***.

Отечественная война 1812 года нашла горячий отклик и среди армянского народа. Связавший свою судьбу с судьбой русского народа и возлагавший большие надежды на Россию, он, в тяжелые дни 1812 года, насколько было возможно и насколько было в его силах, оказывал помощь русскому народу.

Для участия в Отечественной войне были организованы отряды из армян-ополченцев. В рядах русских войск против неприятеля самоотверженно боролись не мало воинов-армян офицеров и рядовых. Армянское население многих городов и местностей России и Закавказья организовало экономическую и другого рода помощь русским войскам, ополченцам и пострадавшему населению. Широкие народные массы Армении, находившиеся еще в этот период под игом персидских ханов и турецких па-

* История Латвийской ССР, т. I, Рига, 1952, стр. 466.

** А. Скальковский, 1812 год в Новороссийском крае, Одесса, 1837; Т. О. Рухадзе, Грузины и Отечественная война 1812 года (на груз. яз.), Тифлис, 1942; Н. Дедов, Отечественная война и участие в ней кавказских деятелей (газ. „Кавказ“, 1912, 26 августа, № 195).

*** Р. М. Медокс, Мое предприятие составить кавказско-горское ополчение в 1812 г. („Русская старина“, 1879, декабрь); В. Потто, Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. I, изд. 2, СПб, 1837, стр. 681—687.

шей, совершенно явно и недвусмысленно выражали свои горячие симпатии к русскому народу, ведущему освободительную борьбу против захватнической армии Наполеона Бонапарта.

I.

Совместная борьба русских и армянских воинов имела место еще в далеком прошлом. В летописях истории сохранились сведения о том, что в X веке в некоторых походах византийских (греческих) войск принимали участие русские и армяне*. В период Киевской Руси, в частности в XI веке, в ряде военных действий русских князей принимал участие и отряд армянских воинов**. В 1410 году, во время известной грюнвальдской битвы, два армянских полка (хоругви) вместе с русскими, польскими и литовскими войсками сражались против немецких рыцарей-крестоносцев Тевтонского ордена***.

В последующих столетиях и в особенности в XVIII веке в русскую армию поступили многие армяне, некоторые из которых достигли генеральского чина (Л. Христофоров, И. Каспаров, А. Хастатов, А. Лазарев и др.). В составе русской армии появились также добровольческие отряды. В 1736 году

---

* Н. Карамзин, История государства Российского, т. I, изд. III, СПб, 1830, стр. 113.

** Л. М. Меликсет-Бек, Древняя Русь и армяне (Труды Института языка АН Армянской ССР (на арм. яз.), т. I, Ереван, 1946, стр. 138).

*** Е. Разин, История военного искусства, ч. II, 1940, стр. 67.

был организован армянский эскадрон*. В годы второй русско-турецкой войны был создан отряд³ армянских волонтеров**.

В XIX веке число воинов-армян в русской армии стало еще больше. Их много было особенно в действующем Кавказском корпусе. В период русско-персидских и русско-турецких войн, как и другие кавказские народы, армяне организовывали добровольческие отряды, которые и оказывали русским войскам большую помощь***.

В 1812 году, в тяжелые дни Отечественной войны, в составе русской армии служило не мало армян. Многим из них довелось принять участие в грандиозной освободительной борьбе русского народа.

Из числа воинов-армян, принимавших активное участие в Отечественной войне 1812 года, нужно, прежде всего, упомянуть В. Г. Мадатова.

Валериан (Ростом) Григорьевич Мадатов родился в 1782 году в Карабахе, в семье армянского дворянина. По стечению обстоятельств в конце 1790-х годов он приезжает в Петербург. Здесь он выражает большое желание служить в русской армии. «Уви-

---

* Эскадрон этот был ликвидирован в 1764 году (см. Новое собрание законов, т. XVI, стр. 740).

** ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 396, лл. 1—2.

*** В Потто, Первые добровольцы Карабага в эпоху водворения русского владычества, Тифлис, 1902; Н. Д у б р о в и н, История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, тт. I—VI; М. Н е р с и с я н, Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма (на арм. яз.). Ереван, 1955.

дев в столице блестящие ряды гвардии,— пишет русский военный историк,— постигнув честь служить в рядах русских полков, юноша подал прошение об определении его в нашу службу»*.

Прошение Мадатова о принятии его в военную службу удовлетворяется. В 1799 году он определяется портупей-прапорщиком в лейбгвардии Преображенском, а далее подпоручиком и поручиком в Павловском гренадерском полках. Спустя некоторое время его переводят в Мингрельский пехотный полк**.

В 1808—1810 годах Мадатов активно участвует в русско-турецкой войне. Находясь всегда в передовых частях, он неизменно показывает замечательные примеры храбрости и отваги. Особенно отличился он в боях, происходивших в Молдавии и Валахии летом и осенью 1809 года. Биографы Мадатова пишут, что он уже в этот период был офицером искусным и храбрым, которого начальство использовало везде, где «требовались верный глаз и смелая грудь, благоразумный расчет и безоглядный натиск». За короткое время поручик Мадатов дошел до зва-

---

* «Кавказцы», редактор С. Новоселов, СПб, 1859, в. 54—60, стр. 1.

** Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова, издание 2, СПб, 1863, стр. 3. Эта интересная книга, первое издание которой было напечатано в 1837 году в весьма ограниченном количестве, составлена сослуживцами Мадатова — М. Е. Коцебу, А. С. Хомяковым и И. М. Бакуниным. Фактический материал о жизни и военной деятельности Мадатова мы вычерпали, главным образом, из этой ценной книги.

ния подполковника и неоднократно награждался разными орденами⁴.

Когда началась Отечественная война, Мадатов служил в войсках III Западной армии и командовал передовым отрядом войск генерала Ламберта. По приказу командования, отряд Мадатова в июле 1812 года зашел в тыл противника, занявшего в это время гор. Кобрин, и нанес ряд чувствительных ударов. Вместе с другими частями III Западной армии отряд Мадатова удалось окружить неприятельские войска в районе указанного города и взять их в плен. Об этих событиях сослуживцы Мадатова рассказывают: «При открытии кампании 1812 года третья Западная армия, под начальством генерала Торماسова, расположенная в окрестностях Луцка, двинулась вперед 11 июля четырьмя колоннами и пошла в тыл неприятеля. Князь Мадатов, командуя передовым отрядом авангарда генерал-адъютанта графа Ламберта, выгнал неприятельский отряд из местечка Устилуга, перешел границу Варшавского герцогства и занял пограничное местечко Грубешов, а 13 июля пошел к Бресту Литовскому, занятому того же дня отрядом генерала князя Щербатова. Туда же прибыл генерал-адъютант граф Ламберт с авангардом, который выступил 14-го числа, а 15-го приблизился к городу Кобрину, занятому отрядом саксонских войск, состоявшим из 5000 человек. Граф Ламберт отрядил князя Мадатова с одним эскадроном Татарского уланского полка и одним Александрийского гусарского в обход неприятельской позиции, крепкой с фронта. Князь с успехом ударил на левый фланг, опрокинул саксонскую кавалерию и вогнал ее

В. Г. Мадатов.

в город. Неприятель с усиленным отрядом старался отправить свою казну из Кобрина в Пружаны, но князь Мадатов, по приказанию графа Ламберта, перейдя реку Мухавец с четырьмя эскадронами Александрийского гусарского полка и одним Татарского уланского, двумя Стародубовского драгунского и сотней казаков, при двух орудиях конной артиллерии, перехватил дорогу, ведущую в город Пружаны. Саксонцы делали величайшее усилие, чтоб пробиться сквозь этот отряд, но князь Мадатов, всегда отражая неприятельские атаки, совершенно расстроил их и прогнал обратно в город Кобрин. По прибытии генерала Торماسова с резервом саксонцы, окруженные со всех сторон, принуждены были положить оружие. 8 орудий, 4 знамя и 3000 пленных, в том числе командовавший генерал Кленгель, были трофеями этой победы...»*.

За эту победу, одну из первых побед русских войск в Отечественной войне, и за активное участие в последующих сражениях Мадатов, по представлению командования, был награжден орденом св. Анны второго класса с брильянтами**. В соответствующей грамоте Александра I сказано: «В воздаяние ревностной службы Вашей и отличия, оказанного в кампании противу французских войск 1812 года, а особенно в 15-й день июля, при разбитии саксонских войск под городом Кобрином, где вы командовали авангардом кавалерии и, быв встречены под городом неприятельскою кавалериею, опрокинули оную и

* Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова, стр. 7—9.

** Военная галерея 1812 года (1812—1912), альбом, СПб, 1912, стр. 145.

прогнали в город, сверх сего и другия приказання начальства исполняли с особенным успехом, Всемилостивейше пожаловали Мы вам в 23 день августа 1812-го года знаки ордена св. Анны второй степени с алмазными украшениями».

Вскоре Мадатов снова отличился в боях с врагом. 31 июля 1812 года в районе Городечно имели место крупные бои, в которых 18 000 русских воинов сражались с 40 000 корпусом врага*. «Неприятель,—пишут биографы Мадатова,—напал на наше левое крыло, находившееся под командою генерал-адъютанта графа Ламберта; князь Мадатов с четырьмя эскадронами Александрийского гусарского полка, составляя крайнюю оконечность крыла, твердо удерживался против превосходных неприятельских сил; когда же два австрийские легкоконные полка старались обойти левое наше крыло, то князь Мадатов атаковал их с фланга и с тыла и опрокинул. Часть неприятелей была изрублена, а другая взята в плен, за что князь Мадатов был произведен в полковники»**.

Мадатов принимал активное участие и во многих других сражениях Отечественной войны. Он с честью выполнял все поручения командования. Так, например, в сентябре—октябре 1812 года Мадатов нанес ряд ударов неприятелю в районе Брест-Литовска и очистил от него Тирасполь***. После этого отряд Мадатова, по приказу высшего командования, был послан в тыл противника — в Польшу, где унич-

* «Кавказцы», в. 54—60, стр. 5.

** Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова, стр. 10.

*** Военная галерея 1812 года, стр. 146.

тожил большие запасы врага и совершил ряд других диверсионных актов. С успехом выполнив эту ответственную задачу, Мадатов вернулся в авангард войск генерала Ламберта. В ноябре месяце он участвовал в разгроме и преследовании вражеских войск. «При отступлении французской армии князь Мадатов находился под Зембином, где во время Березнинской переправы он выдерживал натиск отчаянного неприятеля. Оттуда он отряжен был к Вильне с генерал-майором Ланским, который получил приказание опередить голову неприятельских колонн, следовавших к этому городу, истреблять по дороге мосты и тем замедлять их движение. Князь Мадатов, командовавший авангардом генерал-майора Ланского, достигнул 18 ноября у местечка Плещеницы отряд неприятельских войск, разбил его совершенно и взял в плен двух генералов, одного французского, а другого польского, 25 штаб- и обер-офицеров, 400 человек нижних чинов и весь обоз; 28 числа он находился при занятии Вильны. За все эти дела награжден алмазами украшенною саблей с надписью «За храбрость»*.

Когда, преследуя остатки армии Наполеона, русские войска перешли границу, полковник Мадатов опять находился в передовых частях. В 1813 году ему не раз приходилось сражаться с противником. 1 февраля 1813 года под городом Калишем был разбит крупный отряд неприятельских войск. Здесь Мадатов еще раз показал примеры неустрашимой храбрости, за что и был награжден орденом св. Георгия

---

* Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова, стр. 17.

третьего класса. В грамоте, данной Мадатову в связи с этим награждением, говорилось: «В воздаяние ревностной службы вашей и отличия, оказанного в сражении противу французских войск 1813 года февраля 1-го числа под городом Калишем, где вы, по служению вашему в Александрийском гусарском полку в чине полковника, быв командированы на левый фланг с двумя эскадронами александрийских гусар и донским казачьим Семенченкова полком, на вышедшую из деревни Баркова неприятельскую кавалерию, ударили с неустрашимою храбростию, опрокинули оную и взяли много в плен, потом отрезали неприятельской колонне дорогу, причем сдался военнопленным саксонский генерал Ностиц с двумя батальонами, двумя пушками и одним знаменем, Всемилостивейше пожаловали Мы вас в 22 день февраля 1813 года кавалером ордена св. Георгия третьего класса...»*.

Мадатов участвовал в крупном сражении при Люцене 20 апреля 1813 года. В мае—августе месяцах отряд Мадатова вел решительные и кровопролитные бои, в результате чего некоторые части неприятельских войск были разбиты и взяты в плен.

Мадатов с большим успехом вел также партизанскую войну. Перейдя со своим отрядом в тыл противника, он нанес врагу чувствительные удары, громя его тыловые части, уничтожая склады боеприпасов и т. д. О партизанских действиях Мадатова в 1813 году генерал Остен Сакен 25 августа 1813 года доносил: «Я получил сейчас весьма важное донесение от партизана полковника князя Мада-

* Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова, стр. 199—200.

това. Князь Мадатов имел очень выгодное дело против неприятеля 21 августа (2 сентября). В селении Вуршен был поставлен батальон для прикрытия транспорта больных и раненых; оный был немедленно атакован и командующий оным подполковник Клеземонт, 5 капитанов, 12 поручиков, 6 подпоручиков, 2 адъютанта и 647 человек нижних чинов были взяты в плен, 20 пленных русских и шесть прусаков были освобождены. 22 августа (3 сентября) князь Мадатов вышел из деревни Кунневиц и на следующий день рано поутру прибыл в селение Волков близ Битофсвердера, на дороге из Дрездена в Бауцен. Там нашел он обоз с аммуницией из 200 фур с соразмерным прикрытием, следовавший из Дрездена в Бауцен. Князь Мадатов немедленно атаковал, взял в плен 500 человек и предал огню обоз.

Сожжение сих фур произвело взрыв, после которого генерал Пере с 3 эскадронами поспешно оставил Бауцен для отыскания обоза, но полковник князь Мадатов отступил тотчас без потери со своими пленными»*.

Следует отметить, что, за партизанскую деятельность против наполеоновских войск в 1813 году, Мадатов был награжден также прусским королем Фридрихом. В письме от 30 мая 1814 года последний писал Мадатову: «В ознаменование признательности моей к заслугам, вами оказанным во время оконченной войны, пожаловав вам орден мой военного достоинства, я препровождаю к вам сие письменное в оном удостоверение...»**.

* Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова, стр. 202—204.

** Там же, стр. 205.

В начале октября 1813 года, как известно, под Лейпцигом произошло большое и решительное сражение, названное «битвой народов». Мадатов и здесь показал свою храбрость и военное искусство. Во время боев он был ранен, но не покинул поля сражения и до конца битвы командовал своим отрядом. За все это полковник Мадатов был произведен в генерал-майоры.

Вместе с другими частями русской армии отряд генерала Мадатова в 1814 году вступил в Париж. В 1816 году, по требованию главнокомандующего русскими войсками на Кавказе А. П. Ермолова, он был переведен в Кавказский Отдельный корпус и был назначен военно-окружным начальником в Шекинском, Ширванском и Карабахском ханствах. Мадатов принимал самое активное участие в русско-персидской войне 1826—1828 годов. В 1826 году он прославил себя в боях против персидских войск под Шамхором и Гянджой, за что получил новые боевые ордена и был возведен в чин генерал-лейтенанта. В 1828—1829 годах он воевал против турецких войск на Балканском фронте. Здесь же, под Шумлою, он простудился и заболел. Скончался Мадатов 4 сентября 1829 года⁵.

Мадатов был одним из лучших генералов русской армии своего времени. Его совершенно справедливо считали генералом суворовской школы*.

Одной из крупных фигур среди воинов-армян,

---

* О генерале Мадатове в Военной энциклопедии сказано: «Это был генерал той суворовской школы, которая дала русской армии Багратиона, Милорадовича, Ермолова, Дениса Давыдова, Котляревского» (Военная энциклопедия, т. XVI, СПб, 1914, стр. 102).

принимавших активное участие в Отечественной войне 1812 года, был Давид Артемьевич Делянов. Предки его были джюльфинскими купцами, переселившимися в начале XVIII века из Персии в Астрахань. В середине того же века отец Д. А. Делянова переехал в Петербург, где и получил дворянское звание. Давид Делянов родился в 1761 году в Москве, окончил кадетский корпус*. В 1773 году он поступил на военную службу, принимал участие в ряде походов русской армии и, в частности, в русско-турецких войнах. В 1806—1807 годах он сражался против армии Наполеона. В 1807 году Делянов был произведен в полковники. О его участии в Отечественной войне 1812 года в официальных бумагах сказано следующее: «В 1812 году, начав от Гродно, до самого Можайска, находился во всех арьергардных делах: Сумского гусарского полка, 15 и 16 июля под Витебском; 17 — неподалеку от Порчья; 6 августа под Смоленском; 7— под Лавровом, где, поступив в команду графа Орлова-Денисова, закрыл оставшиеся на сем пункте за болотами артиллерийские орудия, немалое расстояние тащил их своими людьми, до глубокой ночи, и, наконец, сдал их нарочно присланным для сего двум пехотным батальонам благополучно; 10 августа — при Михайловке; 17— под Вязьмою; 23— у Колоцкого монастыря; 24— подхода к Бородину; 26— в самом Бородинском сражении; 28— под Можайском, где был ранен»**.

* Братская помощь пострадавшим в Турции армянам, СПб—Москва, 1898, стр. 334.

** Военная галерея 1812 года, стр. 69.

За участие в Отечественной войне Делянов получил много боевых орденов и медалей. В 1813 году он был произведен в чин генерал-майора. В 1813—1814 годах принимал участие во многих сражениях в Пруссии и во Франции.

Интересной личностью является также Меликов. Он учился в Московском университете и в 1812 году, как ополченец, принимал участие в Отечественной войне. В одном из архивных документов сказано, что Меликов «дворянин Московской губернии, из Московского университета в Отечественную войну по воззванию г. московского главнокомандующего вступил в военную службу Московского ополчения, в 1-й пехотный полк портупей-прапорщиком 1812 июля 12-го, потом переведен в 37-й егерский полк 1813 марта 25-го, в оном произведен прапорщиком... В походах и в деле против неприятеля находился. Имеет серебряную медаль, установленную в память 1812 года»*.

После Отечественной войны Меликов еще ряд лет служил в армии и достиг чина штабс-капитана. В начале 1820-х годов он работал в Управлении армянского магистрата гор. Григориополя.

В сражениях против Наполеона участвовал Давид Семенович Абамелик и его два сына. Д. С. Абамелик в 1798 году был зачислен в лейб-гвардии гусарский полк корнетом. В 1807 году он был произведен в ротмистры, а в 1812 году — в полковники. В период Отечественной войны коман-

* Центральный Государственный исторический архив (ЦГИА) в Ленинграде, ф. 880, оп. 5, д. 610, л. 158.

довал эскадроном. За храбрость и мужество он был награжден орденом св. Анны 2-го класса*.

Старший сын Д. С. Абамелика участвовал в Отечественной войне в чине штабс-ротмистра, а младший сын — в чине корнета. Первый был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», второй — орденом св. Анны 3-го класса**.

В Отечественной войне 1812 года принимали участие также Лазаревы. Из этих армянских дворян особенно отличились братья Иван и Артемий Иоакимовичи (Екимовичи) Лазаревы. Иван Лазарев поступил в Московское ополчение и участвовал в нескольких военных действиях, за что был награжден двумя медалями. Артемий Лазарев (1791—1813) в 1812 году имел чин штабс-ротмистра, принимал активное участие во многих сражениях***. В истории рода Лазаревых о нем сказано: «Лейб-гвардии гусарского полка штабс-ротмистр Артемий Екимович Лазарев, доблестный, храбрый воин, за отличие украшенный орденами: св. Анны 2-й ст., св. Владимира 4-й ст. с бантом, сабля за храбрость, знак за Кульмское сражение и серебряную медаль за 1812 год. Сей доблестный Лазарев был во многих сражениях больших и малых, числом до 40 битв, очевидно спасаем и даже ран не

* ЦГАДА, ф. 1252, д. 63, лл. 4—5.

** Там же, лл. 7—8.

*** *Մ. Մ և Բ յ ս ի ց: Հիշատակարան Կենաց և զործոց Լազարյան տոհմի, Մոսկովա, 1856, էջ 23—24, 105 (М. Мсерянц, История жизни и деятельности Лазаревых, Москва, 1856, стр. 23—24, 105).*

получал, но, к несчастью, в кровопролитном сражении под Лейпцигом 4 октября 1813 года убит ядром и поражен в тело, будучи рассечен пополам»*.

Примерно то же самое говорит проф. А. Зиновьев в своей книге «Исторический очерк Лазаревского института». Зиновьев пишет: «Он участвовал в 42 сражениях; храбростью и вообще личными своими достоинствами, имея только 22 года от роду, достиг он чина гвардии штабс-ротмистра и был пожалован орденом св. Анны 2-й ст., св. Владимира 4-й ст. с бантом, саблею за храбрость, Кульмским крестом и Прусским знаком ордена за достоинство. Сраженный ядром, 4 октября 1813 года, он пал в кровопролитной битве под Лейпцигом»**.

Из Лазаревых в Отечественной войне участвовали также Христофор и Лазарь Екимовичи Лазаревы. Оба они получили бронзовые медали за 1812 год***.

Из армян-воинов, участвовавших в Отечественной войне 1812 года, нужно упомянуть также Бебутова, Ахшарумова и Туманова. Василий Осипович Бебутов принимал участие в сражениях, происходивших в балтийских странах. Вместе с генералом маркизом Паулуччи Бебутов в 1812 году был от-

---

* ГПБ Армянской ССР, Архив Лазаревского института, д. 106, л. 28; ЦГИА (Ленинград), ф. 880, оп. 5, д. 13.

** А. Зиновьев. Исторический очерк Лазаревского института, Москва, 1863, стр. 22.

*** ГПБ Армянской ССР, Архив Лазаревского института, д. 103, лл. 28—29.

правлен в Курляндию, «где принимал участие в преследовании неприятеля (бывшего под командой маршала Макдональда) из Риги к Мемелю и за- нятии этого города»*.

Иван Дмитриевич Ахшарумов в 1812 году, в чине подполковника, служил в лейб-гвардии егер- ском полку, а затем занимал должность адъютанта генерала Коновницына, участвовал во многих сра- жениях. За проявленную храбрость в битве при Малоярославце Ахшарумов был награжден орде- ном**.

Авет Христофорович Туманов, из крымских армян, в 1812 году имел чин подполковника, при- нимал активное участие в ряде сражений Отече- ственной войны. Был награжден орденами св. Анны 3-й степени и св. Владимира 4-й степени***.

В Отечественной войне 1812 года отличился Павел Моисеевич Меликов (1777—1848). В 1812 го- ду он сражался под Витебском, Смоленском, Вязь- мой и Бородино. «В сражении под Бородиным, во время атаки на неприятельские батареи, ядро отор- вало у него правую руку...» Меликов стал генералом в 1829 году****. В сражениях 1812 года отличились и два брата майоры Деляновы, один из которых «со-

* АКАК, т. VII, стр. V.

** Алфавитный указатель частей войск, участвовавших в делах и сражениях Отечественной войны 1812 г., войн 1813—1814 гг. и участников этих войн, составлен С. А. Хам- ным и В. А. Афанасьевым, СПб, 1911, стр. 4 (приложе- ние «Военного сборника» за № 9, 1911 г.).

*** ЦГА Армянской ССР, ф. 57, д. 45, стр. 84.

**** Известие о жизни Павла Моисеевича Меликова, Москва. 1852. стр. 7—10.

делался жертвою неустрашимости и убит в сражении под Витебском»*. В этот же период был убит также поручик Лалаев, который служил в 44-м егерском полку и активно участвовал во многих боях Отечественной войны**.

В архивных материалах упоминаются также фамилии Каспарова, Айрапетова, Галустова, Сумбатова и других участников Отечественной войны. Все они принадлежали к офицерскому составу.

В архивах царского правительства, к сожалению, почти ничего нет о рядовых участниках Отечественной войны. Царские чиновники и генералы в своих донесениях и рапортах умалчивают о народных ополченцах и рядовых солдатах, об этих истинных героях освободительных войн. Поэтому все наши старания найти сведения о многочисленных рядовых армянах, участвовавших в этой грандиозной Отечественной войне русского народа, не увенчались успехом.

Однако в некоторых частных и полуофициальных архивах сохранились весьма интересные сведения о народных ополчениях. Так, например, архивные материалы Ново-нахичеванского армянского магистрата показывают, что еще в июле 1812 года в Нахичевани из местных армян был составлен отряд народного ополчения. По поручению градоначальника, организацией добровольческого отряда

---

* Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. III, стр. 307.

** Алфавитный указатель частей войск, участвовавших в делах и сражениях Отечественной войны 1812 г., стр. 64.

Генералъ Александръ Павловичъ
Мининъ

непосредственно занимался М. И. Абрамов, а общее руководство этого дела взял на себя городской магистрат. Примечательно, что магистрат обратился не только к населению города, но и к жителям армянских селений, расположенных недалеко от города Нахичевани, с предложением послать в распоряжение магистрата всех тех, которые желают служить в народном ополчении.

В журнале исходящих бумаг магистрата города Нахичевани за 1812 год имеется запись официального отношения магистрата от 29 июля 1812 года, посланного в армянское селение Чалтр. Запись гласит: «Написали в селение Чалтр атаману и старшинам так: во исполнение его императорского величества приказа, его превосходительство господин градоначальник написал гражданину нашего города высокочтимому Миките Иваничу Абрамову, чтоб он собрал войско наподобие волонтерского, записал желающих, дабы при необходимости служить временно. Если и в вашем селении есть люди желающие, то пошлите их для явки в магистрат»*.

В примечании этой записи добавлено, что подобные же отношения^б посланы также в селения Топти, Мец-Сала, Султан-Сала и Неовита**. Таким образом, в организации отряда армянских ополченцев принимала участие вся донская армянская колония.

* ЦГА Армянской ССР, ф. 139, д. 14, л. 48. Это отношение подписали судья Мелкон Овакимов, судья Петрос Егнazarов и писарь Пеливанов.

** Там же.

О делах и судьбах нахичеванского армянского ополчения мы ничего не знаем. Об этом в архивах нет сведений. Но одно то, что армяне Нахичевани организовали свое ополчение для участия в Отечественной войне 1812 года, говорит о высоком патриотизме армянского населения Дона.

Следует отметить и следующий факт. В фондах Центрального Государственного исторического архива в Ленинграде хранится переписка Манукбея Мирзояна с Лазаревыми*. Из писем Манукбея видно, что в период Отечественной войны он организовал из молдавских армян милицию, цель которой была оказать помощь русским войскам. В состав этой милиции входили также «простые» рядовые люди.

Архивные материалы дают основание полагать, что многие армяне из Бессарабии и Молдавии вступали в ряды русской армии и сражались против агрессоров. Именно в связи с этим генерал-губернатор Бессарабии, активный участник Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенант Алексей Николаевич Бахметев, как говорится в одном историческом документе, однажды публично и «сильно хвалил армянскую нацию»**. Весьма характерно, что начальник Бессарабской армянской епархии архиепископ Григор в своих письмах, написанных в 1812—1813 годах по адресу эчмиадзинского католикоса, выражая настроения местного армянского

* ЦГИА (Ленинград), ф. 880, о.л. 5, д. 7.

** ЦГА Армянской ССР, ф. 57, л. 45, стр. 83.

29 Կուսակազմի վերաբերյալ 27-նոյեմբերի 1918-թվականին
 Կրկնապատկերով հարկազանի 700 հոգու
 Ե-Կ-Սիմոն, ըստ հարկազանի կարգի կայ
 սեփական ձեռքով հարկազանի հարկազանի
 Ի-Ղ-Սիմոն կուսակազմի Բ-Բ-Սիմոն
 Բիսի Կուսակազմի 700 հոգու, Ե-Կ-Սիմոն
 Վեկուտ Վեկուտ Բիսի 700 հոգու, Ե-Կ-Սիմոն
 Ղ-Սիմոն Կրկնապատկերով հարկազանի Ե-Կ-Սիմոն, Ե-Կ-Սիմոն
 Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն, Ե-Կ-Սիմոն
 Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն
 Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն
 Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն

Ե-Կ-Սիմոն
 Ե-Կ-Սիմոն
 Ե-Կ-Սիմոն
 Ե-Կ-Սիմոն
 Ե-Կ-Սիմոն

Միտ ԲԵՅ Ե-Կ-Սիմոն
 Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն

Ե-Կ-Սիմոն Ե-Կ-Սիմոն

Обращение Нахичеванского магистрата об организации армянского добровольческого отряда.

населения, с враждебным чувством говорил о «деспоте Наполеоне».

Таким образом, армянское население России и, в частности, ее областей, близко расположенных к зонам военных действий Отечественной войны, не оставалось безучастным зрителем в той тяжелой борьбе, которую вел русский народ против захватнической армии Наполеона Бонапарта. Оно, как и все население страны, приняло активное участие в освободительной войне 1812 года.

II.

В период Отечественной войны 1812 года по всей России была проведена кампания по собиранию пожертвований в пользу населения, пострадавшего от нашествия Наполеона, а также для военных нужд.

В «добровольном подаянии», носившем патристический характер, принимал активное участие наряду с другими народами и армянский народ.

На призыв к пожертвованию особенно широко откликнулось армянское население городов России. В этом отношении характерен пример армян городов Астрахани и Ново-Нахичевани.

В Астраханском областном архиве хранятся материалы, озаглавленные «Дело о пожертвованиях армянским обществом на военные нужды, 1812 г.». Эти материалы показывают, что в ответ на призыв астраханского гражданского губернатора местные армяне осенью 1812 года собрали значительную сумму денег. Из соответствующих списков видно, что

в, назначеннымъ къ принятию въ пожертвованіе.

	Сумма назначенная комиссариатомъ за каждую.		Имена пожертвователей съ означеніемъ суммы.
	рубли	коп.	
имѣ:			
-	2	80	Иванъ Петровичъ...
-	-	40	Семёнъ Павловичъ...
-	-	55	Михайло Семеновъ...
къ нимъ			
-	-	15	Александръ Ивановичъ...
-	-	9	Пётръ Степановъ...
-	2	38	Иванъ Семеновъ...
-	1	25	Михайло Семеновъ...
-	5	75	Александръ Ивановичъ...
-	1	35	Пётръ Степановъ...
-	2	20	Иванъ Семеновъ...
-	2	55	Михайло Семеновъ...
аршинъ			
-	2	55	Иванъ Семеновъ...
-	4	10	Александръ Ивановичъ...
-	-	75	Михайло Семеновъ...
-	-	14	Пётръ Степановъ...
-	4	10	Иванъ Семеновъ...
-	-	50	Михайло Семеновъ...
-	1	00	Александръ Ивановичъ...

Страница из списка пожертвователей—астраханских армян— в пользу пострадавших от вторжения Наполеона.

число армян, внесших пожертвования, составляло более чем 200 человек. Вот фамилии некоторых из них: Осип Аскарханов, Иван Вартанов, Григорий Пасоев, Авак Вартазаров, Петрос Никитин, Езекил Степанов, Христофор Айков, Аракея Калантаров, Бархудар Бархударов, Назар Татосов, Айрапет Маркаров, Давид Бектабеков, Зако Туманов, Захар Будагов, Саак Торосов, Мнацакан Арутюнов, Багдасар Музыкантов, Григорий Арзуманов, Калуст Папаев, Парсег Тамразов, Осип Туманов, Григорий Ереванов, Авет Казаров, Игнат Цатуров, Ованес Аветов и т. д.*

Список горожан Астрахани, в том числе и армян, пожертвовавших деньги, напечатан в астраханской газете того времени «Восточные известия»**. В этих списках фигурируют не только чиновники и купцы-армяне, внесшие по 6000, 5000, 3000 руб., но и «простые» армяне, главным образом ремесленники, пожертвовавшие по своим возможностям по 30, 25, 15, 10 руб.***

Следует отметить, что в указанном пожертвовании принимало участие индийское общество Астрахани, которое собрало 20 000 руб. В соответствующих списках имеются и фамилии индийцев. В этих списках мы встречаем также фамилии татар, азербайджанцев, персов и лиц из других народов⁷.

Подобно армянам Астрахани, армянское насе-

* Госархив Астраханской области РСФСР, ф. 810, оп. 2, д. 154, лл. 2—82.

** «Восточные известия», Астрахань, 1813, №№ 7—15.

*** ЦГА Армянской ССР, ф. 54, д. 638, л. 38.

список пожертвователей.

Имя	Сумма
...	600
...	600
...	610
...	300
...	300
...	250
...	300
...	300
...	300
...	500
...	200

Страница из списка жертвователей—астраханских армян и индийцев в пользу пострадавших от вторжения Наполеона.

ление Ново-Нахичевани также собрало значительную сумму денег. В одном архивном документе, представляющем собой прошение нескольких десятков армян Нахичевани от 23 мая 1818 года на имя Александра I, говорится, между прочим, что армянское нахичеванское общество пожертвовало в 1807 году для земской милиции деньги, хлеб и оружие, «а в 1812 году, при всеобщем по государству ополчении к отражению нашествия врага Отечества нашего и всего света, — наличною суммою»*.

О патриотическом духе армянского населения Нахичевани говорят следующие весьма интересные факты. В тяжелые дни сентября 1812 года, когда армия Наполеона занимала Москву, армянский магистрат Нахичевани издал приказ, в категорической форме предлагавший всему армянокому населению города не устраивать кутежей и увеселений, так как «ныне не есть дни радости». В журнале исходящих бумаг Нахичеванского магистрата сохранилась под датой 17 сентября 1812 года запись этого приказа. В записи сказано: «Писали всему народу и строго предупредили так: знайте, что магистрат наш строго предупреждает, чтоб в эти дни не играли бы на кяманче и на дайре (армянские народные музыкальные инструменты — М. Н.), ни на свадьбах, ни весельях и кутежах и ни где-либо. Нельзя играть на кяманче или на дайре, ибо ныне не есть дни радости. Когда по милости бога наступят радостные дни, тогда специально уведомим, а теперь знайте, что на десять рублей

---

* ЦГА Армянской ССР, ф. 54, д. 638, л. 38.

магистрата города Нахичевани Вардерес Голодзян*.

Армяне Астрахани и Нахичевани, разумеется, не были исключением. В деле собирания пожертвований для нужд Отечественной войны 1812 года принимало активное участие также армянское население Кизляра, Моздока, Григорнополя и ряда других городов.

Чтобы организовать и успешно провести кампанию пожертвования среди широких слоев армянского населения в самой Армении, еще в этот период находившейся под владычеством Персии и Турции, представители царского правительства прибегли к помощи армянского духовенства. Князь Александр Голицын 6 ноября 1812 года писал из Петербурга в Эчмиадзин, по адресу армянского католикоса Ефрема:

«В здешней столице учрежден Комитет для собирания пожертвований в пользу тех несчастных жителей разных губерний, кои от нашествия неприятеля, мечом и пламенем опустовавшего проходится им места, претерпели совершенное разорение.

Уверен будучи, что духовные пастыри окажут действительное участие в облегчении печального жребия сих ближних, я прошу покорнейше ваше преосвященство предложить вверенному вам духовенству, его пастве к возможным на пользу несчастных пожертвованиям с запиской, в книге имен благотворителей и количества пожертвований.

Приношение сие по получению от духовенства благоволяте, Ваше преосвященство, доставить ко

* Матенадаран, рукопись 8815, л. 288.

мне с книгами, имена благодетелей и количество пожертвования содержащими, для внесения в вышеозначенный комитет»*.

Армянский католикос, имевший русскую ориентацию, исполнил просьбу Голицына. Вскоре католикос соответствующими кондаками поручил всем епархиальным начальникам армянской церкви организовать среди армянского народа добровольное пожертвование в пользу населения, пострадавшего от нашествия армии Бонапарта. Епархиальные начальники, в свою очередь, обратились ко всем служителям армянской церкви. Так, например, епархиальный начальник армянского населения России архиепископ Иоанес 26 декабря 1812 года обратился со специальным посланием к армянскому духовенству Крыма с призывом принимать активное участие в указанном пожертвовании. Вам известно, писал он, «как и сколько замечательные города, чудесно построенные церкви, великолепные дворцы, прекрасные дома, торговые магазины и другого рода постройки, имущество и богатство сожжены и уничтожены, как многие храбрые солдаты пали от рук неприятеля?... Призываю всех священников потрудиться для успеха этого дела (т. е. дела пожертвований — М. Н.)..., слушайте моего заместителя** и внесите щедрые подарки»***.

В духе указания архиепископа Иоанеса активно действовал, в частности, архимандрит Манвел — начальник армянской церкви в Крыму и Григориполе.

* Матенадаран, ф. архив католикосата, папка 23, док. 122.

** Там же, рукопись 8815, л. 283.

*** Там же, ф. архив католикосата, папка 23, док. 122.

20 марта 1813 года он послал духовенству Григориополя приказ, в котором предлагал собирать пожертвования, ибо, писал он, «каждый народ должен показать свою верность государству и Родине»*.

Нужно указать, что вышеприведенные приказы и поручения были выполнены с успехом. Кампания пожертвований была проведена как в Армении, так и в многочисленных армянских колониях. Широкие круги армянского народа приняли участие в ней. Собранные деньги были переведены в Петербург. Многие организаторы этого дела за проявленное усердие и патриотизм были награждены орденами и медалями. Католикос Ефрем был награжден орденом св. Александра Невского 1-й степени, епархиальный начальник армянского населения России архиепископ Иоанес — орденом св. Анны 1-й степени; были награждены также епархиальный начальник бессарабских армян архиепископ Григор, архиепископ Нерсес Аштаракец и многие другие. Надо отметить, что среди награжденных оказалось немало деревенских и городских священников. Так, например, крестами за 1812 год были награждены священники Акоп Тер-Абраамян, Аствацатур Тер-Меликседекян, Цогос Тер-Степанян, Аветис Тер-Барсегян, Аветис Арутюнян, Саркис Мкртумян, Аракед Акоюнц, Тадос Тер-Саакянц, Арутюн Абраамянц, Мовсес Тер-Арутюнянц (о нем указывается, что происходит из крепостных крестьян), Григор Тер-Абраамянц и многие другие**.

* Матенадаран, ф. архив католикосата, папка 24, док. 39.

** «Էջմիածին», 1947, № 9—10, էջ 32—34 (журнал «Эчмиадзин», 1947, № 9—10, стр. 32—34, см. документы, опубликованные Г. Арутюняном).

Награждение армянских духовных лиц крестами с надписью «За 1812 год» было произведено на основании манифеста от 30 августа 1814 года. В этом манифесте, адресованном католикосу Ефрему, Александр I, между прочим, писал: «Священнейшее духовенство Ваше, призываемое пред алтарем всевышнего теплыми молитвами своими благословение божие на всероссийское оружие и воинство, и примерами благочестия, одобрявшее народ к единодушию и твердости в знак благоговения к вере и любви к отечеству, да носят на персях своих, начиная от верховного пастыря включительно до священства, нарочно учрежденный для сего крест с надписью «За 1812 год»*.

Первая партия указанных крестов (10 штук) была получена в Эчмиадзине в 1815 году. Один из этих крестов был предназначен для самого католикоса Ефрема.

Ряд армянских духовных лиц, за разные услуги, оказанные им в период Отечественной войны, был награжден орденами Владимира**.

О позиции, занятой армянским духовенством в период Отечественной войны, говорит и то обстоятельство, что в 1812 году в армянских церквях России и Закавказья совершались молитвы за победу России. Характерно, например, что еще в июле 1812 года архимандрит Манвел предложил духовному правлению города Григориополя в двух армянских церквях ежедневно два раза молиться за победу над

* Матенадаран, ф. архив католикосата, папка 23, док. 98а.

** ЦГА Армянской ССР, ф. 57, д. 28, лл. 17—18.

врагом. «В нынешнее время,— писал он,— обязанностью всех нас должно быть горячим сердцем молиться за успехи и могущество его императорского величества. Поэтому приказываю в ваших двух церквах утром и вечером с усердием молиться за всемогущего бога, чтобы наш христоролюбивый император победил своего врага»*.

Армянский магистрат Нахичевани 6 декабря 1812 года предложил местному духовному управлению, чтобы во всех армянских церквах состоялись торжественные молитвы за победу русских войск**. Нужно добавить, что сам католикос Ефрем в связи с успехами и победами русских войск несколько раз посылал поздравительные письма Александру I.

Какова была позиция трудящихся масс Армении и, в частности, крестьянства? Нет сомнения, что патриотический дух 1812 года охватил и крестьянские массы, ибо в них прежде всего и более глубоко выражалась русская ориентация. Трудящиеся Армении, не представлявшие свое освобождение от невыносимого ига персидских ханов и турецких пашей без России, не могли, конечно, быть нейтральными и безразличными. Имеются все основания полагать, что они приняли активное участие в кампании пожертвований, внося свою скромную лепту в дело оказания помощи русскому народу в его Отечественной войне. Но, к сожалению, и здесь повторяется та же история — в архивах нет материалов о крестьянах, об их патриотизме. Царские генералы и армянские

* ЦГА Армянской ССР, ф. 57, д. 14, л. 4.

** Там же, ф. 54, д. 638, л. 38.

высокопоставленные духовные лица не считали нужным говорить о них.

В деле организации в Закавказье кампании пожертвования для населения, пострадавшего в 1812 году, некоторые шаги предприняла и местная (кавказская) администрация. Главнокомандующий русскими войсками на Кавказе генерал-лейтенант Ртищев 21 февраля 1813 года писал гражданскому губернатору Малинскому:

«Из указа правительствующего сената, от 8-го числа декабря прошлого 1812 года последовавшего, вашему превосходительству известно, что по именному высочайшему его императорского величества повелению учреждено в Санкт-Петербурге для собрания добровольных подаяний общество под названием: «Сословие призрения разоренных от неприятеля» и предоставлено гг. губернаторам и министерству полиции сноситься для доставления сему сословию нужных сведений и способов к удобнейшему подаванию помощи претерпевшим и разоренным от неприятельского нашествия людям.

Полагая, что и по Грузии найдутся из грузинского дворянства и купечества сострадательные к человечеству люди, кои также пожелают быть участниками в сем человеколюбивом деле и подать руку помощи разоренным добровольным пожертвованием из достояния своего по мере сил своих, я поручаю вашему превосходительству, как хозяину губернии, по предмету сему сделать со стороны вашей благородные внушения здешнему грузинскому дворянству и купечеству: не сыщутся ли из среды их также желающие оказать помощь разоренным по челове-

колюбно, но с тем, чтобы в сем случае не было со стороны начальства ни малейшего понуждения или приневоливания, а единственно, чтоб помощь сия была собственно от доброй воли каждого без разбору состояний, и какой будет происходить по сему успеху, прошу меня известить»*.

Согласно предписанию генерала Ртищева, была организована кампания пожертвований, в которой принимали участие грузины, азербайджанцы, армяне и все население Закавказья. Характерно, что уже в начале января 1813 года из Эчмиадзина в Тифлис, по адресу генерала Ртищева, поступило несколько посылок**.

Небезынтересно отметить и следующий факт. Когда начался поход армии Наполеона на Россию, в результате чего создалось тяжелое положение для русских войск, реакционные дворяне Грузии, подстрекаемые иранскими ханами, турецкими пашами и французскими эмиссарами, организовали ряд мятежей с целью отторгнуть Закавказье от России и снова повергнуть его под господство Персии и Турции. Армянское население Грузии, как и широкие слои грузинского народа, выступило против мятежников, показывая этим самым свою верность России и вековой традиции русско-армянской дружбы.

О позиции армян было доложено Александру I. Главнокомандующий русскими войсками на Кавказе генерал от инфантерии Н. Ф. Ртищев в своем ра-

* ЦГИА Грузинской ССР, ф. 16, д. 1570, л. 1.

** Матенадаран, ф. архив католикосата, папка 24, док. 9.

порте на имя царя от 13 мая 1813 года писал, что во время мятежа «армяне не только оказали себя ни малейше в оном непричастными, но, жертвуя имуществом своим и самою жизнью, были единодушны с российскими войсками, вооружились в Кахетии против мятежников и, соединясь с отрядами российских войск, показали в действиях против бунтовщиков отличные опыты мужества»*. Ртищев просил специальной грамотой отметить «усердие, верность и преданность» армянского общества. Через несколько месяцев, 15 сентября 1813 года, Александр I, находясь в это время в Богемии, в городе Теплице, подписал грамоту адресованную на имя армянского населения, проживающего в Грузии⁹. В грамоте сказано: «С истинным удовольствием усмотрели Мы из донесения главнокомандующего нашего в Грузии, приятное для сердца нашего, новое свидетельство о тех чувствованиях верноподданнической благодарности, коими все сословия армян, в Грузии обитающих, всегда были преисполнены к высокому покровительству и к отеческому нашему о благе их всего тамошнего народа попечению. Они доказали сии чувства на многократных опытах и непоколебимой верности во всех случаях; они отличались примерным постоянством и преданностью, когда легкомыслие и неблагонамеренность старались всеу поколебать водворенное нами в Грузии спокойствие и среди смутных обстоятельств пребыли тверды и непоколебимы в своем усердии к нам и к престолу нашему, жертвуя имуществом и всеми средствами и самою жизнью на

---

* АКАК, т. V, стр. 222.

пользу службы нашей и для блага общего. Таковое усердие всего Армянского народа в Грузии и всех словений, оный составляющих, заслуги их и подвиги налагают на нас приятную обязанность засвидетельствовать пред целым светом справедливую нашу им признательность и благоволение: Да сохранится сие свидетельство в честь и славу их в памяти потомков»^{*}.

В тяжелые дни 1812 года верность армянского народа русской ориентации была столь очевидна, что это не мог не признать и царь Александр I.

III.

Об Отечественной войне 1812 года в архивных фондах Армении хранится немало интересных, но большей частью еще не опубликованных документов. Таковыми является прежде всего ряд писем тех армян (главным образом духовных лиц и дворян), которые были современниками, отчасти очевидцами или участниками военных действий 1812 года.

О событиях Отечественной войны несколько писем сохранилось в архивах Лазаревых^{**}. В своих письмах к разным лицам они, в частности Е. Л. Лазарев, сообщают некоторые сведения о занятии На-

* Матеналаран, ф. архив католикосата, папка 24, док. 74, см. также ЦГА Армянской ССР, ф. 57, д. 159, л. 7; АКАГ, т. V, стр. 945; „Кавказский вестник“, Тифлис, 1901, № 10, приложение, стр. 84—85.

** Архив Лазаревых разбросан в нескольких архивах (ЦГАДА в Москве, в Московском областном архиве, ЦГИА в Ленинграде, в Ереванской ГПБ).

полеоном Москвы, о пожарах и грабежах, происходивших в ней, о победах русской армии и т. д.

Сравнительно много писем имеется в архиве Эчмиадзинского католикосата*. Здесь мы находим, например, письма епархиального начальника бессарабских армян, архиепископа Григора, к католикосу и другим влиятельным духовным лицам. Архиепископ сообщает о ходе военных действий Отечественной войны, о поражении и разгроме армии Наполеона и т. д. В письме от 13 апреля 1813 года, говоря о победе русских войск в конце 1812 года, он писал, что «русские взяли в плен более чем триста тысяч французов. Около двухсот тысяч человек убиты. Захвачено девятьсот пушек, двести пушек было сброшено в реки самими французами. Взято в плен семьдесят и убито восемнадцать генералов. Французы бросили все бесчисленное богатство, награбленное ими из страны (т. е. из России — М. Н.), бросили и свои сокровища. Захвачена также царская корона, которую носил Бонапарт, объявляя себя царем или императором России»**.

В письме, далее, говорится о том, что немцы отказались помогать французам, что испанский народ, ведя героическую борьбу против ига Наполеона, очистил свою страну от неприятеля.

Приведем другой пример. Некий Хачатур Меликзармян в одном из своих писем, адресованном архиепископу Нерсесу Аштаракци, 1 марта 1813

---

* Архив католикосата сконцентрирован главным образом в Матенадаране и ЦГА Армянской ССР.

** Матенадаран, ф. архив католикосата, папка 24, док. 22.

года из Измира сообщал сведения о положении дел во Франции, о том, какое впечатление произвела победа русских войск над армией Наполеона в Константинополе и Измире, как русский посол в Турции, в связи с победоносным окончанием Отечественной войны, устраивал торжественный прием и т. д. Меликзармян писал, что русский посол «по случаю победы дважды устраивал публичные зрелища в Константинополе, а также в нашем городе (т. е. Измире—М. Н.). Первое в течение трех дней только на море, как морское празднество с пышными разноцветными украшениями и пушечной пальбой. А через две недели он повторно устроил праздничное зрелище — прием в своем красивом посольском дворце, украшенном шелками, пурпуром и золотыми тканями, арками с лавровыми ветвями и разноцветными фонарями. Он пригласил своих друзей и доброжелателей на ночное пиршество со всевозможными угощениями и увеселительной музыкой»*.

Указанные и другие письма такого же рода интересны не только тем, что дают некоторые сведения об Отечественной войне 1812 года, но и тем, что являются новыми доказательствами той симпатии, которую питал армянский народ к русскому народу и его освободительной борьбе. Следует добавить, что почти все авторы этих писем характеризуют Наполеона как деспота (*մըկնիւնը*) и говорят о нем с неприкрытой враждебностью.

По этому же вопросу в архивах армянского католикосата сохранился ряд писем и отношений пред-

---

* Матенадаран, ф. архив католикосата, папка 25, док. 18.

ставителей царского правительства. Главнокомандующий и главноначальствующий Кавказа генерал Н. Ртищев 17 января 1813 года послал письмо к армянскому католикосу Ефрему, в котором подробно излагал весь ход Отечественной войны. Ртищев писал: «...властелин Франции Наполеон, вооружив почти всю Европу, им поработленную, поднял на Россию и среди мира..., без объявления войны, самым коварным образом сделал неслыханное нападение на пределы Российской Империи... Более нежели с 400 тыс. армиею, составленною Наполеоном из войск одиннадцати европейских держав, им поработанных, он вошел в пределы России. Но Его Императорским Величеством положено было намеренно не останавливать первого стремления сего жадного неприятеля, а завлечь сколько можно далее во внутрь Империи, дабы, удалив сим средством от источников силы его и подкрепления, изнунив войска трудными переходами и отняв способы к продовольствию, тем удобнее наказать за его дерзость, тем вернее нанести ему удар решительный и тем поспешнее восстановить в Европе порядок, им разрушенный. События же на самом опыте таковых, благоразумных и решительных мер, принятых Российским Правительством, хотя с немалыми пожертвованиями, вскоре открыло нам блистательнейшия последствия. Наполеон, алчностью своею к завоеваниям и ненасытным корыстолюбием привлеченный к самой столице Империи Москве, сверх чаяния своего не нашел в оной ничего, кроме одних стен, вскоре почувствовал всю безрассудность намерений своих... усмотрев же тогда все

силы и способы, обращенные Российской империей на его истребление, он вотще обращался с разными коварными предложениями о мире и перемирии; они все остались решительно отвергнутыми. Почему, изнуренный от недостатка в пропитании, изнеможенный частыми поражениями его войск и видя, наконец, все дальнейшие свои покушения уничтоженными через искусные распоряжения и мужество сильной и ежедневно умножающейся Российской армии, неприятель принужден был обратиться со стыдом вспять прежнему дорогою, по следам своего опустошения...»*.

Генерал Ртищев, далее, подробно рассказывал о разгроме армии Наполеона, говорил о потерях неприятеля, приводил цифровые данные о количестве убитых и плененных французов. «...Потери в соединенной французской армии с самого открытия сей кампании и со времени бегства Наполеона только по 16-е число прошлого ноября месяца заключаются во 150 183 человеках нижних чинов, в 40 генералах и 1700 штаб- и обер-офицерах убитыми; далее, в плен взято российскими войсками французских генералов 21, штаб- и обер-офицеров 1385 и нижних чинов 104 200. Сверх того, во всех сражениях отбито у неприятеля 726 пушек, 33 знамя, 16 штандартов, 1200 пороховых ящиков, фур и других повозок с ба-

---

* Матенадаран, ф. архив католикосата, папка 24, док. 8. Этот документ, а также вышеприведенное письмо Х. Мелик-зармяна и некоторые другие, опубликованы нами в 1944 году (см. М. Нерсисян, Новые архивные документы об Отечественной войне 1812 года, Известия АН Армянской ССР, 1944, № 3—4).

гажом собственным Наполеона и его генералов 2000»*.

В конце своего письма Н. Ртищев дал понять католикосу Ефрему, чтобы он посоветовал персидскому шаху учесть происходившие события и, следуя благоразумию, не уклониться от заключения мира с Россией¹⁰.

Следует отметить, что и в архиве самого главноначальствующего Кавказа генерал-лейтенанта Ртищева (ЦГИА Грузинской ССР) хранятся важные документы об Отечественной войне 1812 года. Один из них, например, носит следующее название: «Выписки известиям, полученным главнокомандующим в Грузии о военных действиях российских армий и о знаменитых победах, одержанных над французами с 27 октября по 12-е число ноября месяца 1812 года». В этом довольно пространным документе имеются подробные и весьма интересные сведения о славных победах русских войск и партизан, о потерях Наполеона и т. д.

Кроме общего обзора военных действий, в документе описаны и отдельные крупные сражения. Об одной операции генерала Платова сказано: «27 октября (1812 года — М. Н.) генерал от кавалерии граф Платов, посланный от главнокомандующего армиями светлейшего князя Голенищева-Кутузова с вверенным ему корпусом по Смоленской дороге, на пути своем встретил французский корпус

---

* М. Нерсисян, Новые архивные документы об Отечественной войне 1812 года (Известия АН Армянской ССР, 1944, № 2—4).

вице-короля италийского Евгения, ретировавшийся по дороге от Дорогобужа к Духовщине. Превосходство в числе войск неприятельских его не остановило. С мужеством в сердце и с несомненной надеждой на храбрость российских войск, он ударил на французский корпус, проломился сквозь оный и, разрезав на две части, рассеял в разные стороны с величайшей потерей в неприятельских войсках. На другой же день, 28-го, когда сей разбитый французский корпус разными проселочными дорогами соединился вместе на дороге, ведущей к местечку Духовщине, генерал граф Платов, сколь скоро оный нашел, то, несмотря на продолжавшуюся тогда чрезвычайно ненастную погоду, мгновенно опять ударил на неприятеля и довершил совершенное разбитие оного. В сии два дня французы потеряли несколько генералов, множество штаб- и обер-офицеров и до 8 тысяч убитыми на месте сражения; в плен взят французский генерал Сансон — начальник главного штаба всех армий — и до 3 тысяч пятисот человек нижних чинов, при том победа сия увенчана была знаменитейшими трофеями, состоящими в 64 пушках, с бою отнятых у неприятеля*.

Разгром корпуса известного французского маршала Нея в этом документе описан так:

«...6-го числа ноября (1812 года—М. Н.), около 3 часов пополудни, сколь скоро сей корпус маршала Нея, также ретировавшийся, открыт казаками, то внезапно был окружен и атакован со всех сторон главной российской армией. Неприятель, видя свою

* ЦГИА Грузинской ССР, ф. 16, д. 1389, лл. 4—5.

погибель, с бешенством бросился на наши батареи, но в 250 шагах был встречен жесточайшим картечным огнем, положившим целые его колонны. Наупорнейше потом сражение продолжавшееся, до самой ночи, на другой день в 5 часов утра вторично возобновленное, после всех усилий неприятеля, деланных им поворотов, чтобы пробиться сквозь крепкие ряды российских войск, наконец, решилось блистательнейшим успехом, покрывшим новой славой победоносное оружие его императорского величества.

Неприятель, побитый и потонувший в реке в довольном числе, также потеряв пушки, знамена и множество пленных, принужден был прислать своего парламентаря и просить пощады. В 12 часов плудни весь сей неприятельский корпус, положив оружие, сдался военнопленными в числе 100 человек штаб- и обер-офицеров и 12 тысяч нижних и воинских чинов, с 27 пушками, со знаменами и штандартами, кроме 112 пушек, на 12 верстах брошенных неприятелем в бегу своем от Смоленска. Маршал же Ней, командовавший сим французским корпусом, раненый, спасся бегством и преследуется за Днепром казаками*.

В архиве Ртищева имеются интересные сведения и о военных событиях 1813 года. Главноначальствующий Кавказа получал в Тифлисе из Дрездена, где находился тогда главный штаб русской армии, важные депеши, содержание которых он сообщал некоторым лицам, занимавшим высокие административные должности на Кавказе. Так, в своем

* ЦГИА Грузинской ССР, ф. 16, д. 1389, лл. 6—7.

свободении грузинскому военно-гражданскому губернатору генерал-майору Симоновичу от 27 июня 1813 года Ртищев говорил о положении дел в Западной Европе. «По всей Германии, — писал он, — распространяется дух волнения против Франции и в разных местах явно уже обнаружился. В Бергском герцогстве 2000 конспираторов решились обратить данное им оружие против своих притеснителей и, присоединив к себе 5000 крестьян, ворвались в Динельдорф, где убили французского градоначальника и разорили дома бежавших французских чиновников. Так же поступили они ратники и в малых городах сего герцогства. Посланные для умирения их войска были обезоружены крестьянами, которые отняли у них 6 пушек. В Падерборне народ также взялся за оружие, чтобы воспротивиться новой капитуляции, и высланные против них войска к ним же присоединились. Эти примеры, без сомнения, будут иметь многих последователей и угрожают Наполеону общим против него восстанием тех земель и государств, кои порабощены его владычеству... Жители ганзейских городов и во всей Северной Германии добровольно вооружаются и соединяются с российскими войсками для своего освобождения и на поражение общего врага, столь долго их угнетавшего»*.

Кстати, нужно сказать, что в связи с некоторыми крупными событиями 1813 года, по распоряжению Ртищева, в Тифлисе были произведены артиллерийские салюты и совершены торжественные молебны в грузинских и армянских церквях. Так, 22

* ЦГИА Грузинской ССР, ф. 16, д. 1528, лл. 2—3.

ноября 1813 года Ртищев предлагал генерал-майору Симоновичу: «По случаю полученного мной от господина государственного канцлера графа Румянцева официального известия о вновь одержанной над французами победоносными российскими войсками вместе с союзниками знаменитейшей победы, случившейся 6-го и 7-го числа минувшего октября месяца под городом Лейпцигом, при каковом случае войска, сражавшиеся за правое дело, покрыли себя вновь неувядаемой славой, я предлагаю вашему превосходительству сего же числа приказать чрез полицию обвести всех чиновников, как равно и жителей города Тифлиса, что завтрашнего числа будет принесено по сему случаю богу благодарственное молебствие в главных соборах грузинском и армянском при пушечной пальбе, а потому собралась бы они все во 2 часу пополудни в означенные соборы для прописанной надобности. О чем не оставьте предварительно снестись как с преосвященном митрополитом Варлаамом, так равно и армянским архиереем, известив также о сем радостном происшествии и все подведомственные вам места и войска, находящиеся под вашим начальством»*.

Некоторые документы об Отечественной войне 1812 года мы находим и в архивных материалах Ново-нахичеванского городского магистрата и духовного управления. Здесь имеются, главным образом, сводки командования русской армии о военных действиях 1812 года на русском языке и их переводы

---

* ЦГИА Грузинской ССР, ф. 16, д. 1524, л. 1.

на армянский язык*. В делах магистрата имеются также армянские переводы многих указов и манифестов царского правительства, изданных в связи с Отечественной войной 1812 года. Ясно, что магистрат эти сводки и указы переводил и распространял среди армянского населения города и в пяти близлежащих армянских деревнях.

В заключение следует сказать, что события Отечественной войны 1812 года, а также военные и политические события последующих годов освещались и в армянской периодической печати того времени.

В 1812—1816 годах в Венеции выходил армянский журнал «Дитак Бюзандян»¹¹. На его страницах мы находим систематическую информацию об Отечественной войне русского народа и о военных действиях 1813—1814 годов. В 1812 году, когда Венеция находилась под гнетом Наполеона, журнал перепечатал известия из французских газет, которые всячески хвалили Бонапарта. В 1813 году, когда основы наполеоновской империи были сильно расшатаны и господство французских захватчиков в Италии приходило к своему концу, венецианский армянский журнал составлял информации из других источников. Часто возвращаясь к событиям 1812 года, он в другом, для Наполеона невыгодном, свете освещал их. Более того, журнал нападал на Бонапарта и выказывал свое враждебное отношение к нему. Так, например, в одном из номеров журнала за 1813 год

---

* Архивный фонд Нахичеванского магистрата и духовного управления находится главным образом в ЦГА Армянской ССР и в архиве Музея литературы и искусств Академии наук Армянской ССР.

о Наполеоне говорилось как о деспоте, который грубо игнорирует всякие законные мирные договоры. Далее, было сказано, что мир — это счастье человечества, а Наполеон — враг его*.

В другой заметке отмечалось, что Наполеон издал указ, по которому французская печать должна скрывать правду, фальсифицировать факты и без основания всячески восхвалять его. Наполеон требует, отмечал журнал, чтобы «не писали о его мощенничестве и бессовестности и всю вину свалили на другого**». В последующие годы журнал отзывался о Наполеоне в более резком тоне.

Таким образом, материалы, имеющиеся в наших архивных фондах, а также армянский журнал, издававшийся в 1812—1816 годах, свидетельствуют о той симпатии, которую питали армяне Западной Европы и Ближнего Востока к освободительной войне русского народа. Если многие армяне России принимали активное участие в боях Отечественной войны, а широкие круги армянского населения России и Кавказа оказывали всяческую помощь русскому народу, то население далеких армянских колоний выражало свою симпатию к русскому народу, к ее Отечественной войне.

* «Գրասի Բրազիլիան», Վենետիկ, 1813, № 71, էջ 311:

** Там же, стр. 316.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Настоящая статья публикуется впервые, но ее сжатое резюме напечатано в газете «Советакан Айастан» еще в 1943 году (см. «Արվարձանի Հարյուրամյակ», Երևան, 19 հունիսի, 1943, № 127). К стр. 119.

2. Организатором в 1812 году отряда горских ополченцев был 17-летний Роман Михайлович Медокс (Соковини). В его воспоминаниях, напечатанных в 1879 году под заглавием «Мое предприятие составить Кавказско-горское ополчение в 1812 году», говорится: «В те дни, как Россия, зрев пламенем объятую Москву, мечтала снова пасть рабою пред другим Батыем, я, 17 лет от роду, в пылу юности, рвался на ее защиту, был корнетом по кавалерии и, по ходатайству лейб-медика Виллие,— при атамане донских казаков, графе Платове. Не излишне сказать, что я, сын доброго англичанина, от детства напитался невинностию к Бонапарту, а от многого чтения, при романическом воображении, дышал духом плутарховых героев. Когда же Москва, моя родина, обратилась в груды пепла и ее окрестности усеялись смердящими трупами людей, то во мне родилось какое-то презрение и к жизни и к смерти. В бранном жару, я ощутил в себе силы сделать более возможного в строю... без малейшей мысли самохранения, вздумал составить конное и пешее ополчение». Далее Медокс рассказывает историю организации полка из кавказских горцев (см. «Русская старина», СПб, 1879, декабрь, стр. 709—713).

Об этом интересном эпизоде В. Потто пишет: «Однажды, весною 1812 года, в Георгиевск приехал из Петербурга молодой офицер в конногвардейском мундире. Это был поручик Соковини, флигель-адъютант государя, который представил начальнику линии открытое предписание, повелевавшее ему сформировать конный полк из черкесов и следовать с ним в действующую армию... Обладая блестящею наружностью и прекрас-

ним образованием, Соковини сумел расположить к себе кавказское начальство, и дело пошло вперед быстро и успешно. Вице-губернатор Врангель немедленно отпустил Соковинину значительную сумму денег, а генерал Портнягин сам ездил по линии и, благодаря своему влиянию, успел склонить многих знатнейших князей вступить в ополчение. Первыми явились на сборное место князья Бековичи-Черкасские, Рослаббек и Араслан-Гирей — потомок Чингис-Хана, последняя отрасль древнего крымского ханского рода. По примеру их стали съезжаться подвластные им уздени, дворяне и уорки. А между тем султан Менгли-Гирей и князь Айтек Мисоустов вербовали ополченцев в аулах закубанских черкесов. Успех дела превзошел самые смелые ожидания, и, вместо гвардейской сотни, о которой притом только мечтали, теперь явилась возможность двинуть в действующую армию несколько тысяч отборной конницы... Собранные кабардинцы уже совсем были готовы к выступлению в поход. Красивые, стройные, одетые в железные кольчуги, блистая дорогим вооружением, они представляли собою красивое зрелище, и, глядя на них, можно было без колебаний сказать, что никакая кавалерия в свете не устоит против их сокрушительного удара в шашки. К сожалению, все это громкое дело рассеялось как дым...». По приказу высшего начальства отряд кавказских ополченцев был распущен, а Соковини (Медокс) был отдан под суд. Такой финал дела В. Потто объясняет царившими тогда рутинной и канцеляризмом, «способных в зародыше убить всякое доброе начинание» (В. Потто, Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. 1, в. 1, изд. 2, СПб, 1887, стр. 682—683). К стр. 120.

3. Об организации во время второй русско-турецкой войны (в 1788 году) отряда армянских волонтеров мы имеем в литературе одно мимоходное упоминание (см. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. III, Москва, 1838, стр. 302). В фондах Центрального Государственного военно-исторического архива (Москва) мы нашли дело об этом отряде. Здесь имеется прошение «начальника общества армянского, в Нахичеване обитающего» Ивана Абрамова на имя князя Потемкина от 14 мая 1788 года. В проше-

нии сказано: «...от 779 года, то есть с начала удостоения меня начальником общества армянского, в Нахичеване обитающего, неуспынно старался я о благосостоянии оногo; в короткое время выстроил тот город с пятью прикосновенными ему селениями, открыл путь к распространению коммерции к разведению хлебопашества и скотоводства, завел разные фабрики, умножил художества и, словом, что во всем им споспешествовал и, наконец, успел все сие привести в совершенный порядок и благоустройство; сверх сего употребляем был от главной команды к исполнению политических комиссий, где также заслужил отличную похвалу, и имею в том одобрительные аттестаты. Ныне же, желая заслужить особое благоволение вашей светлости, с отличным усердием исполнил я вашу волю и не только собрал из армян-волонтеров и часть из малороссиян, но и исправил им на свой счет хороших лошадей, одел их в приличное платье и вооружил по надлежащему, а чрез то и привел их в такое состояние, что с желаемым успехом употреблены они быть могут против неприятеля. Все они желают участвовать в Тавриде, яко в местах им лучше известных, а потому и осмеливаюсь вашу светлость всенижайше просить за все оказанные мною усердия о награждении чином, так, как и достойных команды моей чинов, в подносимом у сего списке значущихся, а притом повелеть о всей той команде определить жалованье с апреля месяца по окладам, для всех чинов без обидным, так как прочее все будет их собственное, дабы мы, чувствуя особливую вашей светлости к нам милость, лучше могли оказать против неприятеля храбрость и неустрашимость и прославлять вовеки имя вашей светлости» (ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 396, лл. 1—2).

Нужно добавить, что как видно из заявления Абрамова, отряд состоял из армянских и украинских волонтеров. Другой документ, имеющийся в деле и подписанный тем же Абрамовым, показывает, что отряд армяно-украинских добровольцев имел следующий состав: командир-майор 1, капитан 1, поручиков 2, подпоручиков 2, вахмистров 6, унтер-офицеров 4, капралов 8, рядовых 200, всего 224 человека (там же, л. 4). Далее, в архивном деле упоминаются фамилии некоторых из

офицерского состава этого отряда (сотники Степан Чалохушев, Данило Давыдов, Тарас Кастов, вахмистр Илья Абрамов, регистратор Андрей Плужников). К стр. 122.

4. В 1809—1810 годах Мадатов, за проявленную им храбрость и мужество в русско-турецкой войне, был награжден четырьмя орденами и получил золотую шагу с надписью «За храбрость». Первый орден Мадатов получил в сентябре 1809 года. В связи с этим в грамоте, данной Александром I Мадатову, от 20 сентября 1809 г., сказано: «В воздаяние отличной храбрости, оказанной Вами в сражениях противу турок 26-го минувшаго июня, 19 и 20 июля под Браиловым, где Вы, по усердию своему, были всегда впереди и до окончания последних дел поступали мужественно, жалую Вас кавалером ордена св. Анны 3-го класса, коего знак у сего к Вам доставляю, повелеваю возложить на себя и носить по установлению» (Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова, 2 изд., СПб, 1863, стр. 195). К стр. 124.

5. За активное участие в боях под Шумлю Мадатов был награжден орденом Александра Невского. В грамоте Николая I от 9 июля 1829 года, адресованной Мадатову, говорится: «В ознаменование особенного Нашего к вам благоволения за примерное мужество, храбрость и неустрашимость, оказанные вами лично при взятии 31 прошлого мая кавалерийскою атакою неприятельских редутов близ крепости Шумлы, Всемилостивейше жалую вас кавалером ордена св. благоверного Великого князя Александра Невского, знаки коего при сем препровождаю, пребываем к вам Императорскою Нашею милостию навсегда благосклонны» (Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова, стр. 245). К стр. 130.

6. Армянский оригинал этого отношения, написанного на ново-нахичеванском диалекте, гласит так:

«Գրեցիր Չալթր գիւղը յամանին և ծերերուն այսպէս գրելովն նորին քերականցութիւնն պարտն կօրօտանաչանիբրին, ըստ հետեւանն նորին կայսերական մեծութեան հրամայելի է քաղաքիս կասմտանին բարձրածին Միրիթր Իվանիչ Ապրամովին որ նա ժողովելու է վօլեն Բիրի պես զօրք, և կամեցողացն գրելու է, որ հարկատր ժամանակի ժամանակատր ծառայելու, և ձեր գեղեն ալ հաւ-

վես կողմ, ախօթով մարդիք կամ նր խրկիր որ քան մագիստրոսը՝
բայանվին:

Դատավոր Մելքոն Օվայկեմով
Դատավոր Պետրոս Նդեալցարով
Գրագիր Պելիվանով»
К стр. 138.

7. Полный список астраханских граждан, пожертвовавших деньги для нужд Отечественной войны 1812 года, имеется в архивных делах (см. Государственный архив Астраханской области, ф. 810, оп. 2, д. 154). В журнале «Восточные известия» напечатана только часть этого довольно длинного списка. К стр. 142.

8. Армянские оригиналы этих приказов Нахичеванского магистрата гласят так:

Приказ от 17 сентября 1812 года:

«Գրեցինք պրուպիւրացի և սաստիկ Բէնպէ՛ճ աշպէս, իմանաք որ տա մագիստրաթն մեր սաստիկ Բէնպէ՛ճ կանկ որ շքլա թե աշս մտտիկներս քմե՛կէ, և կամ տայրև շարվի ամեն տեղ, թե հարսնիրի թե աշխի լուսի, և կամ չի յս ֆեթրինչ տեղ ալ ըլանք քմե՛կէ տայրև շարվելու չե զերև ուրախութեան օրեր չե, և որ որ սաստուած տա որսխտութեան օրեր ըլանք ան վախտն կրկին անրամ տէլլալ կանչելով իմացում կու տանք, ապա ամմ իմանաք որ տաշք բուպլի ճերեմե կանովի շարի սովօղէն, և քմե՛կէճի տայրածիին ալ պատիժք կու սրվի:

Դատավոր Մելքոն Օվայկեմով
Դատավոր Պետրոս Նդեալցարով
Գրագիր Պելիվանով»

Приказ от 19 сентября 1812 года:

«Գրեցինք հոգևոր դատարանն աշպէս՝ անցեալ աւուրն բաղարիս հասարակութեանն Բէնպէ՛ճ արինք, պրուպիւրացի անկելով, որ աշսմ գառնաշունչ ժամանակիս, աշս մօտիկ օրերս քմե՛կէ, տայրվ ամենին մեկտեղ մի չի շարվի տե՛լի զերև ուրախութեան օրեր չէ և տեսած է մագիստրաթն մեր, որ լկտի կանաչք ոմանք եկեղեցին կամ սլլ տեղ և կամ պաղնիր էրթանելո ժամանակներն, իւրեանք կամ ախչկ դավակներն ոսկի դարդարանքներով կերթան, որ վասն սշս

շատ անրամ թէնպէ՛հ կզիլ է մարիտորաթևս ու շատ մատդոյմէ այլ ի շարաֆ առվիլ է այս ևս կամէ հասարակութեան մերում, որ ածմ ժամանակատր վերշասցի ազագս դառնաշունչ ժամանակիս և բնավին համարձակի ով որ և իցէ կինարմատ թէ ինքն և թէ ախշկան ոսկօվ կամ այլ ինչ ոսկէղէն զարդարանքօվ կամ իւրեան տունին մէջն զարդարովի և կամ մէկտեղ մի երթա, վասն այս յատուկ մարդ դային կզիլ է մադիտորաթևս պիտի քաշին առնուն շաֆտ անին ու միտ շունենա մէմալ թէ ետ կու տան տէյի զէրէ այնպես անակտմ կինն որ մտիկ չի անիլնն այսպէս ասոր արժանի է կինմարդուն զարդարանքն իւրեանցն և կամ ախշկներուն լինելու է, մի միւսյն անկաճն մէկ չիֆտ օղ և մէշկն կնտի և մասն մատանի և բան դայս անլին ի շարէնէ, վասն այն այսպէս պիտի պատժվին, ուրեմն բարեհաճեսցի հոգեոր կառաւարութիւնտ զբել առ ամենայն եկեղեցիս թէ ի քաղարս և թէ ի գիւղ որ այսն մեր, որ քահանայն ծանուցում անիլով ի մեշ եկեղեցոյն խրատեն զժողովուրդսն և ամենայն քահանա իւրեանց խոստօվանադուտորսն ևս յատկապէս խրատին ասալշխարանք զնելօվ որ այս ոսկի զարդարանքն, ժամանակու որ վերջանա մեր հայոց ազգի մէշէն զէրէ ուրիշ ազգի մէշ շատ կուտան պարսաօլինք և մեծ պակասութիւն է որ այսպէս մադիտորաթիւս և իշխանայ հրամանին ընդգէմ կէնան ևս քմէշէ և տայրէ չի շալվելուն համար կրկին ծանուցում արօլի եկեղեցիսն և տէր ողորմեա ասօլի լինի թէ ամէն ողորմածն աստուած ողորմի ըստ մեծի ողորմութեան իւրամ, որ սակաւակեաց կեանս մեր խաղաղութեամբ անցուցանեմք ընդ հօլանաօրորութեան ամէն ողորմած կայսիրութեանն սուսաց մնալօվ պարկեշտութեամբ:

Դատատր Մելիքոս Օվայկեմօվ

Գրագիր Պէլիվանօվ»

Считаем нужным заметить, что о вышеприведенном приказе нахичеванского магистрата сообщил нам старший научный сотрудник Центрального Государственного архива Армянской ССР тов. Г. Арутюнян, которому и выражаем нашу благодарность. К стр. 143.

9. Грамота Александра I от 15 сентября 1813 года была получена в Тифлисе 11 ноября того же года и с большими церемониями вручена армянскому обществу Тифлиса 22 ноя-

бря. Об этом генерал Ртищев подробно доносил государственно-му канцлеру Н. П. Румянцеву. Главнокомандующий Кавказа, между прочим, писал: «22-го числа ноября... все армянские князья и почетнейшие граждане собрались в 8 часов утра к губернатору, откуда в предшествии его и гражданских чиновников прибыли в дом главнокомандующего, где я, приняв их в общей зале и сделав приличное сему случаю приветствие, вручил высочайшую грамоту одному из первейших армянских князей». Далее, Ртищев говорит о том, что в армянском соборе Ванк была совершена литургия, а вечером были даны ужины и бал: «...во всю ночь продолжалось публичное гулянье, при котором замечена была беспритворная радость армянского народа» (Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. V, Тифлис, 1873, стр. 231—232). К стр. 154.

10. Ниже приводим полный текст этого интересного документа:

«Святейший Армянский Патриарх Ефрем, Милостивый Государь!

По долговременному пребыванию вашего святейшества в России, без сомнения, вы изволите принимать участие в пользах и славе сей Империи и любопытствуете знать о последствиях той ужаснейшей войны, каковую властелин Франции Наполеон, вооружив почти всю Европу, им поработленную, поднял на Россию и среди мира, который Его Императорское величество мой всемилостивейший Государь Император старался сохранить во всей ненарушимости, без объявления войны, самым коварным образом сделал неслыханное нападение на пределы Российской Империи. Для чего, пользуясь возвращением в Эчмиадзинский Монастырь высокопреподобного архимандрита Ефрема и надеясь через верное сообщение всех случившихся происшествий, кои покрыли вечною славою победоносное оружие Его Императорского величества, доставить вашему Святейшеству удовольствие, мне весьма приятное, уведомить нас о следующем.

Более нежели с 400 тыс. армяно, составленною Наполеоном из войск одиннадцати европейских держав, им поработанных, он вошел в пределы России. Но Его Императорским величеством положено было намеренно не останавливать первого стрем-

ления сего жадного неприятеля, а завлечь сколько можно далее во внутрь Империи, дабы, удалив сим средством от источников силы его и подкрепления, изнузив войска трудными переходами и отняв способы к продовольствию, тем удобнее наказать за его дерзость, тем вернее нанести ему удар решительный и тем поспешнее восстановить в Европе порядок, им разрушенный.

События же на самом опыте таковых, благоразумных и решительных мер, принятых Российским Правительством, хотя с немалыми пожертвованиями, вскоре открыло нам блистательнейшия последствия. Наполеон, алчностью своею к завоеваниям и ненасытным корыстолюбием привлеченный к самой столице Империи Москве, сверх чаяния своего не нашел в оной ничего, кроме одних стен, вскоре почувствовал всю безрассудность намерений своих, чтобы занятием сей столицы поколебать Могуущественную и такую Империю, где сильное Российское воинство и все сословия народа соединены единою во всех жарчайшею преданностию к всемилостивейшему своему Монарху и любовию к славе своего отечества. Усмотрев же тогда все силы и способы, обращенные Российскою Империею на его истребление, он вотще обращался с разными коварными предложениями о мире и перемирии; они все остались решительно отвергнутыми. Почему изнуренный от недостатка в пропитании, изнеможенный частыми поражениями его войск и видя, наконец, все дальнейшия свои покушения уничтоженными через искусные распоряжения и мужество сильной и ежедневно умножающейся российской армии, неприятель принужден был обратиться со стыдом вспять прежнею дорогою, по следам своего опустошения, и бежит ныне, преследуемой голодом и зимними непогодами, болезнью и всюду поражающею его превосходною российской армиею, бросает на пути усталых своих больных и раненых, обозы, артиллерию и все тяжести.

По победе Наполеона из Москвы, которая 11-го числа прошлого октября месяца была занята российскими войсками, многие французские корпусы, в беспорядке ретирующиеся, были совершенно рассеяны, а другие вовсе истреблены. Ежедневно тысячи берутся в плен, и армия французская находится при последнем своем конце, будучи теперь теснима со всех сто-

рон российской армией уже на самых границах. Ибо все не только российские губернии, но и польские, России принадлежащие, совершенно очищены теперь от неприятеля.

Не считая нужным упоминать здесь отдельно о многих весьма важных победах в разные числа и разными российскими генералами, одержанных над неприятелем, стоявших французам потери целых корпусов, за которые по всей России и в здешнем краю приносимо было Богу благодарственное моление, но описание конч было бы продолжительно, имею честь при сем случае вашему Святейшеству сообщить одно только то, что по общему счету, присланному ко мне от господина государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева и прочих министров, потери в соединенной французской армии с самого открытия сей кампании и со времени бегства Наполеона только по 16-е число прошлого ноября, месяца заключаются во 150 183 человеках нижних чинов, в 40 генералах и 1700 штаб- и обер-офицерах убитыми; далее, в плен взято российскими войсками французских генералов 21, штаб- и обер-офицеров 1385 и нижних чинов 104 200. Сверх того, во всех сражениях отбито у неприятеля 726 пушек, 33 знамени, 16 штандартов, 1200 пороховых ящиков, фур и других повозок с багажом собственным Наполеона и его генералов более 2000. Ныне же через нарочно присланного ко мне фельдъегера от Его Императорского Величества получены мною печатные объявления, служащие продолжением военных действий и преследования неприятеля, в которых по 29 ноября описаны еще вновь приобретенные важные победы над французами, как в полевых сражениях, так и при вытеснении их из всех городов в Российской Польше, бывших в руках французов до побега Наполеона. В сих сражениях усталые французы от многообразных изнурений и ежечасном поражении теснящей их российской армии, по 29 число прогнанные уже к самым прусским границам, еще потеряли до 30 тыс. убитыми и ранеными, множество артиллерии и обоза, робость и бессилie конч уже и сам император французов не скрывает от остатков своих войск, столь сделалась сильною, что в сражениях его полки и корпуса с их генералами и знаменами кладут оружие и сдаются в плен, прося себе пощады. Между тем победоносная российская армия, не остав-

ляя бегущего неприятеля, всеми своими многочисленными силами приближается уже к самым неприятельским границам. Итак, при благодати богопокровительствующего оружию Его Императорского Величества всемилостивейшего и великого моего Государя Императора и человеколюбивым намерениям, дабы возратить Европе тишину и независимость, по всему кажется, что близок день падения Наполеона и что Российской империи было предоставлено разрушить сей колосс, угрожающий всеобщим порабощением.

Таким образом, сообщив вашему Святейшеству об успехах российского оружия по сие время, приобретенных над французами, я, зная участие, какое вы по добродетельным свойствам вашим принимаете в делах, относящихся до прекращения пагубной войны между Российской империей и Персидским правительством, побуждаюсь уважением моим к особе вашей, объяснить с доверенностью прямые мысли и заключения мои по сему предмету.

Успехи российского оружия, поразившего французское могущество, спасительны и для самой Персии. Ибо известно, что Наполеон всегда мечтал о завоевании Индии, покорив сперва персидские владения. Следовательно, весьма неосновательны, по мнению моему, расчеты Тефранского кабинета, который уклняется от мира с Российской империей на самых умеренных условиях, предлагаемых Персии, и надеется упорством и своими силами одержать верх над такою державой, которую не могли поколебать и против которой сокрушились соединенные почти всей Европы усилия. Притом как с нынешними успехами российского оружия мир в Европе неминуемо должен в скором времени последовать, то ужели от тонкой проницательности Персидского двора может скрыться та мысль, что, когда у России одна только персидская война на руках останется, то, без сомнения, избытки войск ее будут устремлены на усиление армии, действующей теперь в здешнем краю и что тогда неравная и решительная борьба может принудить персидское правительство к заключению мира гораздо с выщими от него пожертвованиями, нежели какие Его Императорское Величество всемилостивейший и великий мой Государь Император, по совершенной известности мне миролюбивых его рас-

положений, готов еще и ныне принять от персидского правительства. В прочем поручая себя святым молитвам вашим с чувством особеннейшего к вам почтения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Святейшества покорнейший слуга

17 января 1813

Тифлис*

К стр. 160.

Николай Ртищев

11. «*Փրտիկ Բիւզանդիանի*» («Дитак Бюзандян») издавался армянским «Обществом Аршаруны», действовавшим в Константинополе и стремившимся распространить идеи буржуазного просветительства и патриотизма в армянской действительности. Журнал печатался в Венеции, в типографии мхитаристов. Он сперва выходил как двухнедельник, а затем — как еженедельник. Журнал освещал исторические, политические, военные и церковные вопросы. К стр. 165.

ДЕКАБРИСТ Е. ЛАЧИНОВ
И ЕГО ЗАПИСКИ
ОБ АРМЕНИИ

I.

Царское правительство, как известно, жестоко расправилось с декабристами. Николай Палкин и вся помещичья реакция со всей своей тупой беспомощностью обрушились на славную плеяду «дворянских революционеров»*. Пятеро наиболее выдающихся из них были повешены, многие разжалованы в солдаты и сосланы в Сибирь на каторгу. Некоторых отправили на Кавказ. Начиная со второй половины 1826 года в связи с русско-персидской и русско-турецкой войнами 1826—1829 годов, а затем и в связи с военными экспедициями, организованными в 1830-х годах против кавказских горцев, часть декабристов, сосланных в Сибирь, была переведена на Кавказ — в действующий корпус.

Число декабристов и «прикосновенных» к их делу лиц, посланных на Кавказ, было немалым. В архивных делах главного штаба Кавказской армии сохранился официальный список «штаб- и обер-офицерам, выписанным в Отдельный Кавказский корпус по происшествию 14 декабря 1825 года». В этом списке, составленном в середине 1828 года, упоминаются: полковники Бурцов, Леман, подполковники Миклашевский, капитан Семичев, поручики Брокке, Корсанов, Гангеблов, Добринский, подпоручики Ма-

---

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 9.

лютин, Ринкевич, Искрицкий, Вадковский, прапорщики Арцыбашев, Коновницын, сотник Сухорук^{*}.

В другом документе, озаглавленном «Список штаб- и обер-офицерам, находящимся в войсках Отдельного Кавказского корпуса и состоящем под секретным надзором по прикосновенности к делу о злоумышленных обществах», имеются, кроме вышеуказанных, также фамилии подполковника Гвоздева, капитана Лихарева и подпоручика Кожевникова^{**}.

Эти списки весьма неполны. В них не включены фамилии сосланных на Кавказ декабристов-офицеров, разжалованных в солдаты. В официальных списках нет и фамилий тех декабристов, которые были переведены из Сибири на Кавказ после 1828 года. Однако другие архивные и литературные материалы, в том числе дневники и воспоминания самих декабристов, дают возможность дополнить список. Известно, например, что до 1830-х годов на Кавказ были сосланы, кроме вышеуказанных лиц, также Михаил Пушкин, Александр Бестужев-Марлинский, Мусин-Пушкин, Петр Бестужев, Матвей Лаппа, Николай Акулов, Николай Оржицкий, Алексей Веденяпин, Фок, Цебриков, Вишневский, Депрерадович, Гудима, Титов, Чернышев, Берстель, Толстой, Шереметьев, Голицын и другие. В 1830-х годах из Сибири на Кавказ был переведен ряд декабристов, в том числе Николай Лорер, Александр Одоевский,

---

* ЦГИА Грузинской ССР, ф. 548, оп. 1, д. 77, лл. 451—452.

** Там же, л. 489.

Андрей Розен, Александр Вегелин, Николай Загорецкий и другие*.

На Кавказ были посланы и целые войсковые части, составленные из солдат, принимавших участие в восстании декабристов. Так, из рот Московского и Гренадерского полков, выступавших на Сенатской площади 14 декабря, был организован сводный гвардейский полк и отправлен на Кавказ. Полк, в составе которого были 1282 «провинившихся» солдата, активно участвовал в военных действиях на Кавказе и, в частности, в деле освобождения Восточной Армении от ига персидских ханов**. Черниговский полк, поднявший знамя восстания против царского самодержавия на юге России, был расформирован и отдельные его части также были отправлены на Кавказ.

Над сосланными на Кавказ декабристами были установлены жесточайший надзор и усиленная слежка. По приказу Николая I, главнокомандующий кавказскими войсками генерал И. Паскевич ежемесячно посылал в Петербург донесения о «поведении злоумышленников». Агенты царского правительства зорко следили, чтобы в отношении декабристов не было проявлено ни малейшего либерализма и снисхождения. В ноябре 1828 года было отменено представление в Петербург ежемесячных донесений, но одновременно Главный штаб дал указания Паскеви-

---

* Список декабристов, сосланных на Кавказ, приведен в статье Е. Вейденбаума, *Декабристы на Кавказе* (см. «Русская старина», 1903, № 2).

** Этот полк под командованием полковника И. Шипова (тоже декабрист) 1 октября 1827 года, в день занятия русскими войсками Эривани, первым вступил в крепость города.

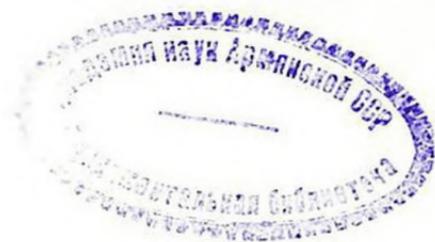
чу продолжать «тайный и бдительный надзор за их поведением и при первом случае отступления их от порядка или когда что в поведении их замечено будет доносить непременно и немедленно»*.

Несмотря на тяжелый режим и невыносимые условия, сосланные декабристы не пали духом. Как однажды признался сам генерал Паскевич, они «не оставили прежних мыслей». В противовес царским генералам и чиновникам, декабристы проявляли уважение и внимание к местным народам. Большинство из них в 1827—1829 годах принимало самое активное участие в русско-персидской и русско-турецкой войнах. Так, например, декабрист М. И. Пущин, разжалованный в солдаты и сосланный на Кавказ, непосредственно руководил всей осадной работой по взятию крепости Эривань. Капитан Семичев, в прошлом активный участник Отечественной войны 1812 года, храбро сражался под Аббасабадом, Сардарабадом и Эриванью. В освобождении Эривани принимали деятельное участие Коновницын, Вальховский, Шипов и многие другие. Полковники Бурцов и Раевский показали блестящие примеры храбрости и отваги в русско-турецкой войне¹. Кстати, оба они в 1829 году активно участвовали в деле организации добровольческих дружин из населения Закавказья. Некоторые из декабристов вели и административную работу. Так, подпоручик Малютин приказом командования в апреле 1828 года был прикомандирован в Эриванский комитет по переселению армян, где выполнял разные поручения. Поручик Гангеблов, участник

* ЦГИА Грузинской ССР, ф. 548, л. 77, л. 487.

Е. Е. Лачинов.

русско-персидской войны, весной 1828 года работал в Эриванском областном правлении².

Находясь продолжительное время на Кавказе, декабристы непосредственно общались с местными народами, близко знакомились с их жизнью и бытом, устанавливали дружеские связи со многими культурными и общественно-политическими деятелями страны. Ряд декабристов, побывавших в Закавказье, был лично знаком и встречался с А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Мирза Фатали Ахундовым, А. Бакихановым, А. Аламдаряном, профессором Шаган-Джрпетом и другими³. Декабристы пользовались большой любовью и уважением среди прогрессивных деятелей кавказских народов.

Разно сложилась судьба декабристов, сосланных на Кавказ. Многие из них погибли здесь на поле битвы или от тяжелых болезней. Остальные, после долгих мучений и страданий, одновременно вышли в отставку и вернулись в Россию.

В числе декабристов, сосланных на Кавказ, находился и Евдоким Емельянович Лачинов. Родился он в 1799 году в семье дворянина из Воронежской губернии. Получив домашнее образование, Лачинов в 1816 году поступил на военную службу*. В конце этого же года он был отправлен в распоряжение главнокомандующего Кавказской армией А. П. Ермолова и в составе его посольства поехал в 1817 году в Персию**. Вместе с другими членами посольства

* Восстание декабристов, Материалы, т. VIII, Центр. архив, Ленинград, 1925, стр. 340.

** Путешествие посольства Ермолова описано членами этого посольства М. А. Коцебу (*Reise nach Persien mit der*

Лачинов побывал, кроме других городов и местностей, также в Гюмри, Эчмиадзине, Эривани и Нахичевани. В этот период, по предложению Ермолова, он сделал топографические съемки некоторых частей Закавказья. В 1818 году Лачинов вернулся в Москву и поступил в местную военную школу для колонновожатых.

С апреля 1821 года Лачинов служил в квартирмейстерской части главного штаба 2-й армии в Тульчино. Здесь он сблизился со многими революционно настроенными офицерами, в том числе и с Пестелем; в дальнейшем он вступил в Южное Общество.

После подавления восстания декабристов Лачинов еще несколько месяцев оставался на свободе. По-видимому, царю и его следователям не сразу удалось установить его участие в движении декабристов. Но это длилось недолго. 8 апреля 1826 года военный министр генерал Татищев предложил главнокомандующему 2-й армией графу Витгенштейну взять под арест «состоящим при главном штабе 2-й армии квартирмейстерской части поручика Лачинова»*. Лачинов был арестован и предан военному суду. 25 ноября 1826 года царь утвердил конфирмацию

russisch-kaiserlichen Gesandtschaft im Jahre 1817, Weimar, 1819), В. Бороzdным (Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году, СПб, 1821) и А. Е. Соколовым (Дневные записки о путешествии российско-императорского посольства в Персию в 1816 и 1817 годах, Москва, 1910), а также самим Ермоловым (Записки генерала Ермолова о посольстве в Персию в 1817 году, Москва, 1866).

* ЦГИА СССР, ф. 48, л. 147, л. 6.

генерал-фельдмаршала Витгенштейна о Лачинове. В соответствующем приказе Николая I было сказано: «Утверждается конфирмация главнокомандующего 2-й армиею генерал-фельдмаршала графа Витгенштейна над поручиком свиты его императорского величества по квартирмейстерской части Лачинова о лишении его чинов, ордена, дворянского достоинства, переломлении над ним пред войсками шпаги по снятии с него военного мундира и о написании его рядовым в действующие батальоны полков 20-й дивизии за то, что он, зная не только о существовании и цели злоумышленного общества, но даже о времени и способах, предполагаемых для приведения оных в действие, не объявил о том начальству»*.

Приказ этот был вскоре выполнен, и разжалованного в солдаты декабриста отправили из Тираспольской крепости, где до этого он находился в заключении, на Кавказ, в действующий корпус. В конце декабря 1826 года Лачинов прибыл в Георгиевск, 9 января 1827 года — во Владикавказ, а спустя несколько дней, 13 января, — в Тифлис¹. Жестоко наказанный «злоумышленник» был определен в 39-й егерский полк 20-й пехотной дивизии. Полк этот в начале 1827 года квартировался в селении Алибад, Закатальского округа, и Лачинов провел здесь до апреля месяца. В конце марта был получен приказ об отправлении полка к персидской границе, для участия в русско-персидской войне. 1 апреля полк выступил из Алибата и, пройдя Тифлис, остановил-

* «Всемирный вестник», СПб, 1905, № 1, стр. 47; см. также «Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, Критских и Раевских», Москва, 1907, стр. 209.

ся в Амамлу, являющимся одним из крупных селений Северной Армении. Спустя некоторое время, когда главные силы под командованием генерала Паскевича предприняли поход на Эриванское ханство, егерский полк, соединившись с ними, также двинулся к Араратской долине.

Начиная с июня 1827 года Лачинов принимал активное участие в русско-персидской войне, большей частью развернувшейся на территории Армении. Находясь в боевом отряде генерала Красовского, он участвовал в известном сражении с персидскими войсками у деревни Ошакан, в освобождении Сардарабада, Эривани и во многих сражениях, решавших судьбу Восточной Армении.

1 октября 1827 года русские войска заняли Эривань. Через несколько дней после этого исторического акта организовалось Эриванское Временное управление, начальником которого был назначен командир местных войск генерал Красовский. Хорошо зная способности и образование Лачинова, Красовский дал ему ряд важных заданий, связанных с требованиями Временного управления. Известно, что генерал поручил Лачинову составить подробное статистическое описание Эриванской области, к чему и он приступил с большой любовью и энергией⁵.

Лачинов принимал участие и в русско-турецкой войне 1828—1829 годов. Вместе со своей военной частью он побывал в Карсе, Ардагане и других местах. За участие в ряде крупных сражений в русско-персидской войне Лачинов был произведен в унтер-

офицеры, а за участие во взятии крепости Карс — в прапорщики*.

По окончании русско-турецкой войны 1828—1829 годов Лачинов был переведен в Дагестан, где оставался примерно три года и принимал участие в ряде экспедиций против горцев. В декабре 1832 года по болезни он вышел в отставку. Поселившись в своем имении Наталино, Землянского уезда Воронежской губернии, Лачинов занимался овцеводством. В 1850-х годах с его участием в Харькове организовалась акционерная компания по торговле шерстью. На протяжении ряда лет Лачинов занимал должность председателя этой компании. В 1850—1860 годах он в некоторых органах русской периодической печати того времени («Северная почта», «Северная пчела», «Коммерческая газета», «Одесский вестник» и т. д.) помещал статьи о торговле шерстью, о своей поездке за границу и по другим вопросам**. Лачинов скончался 20 августа 1875 года в Москве.

II.

Декабрист Е. Лачинов, как и ряд его товарищей, находясь в рядах Кавказской действующей армии, вел дневник, писал записки и письма о Кавказе, о его народах, о военных действиях, происходивших здесь, и т. д. Он оставил записки и письма, в которых можно найти много интересного не только о его думах, настроениях и личной жизни, но и о народах Закавказья, об Армении, о важных военных событи-

* ЦГИА СССР, ф. 109, 1826 г., д. 61, ч. 135, л. 4.

** Известия Воронежского краеведческого общества*, 1926, январь—март, №№ 7—9, стр. 4.

ях 1826—1828 годов и т. д. Восемь писем Лачинова, написанных из Карса в период от 3 сентября по 2 декабря 1828 года, а также его записки, относящиеся к военным действиям в Дагестане в 1830—1832 годах, были опубликованы в 70-х годах прошлого века*. Но первая и основная часть его записок и писем, охватывающая период с ноября 1826 года по апрель 1828 года, по каким-то причинам до сих пор еще не опубликована⁶. Между тем именно в этих записках Лачинова подробно говорится об Армении, о ее народе, об освобождении Эривани и Араратской долины от ига персидских ханов, о событиях, игравших большую роль в исторических судьбах армянского народа, и т. д. Автор записок здесь пишет также о Грузии и вообще о Кавказе⁷.

Записки Лачинова носят общее заглавие «Моя исповедь». После вводной части следует подзаголовок «Записки русского солдата». Составлены они большей частью в виде дневника, а иногда в виде писем. Соблюдена хронологическая последовательность, хотя в ряде мест она нарушается.

В начале своих записок Лачинов рассказывает о своем аресте, вспоминает свои прошлые переживания в тюрьме, отдается разным размышлениям. Бросается в глаза то обстоятельство, что Лачинов очень сдержанно и осторожно говорит о себе как о декабристе⁸. По понятным причинам и соображениям, здесь у него многое остается нераскрытым. Об этом, хотя и в весьма туманной форме, он сам предупреждает своего читателя. «Очень желал я,— пишет Лачинов,— чтоб исповедь моя вполне изо-

* «Кавказский сборник», тт. I и II, Тифлис, 1876—1877.

51

Мра Менделеев Лачинова.

1^я Москва 1876 ^{Копирован} Л. Лачинова

47

О судьбе России и имп. династии.
Постепенно наша монархия,
Не может существовать сама? —

Мра Менделеев видел ясно, безраздельно во власти
высшей думы, для нас определенною границей. Не си-
льную, которую перепрыгнуть невозможно, и которая
была бы естественна, потому что она была прогрессивна. Не
существовала для нас ^{никакой} естественной границы. Не была эта граница
Одна была естественна сама по себе. — Мысли ее об этом, она
могла бы видеть, она не могла быть и в виду граница наша
франт де Вильгельм определенно, потому что естественна была
и ее существование там же, естественна была и ее граница, но
бы естественна, потому что она была естественна, потому
что она была естественна, потому что она была естественна,
потому что она была естественна, потому что она была естественна,
потому что она была естественна, потому что она была естественна.

Мра Менделеев видел ясно, безраздельно во власти
высшей думы, для нас определенною границей. Не си-
льную, которую перепрыгнуть невозможно, и которая
была бы естественна, потому что она была прогрессивна. Не
существовала для нас естественной границы. Не была эта граница
Одна была естественна сама по себе. — Мысли ее об этом, она
могла бы видеть, она не могла быть и в виду граница наша
франт де Вильгельм определенно, потому что естественна была
и ее существование там же, естественна была и ее граница, но
бы естественна, потому что она была естественна, потому
что она была естественна, потому что она была естественна,
потому что она была естественна, потому что она была естественна.

Первая страница записок Е. Лачинова.

бражала всего меня (подчеркнуто автором—М. Н.). Однако вижу, что намерение мое неудачно исполнилось и что много оставлено на догадку читателя; а таковые дополнения могут быть или слишком выгодны, или невыгодны для меня...»*.

В своих записках Лачинов уделяет большое внимание, прежде всего, крупным событиям русско-персидской войны. Он описывает ряд военных эпизодов, в которых принимал непосредственное участие. Так, например, Лачинов рассказывает об известном сражении под деревней Ошакан 17 августа 1827 года, когда трехтысячный русский отряд под командованием генерала Красовского героически отбивал ярые атаки 30-тысячной персидской армии, причиняя ей огромные потери. «...Битва сия, — пишет Лачинов, — и по всем отношениям может быть причислена к битвам жестоким, особенно взявши во внимание несоразмерность сражающихся сил и положение наше. В один этот день мне удалось видеть все ужасы браней: огнестрельные орудия всякого рода, даже не употребляемые в Европе, были обращены на нас, но истребление, ими производимое, не могло сравняться с тем, когда на изнуренных воинов наших бросились свежие толпы наездников, когда в ручной вступили бой и засверкали в глазах наших княжалы их и засвистали над головами сабли. Много ужасного было в схватке сей». Говоря о необычайной храбрости русского малочисленного отряда, сражавшегося в этой битве, Лачинов писал, что 17 августа «есть день славы 40-го полка, что мужество

* Музей Грузинской ССР, ф. рукописей, д. 372, л. 25.

начальников и храбрость рядовых выше всяких похвал.

Ошаканское сражение является одним из важных событий русско-персидской войны. Оно спасло гарнизон и население Эчмиадзина от неминуемой гибели. Лачинов сообщает, что благодарные армяне решили увековечить славную память русских героев Ошаканского сражения и с этой целью воздвигнуть им достойный памятник. В своем дневнике Лачинов писал, что 2 января 1826 года «близ Эчмиадзина в 2½ верстах генерал (т. е. Красовский — М. Н.) с архиепископом Нерсесом и другими членами монастыря осматривали место, на котором будет строиться памятник избавления 17 августа 1827 года: памятник сей по данному рисунку сооружается от монастыря, под распоряжением архиепископа Нерсеса».

Лачинов подробно рассказывает также об осаде и взятии Эривани. Как непосредственный участник этих событий, он хорошо знал их многие подробности. «С позволения главнокомандующего, — писал он, — вся наша братья-горемыки были прикомандированы к начальнику траншей для непрерывного нахождения при осадных работах, и потому мне удалось видеть весь ход осады и узнать некоторые подробности».

В записках Лачинова сказано, что русские войска подступили к Эривани 24 сентября. После необходимых подготовительных работ началась мощная артиллерийская канонада из всех орудий. 16 мортир, пишет он, «и более 30 орудий гремели с разных сторон — и видимо рушились стены и с ними надеж-

11
Часть II

Земские Рынки в Сибирии

Вместе с нашими рынками
Уже давно известны и нам!
Помню, когда в Сибирии
Многие рынки были.
Многие рынки были в Сибирии,
Многие рынки были в Сибирии,
Многие рынки были в Сибирии,
Многие рынки были в Сибирии.

Т. Лачиков 21^я Января 1880^{г.}

Вместе с нашими рынками
Уже давно известны и нам!
Помню, когда в Сибирии
Многие рынки были.
Многие рынки были в Сибирии,
Многие рынки были в Сибирии,
Многие рынки были в Сибирии,
Многие рынки были в Сибирии.

Начало второй части записок Е. Лачикова.

да защищающихся... Со своей стороны осажденные щедро сыпали к нам пули во все время осады. Разбиваемые амбразуры деятельно исправлялись, но лишь только дым нескольких выстрелов показывал, откуда действовали орудия их, и они вновь принуждаемы были замолкнуть. Положение персиян час от часу становилось хуже и хуже».

Перейдя к описанию взятия Эривани, Лачинов писал, что вечером 30 сентября «рабочие с турками, фашинами и инструментами пришли ко рву. Сильная пальба показала, что нас заметили. В одно мгновение огонь разлился по всем фасадам и осветил окрестности. Персияне думали, что русские идут на приступ и отчаянною защитою намеревались спасти себя от всех ужасов оного... На стенах зажглись пламенники; треск ружей, взрывы пушек смешивались с шумом и воплями обывателей. Но как изобразить то время, когда загорелся воздух и застонала земля от действия нашей артиллерии. Взрехали орудия и тысячи ружейных залпов заглушались перекатами громов их. Это были адские минуты и слишком час продолжались они. Мало-помалу крепость начала умолкать, выстрелы были реже и реже, слышнее и слышнее становился шум осажденных. Скоро все стихло, и частые оклики часовых раздались в воздухе. Смолкли и наши батареи, и восстановился обычный порядок стрельбы: опять можно было разбирать, как быстрое ядро или граната, едва успевши вырваться из жерла, уже врывались в стену, и как далеко оставляли они за собою медленную бомбу, прежде их пущенную. Вдали слышался выстрел, другой, третий; в разных

местах казачьей цепи загорелась перестрелка. Гасанхан со своими пробовал и отсюда уйти, но, встречая везде преграды, принужден был возвратиться. Взошло солнце, работы продолжались. В 8 часов показались на стенах сарвазы и обыватели — махали платками, бросились через пролом в ров и, прибежавши к нам, объявили, что жители и один батальон сарвазов сдаются, но остальные два батальона намерены еще держаться. Наши кинулись в брешь..., перелезли через стену, взошли на другую и расставили на оной часовых. Несколько рот подведены к воротам на гласисе и разбросали камни, которыми они были изнутри завалены». Далее, Лачинов говорит, что после всего этого ворота крепости были отворены, и русские войска заняли Эриванскую крепость, считавшуюся до этого времени неприступной.

Достоиню внимания, что в записках Лачинова проводится та мысль, что русско-персидская война 1826—1828 годов принесла армянскому народу освобождение от ига персидских ханов, что армянский народ всячески желал присоединения Восточной Армении к России: «Армяне! Мольбы ваши услышаны; свершились желанья ваши, восторг объемлет сердца ваши».

В записках Лачинова приводится много фактов о той большой радости, с которой армяне встречали русские войска. «Почти все жители г. Эривани,— пишет Лачинов,— были заперты в крепости и происшедшее от того стеснение много помогло нам. Трогательные картины радости, с которою встречали нас армянские семейства, когда мы занимали оную,

неописаны. Не говоря о том, что они предвидели счастливую будущность, освободившись от тягостного ига персиян, блаженствовать под правлением России, достаточно представить бедственное положение их во время осады, чтоб верить искренности восторгов, ими изъясненных».

Рассказывая об одной своей беседе с эриванскими армянами, Лачинов говорит, что они были столь радостны и довольны победой русских войск, что заявляли: «Нам кажется, что мы снова родились».

Лачинов неоднократно подчеркивал тот факт, что армяне весьма благодарны России, что армяне «искренно преданы русским».

Много страниц записок Лачинова посвящено описанию сел и городов Армении, жизни и быту ее народа. Лачинов побывал в Лори-Памбаке, Апаране, Эчмиадзине, Эривани, Аштараке и в ряде других местностей страны. Подробно говорит он, в частности, об Эриванской крепости и ее окрестностях. Описывая крепость, Лачинов, между прочим, пишет: «В крепость два въезда: северный и южный. Водопровод, идущий от форштата из реки Кирхбулах, входит в ров близ северных ворот и, деля часть воды в крепость, наполняет водоемы, устроенные во рву, одни ниже другого... улицы в крепости узки, дурны, в некоторых домах есть хорошие комнаты, но, по азиатскому обыкновению, с улицы ничего не видно, кроме гадких стен, большая же часть строений дурны. Дом сардара заслуживает внимания: пройдя несколько сажен от северных ворот к югу, поворачиваешь на запад, и улица, несколько шире других, ведет прямо в ворота дворца, чрез ко-

торые под сводом вступает на небольшой дворик, занимаемый службами; посреди одного водоем, а на правой стороне крытый ход, оканчивающийся в прямом направлении стеною, близ которой налево дверь, закрытая отдельною каменною стеною. Обойдя сей траверз, вы на довольно большом дворе, а направо несколько ступенек взводят через узкие сени в переднюю, потом в большую комнату, разрисованную цветами, картинами и портретами, между которыми главнейшее место занимают портреты Екатерины II и Павла I, изображенного в детском возрасте. Малые зеркала вмазаны в разных местах стен; окно составлено из четвероугольничков, верхняя же часть одного круглая, со стеклами разных цветов. Комната сия блестит позолотою и в азиатском вкусе очень хорошо убрана; здесь жил сардар в теплое время. Переднюю сторону двора занимает летняя приемная зала, еще с большим великолепием украшенная, в которой находятся во весь рост портреты; на одной стене — шаха, сидящего на троне, и Аббас-Мирзы, а на другой сардара, брата его Гасанхана и двух куртищев. В углублении между последними 4 портретами маленький водомет из мрамора и окно на Зангу, из которой виден сад сардарский с беседкою». Далее, в записках говорится о других комнатах дворца, о гареме эриванского хана и т. д.

Об Эчмиадзине Лачинов пишет: «Эчмиадзин окружен четверосторонною стеною, сложенною из камней и глины, с башнями по углам и на боках. Самая большая высота одной менее трех, самая меньшая более двух сажень. Толщина в основании

имеет более двух аршин, сверху же оставлен ход для защищающихся и гребень, его прикрывающий, не тоньше аршина. В нем находится бойница для ружейной обороны. Длина коротких боков слишком 30 саж., а длинных около 125-ти. Южный фас имеет входящий угол, близ которого находятся главные ворота, прикрытые траверзом. Другие монастыри укреплены еще слабее. Подобным образом ограждены и наши древние обители. Известно, что такие крепости не могут доставить большой защиты при нынешних способах войны, но достаточны для отражения набегов разбойничьих шаек, от которых здешние монахи совершенно безопасны».

Вместе с генералом Красовским и Нерсесом Аштаракец Лачинов два раза побывал в селении Аштарак. В своем дневнике он довольно подробно рассказывает о крестьянах, об их жизни и быте, об их празднествах и т. д. «Амфитеатральное положение деревни, окруженной садами и виноградниками, прекрасно,— пишет Лачинов об Аштараке, — оно занимает одно из первых мест в здешнем крае и заключало прежде более 900 семейств, но до сего времени возвратиться успели только 100 семейств. Дома и ограды каменные, прочно и порядочно выстроенные... Аштарак много потерпел в последнюю войну».

Лачинов с радостью отмечает трудолюбие народа. О населении Арагатской долины он пишет: «Как муравьи разбрелись жители, чтоб успеть воспользоваться остатком хорошей погоды для окончания дел своих: одни поправляли дома, другие обрабатывали поля, те рылись в садах. Приятно было

видеть жизнь и деятельность там, где недавно царствовало опустение; какое-то веселое чувство наполняло душу при сем зрелище». В другом месте Лачинов говорит: «Обработанные нивы, окружающие монастыри и деревни, разбросанные вдали и по обеим сторонам р. Аракса, являют приятное зрелище. Земля кажется неудобною, дожди летом редки, но трудолюбие побеждает неудобства».

В записках декабриста много страниц посвящено истории Армении и ее древним памятникам. Лачинов с большим уважением отзывается об историческом прошлом и памятниках армянского народа. Говоря, например, об Эчмиадзинском храме, он пишет: «Древность сего храма вселяет почтение, а чудесный способ построения изумляет взоры. Рассматривая памятники архитектуры древних, перестаешь некоторым образом удивляться, что всепожирающее время притупляет на них острие косы своей; но вместе с тем возрастает удивление к средствам, которые они употребляли на содержание сих, так сказать, вечных зданий. Видишь, что ужасной величины камни возвышены один на другой, плотно приложены одни к другому, и часто не находишь ни железа, ни извести; словом, ничего такого, что бы могло подкреплять и связывать их. Как же держатся они? Не берусь объяснять то, чего сам хорошо не знаю. Это искусство!».

Лачинов сообщает интересные сведения о населении города Эривани и всей Армянской области, о культурной жизни военного отряда, расположенного в Эривани, и т. д. Заслуживает внимание, в частности, сообщение Лачинова о том, что осенью

1827 года в эриванском гарнизоне с большим успехом шли театральные представления. По этому поводу Лачинов в ноябре 1827 года в своем дневнике писал: «Театр наш час от часу улучшается, подбавляются декорации, заводится гардероб, а что касается до актеров, то московские любители театра не раз бы прокричали ура, если б имели таких. Последние представления были очень хороши, а далее будут лучше. Хвала актерам нашим, хвала старшинам увеселений наших, хвала изящному вкусу их».

Это сообщение Лачинова представляет особый интерес, ибо, как известно, именно в этот период в Эривани усилиями офицеров местного гарнизона первый раз была представлена бессмертная комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». На спектакле присутствовал автор пьесы.

В записках Лачинова немало страниц, посвященных природе и климату Армении, ее истории и выдающимся людям. В них много ценного об экономическом и военно-политическом положении Восточной Армении в 1827—1828 годах⁹.

III.

В петербургской газете «Северная пчела» 18 и 21 февраля 1828 года (№№ 21 и 22) было напечатано пространное письмо под заглавием «Путешествие по Эриванской области». Оно было написано из крепости Эривань 24 декабря 1827 года и не имеет подписи.

В письме-корреспонденции описывается путешествие «одного россиянина» по ряду городов и

сел Восточной Армении. Путешественник, как сказано в этой статье, 13 декабря 1827 года выезжает из Эривани и в тот же день через Эчмиадзин прибывает в Сардарабад. 15-го он путешествует по берегам Аракса и ночует в селении Кара-Кала, 16-го и 17-го посещает армянскую деревню Кульц, татарское селение Аджи-Байрам, а 18—19-го продолжает свое путешествие, посетив Шерагял, Гюмри, Талли. 20 декабря путешественник возвращается в Эривань.

В статье описываются селения, мосты, дороги, крепости, горы и ландшафт Восточной Армении. Так, автор корреспонденции пишет:

«Местоположение Новой Талыни (селение Талли — М. Н.) очень выгодно, и по важности пункта сего берутся меры для исправления домов и приведения всего в надлежащее устройство.

От крепости дорога идет по хребту мимо развалин караван-сарая, заслуживающего внимание прочностью и искусством построения, что можно сказать и обо всех древних зданиях, здесь попадающихся. Веки пролетели мимо их, и, наконец, губительная коса времени торжествует над ними... От Талыни до армянского селения Моттары, где путешественник остановился почевать, верст 14; в оном есть древняя огромная церковь, прекрасно построенная 350 лет тому назад, еще во время существования Великой Армении, но приходящая в упадок. Бедность большей части храмов здешних, робость, замечаемая в служителях алтарей, что-то мрачное, таинственное в служении их напоминают бедственную эпоху гонения христиан...

От Талыни начинаются богатые пастбища, земля хлебородная и вообще места прекрасные, лучшие в Эриванской области и из первых в Грузии; климат здоровый, вода близко и недостает только лесов. Горы Палань, Токень составляют границу Эривани с Шурагельскою дистанциею; оставленное селение Богаз-Касын лежит у подошвы их. Отсюда идет равнина, пересекаемая каменистыми балками, и влево прямая дорога на Малый Караклис, который в прошедшем году разорен персиянами, а отсюда верст 7 до селения Гумры, также разрушенного персиянами. Прекрасная равнина пересекается ручейками и балками; камня нет, дорога очень хороша; тут встречается дорога, идущая в Карс*.

О дороге, ведущей из Эривани в Эчмиадзин, сказано: «Ближайшая дорога из Эривани в монастырь переходит чрез Запгу по каменному мосту, прочно и хорошо построенному на арках, против северо-западной башни укреплений; но дорога сия была затруднительна, даже для выюков и верховых; ныне же исправлена, и повозки весьма удобно проходят по ней. Она лежит между садами и, миновав возвышенности, окружающие крепость, с ручейками между ими извивающимися, входит в обширную равнину Эчмиадзинскую. Одно селение Паракар находится на новом пути сем, но близ оно еще несколько деревень. Грунт земли песчано-хрящеватый; земля не обработана и производит только мелкую польнь, вредную для скота; но в окрестностях жилищ, особенно близ монастыря, бесплодная поч-

* «Северная пчела», СПб, 1828, № 22, стр. 4.

ва трудами человека превращается в нивы плодоносные. От крепости до монастыря до 16½ верст»*.

В письме-статье говорится также о местном населении, о курдах, передается беседа путешественника с курдскими беками и приводятся некоторые сведения о них.

Автор корреспонденции не лишен дара художественного слова. Вот последние строки статьи: «Эчмиадзин остался за ним, начинало смеркаться: потухла заря вечерняя, яркие звезды зажглись на чистом небе, золотое облачко загорелось над горою, более и более увеличивалось оно, тускло осветился Арарат. Кони промчались чрез Паракар; луна показала часть светлого лица своего из-за горы, и серебряное сияние ее разлилось по окрестностям. Вот и весь шар покотился по небу, и длинные тени легли от холмов, от садовых оград и деревьев. Засверкали струи шумной Занги, и белая пена кипела по камням; заблестал огонек в окнах строений, и бричка спустилась с горы, застучала на мосту, загремела в воротах, по улице, остановилась и — конец путешествию»**.

Но кто автор этой статьи? И. А. Шляпкии, редактор двухтомного собрания сочинений А. С. Грибоедова, изданного в Петербурге в 1889 году, считал, что указанное письмо написано А. С. Грибоедовым и поэтому включил его в собрание сочинений великого писателя (т. I, стр. 118—127). В примечании к этому письму И. Шляпкии пишет:

* „Северная пчела“, 1828, № 21, стр. 3.

** Там же, № 22, стр. 4.

«Статья эта приписывается нами Грибоедову и впервые перепечатывается у нас... Конечно, внешняя оболочка статей изменена Булгариным в известном духе, но общая манера и внутреннее содержание схожи с вышепомещенными путевыми заметками Грибоедова (имеются в виду известные «Путевые записки» Грибоедова, составленные в 1827 году — М. Н.). К тому же за это время никаких корреспондентов из Эривани у «Северной пчелы» не было, никому другому, сколько видно из Актов Кавказской Экспедиции, здесь проезжать не приходилось (капитан Вальховский уехал в Тегеран раньше), в особенности такому лицу, которое бы было здесь раньше»*.

Но И. Шляпкии ошибся. Автором статьи, напечатанной в «Северной пчеле», является не А. С. Грибоедов, а декабрист Е. Е. Лачинов. В этом не может быть сомнения, ибо оказывается, что письмо, напечатанное в 1828 году в «Северной пчеле», является одной из глав неопубликованной части записок Лачинова. К примеру, сделаем здесь одно сравнение. В статье «Северной пчелы» сказано: «20-го... отправились обратно; мгла очистилась несколько, и за Арпачаем открылись турецкая крепость Тякнис-кала и укрепленная деревня Баш-Шурагель, лежащая против нашего селения Бейндурли, где сходятся главные дороги из Грузии в Карс и где теперь учрежден пост, а на нашей стороне виднелся замок Капелу, где жили армяне-католики

---

* Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова, под редакцией И. А. Шляпкина, т. I, СПб, 1889, стр. 361.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Путешествіе по Эриванской области

(Письмо отъ 24 Декабря 1827. Кр. Эривань).

Эриванская область подчинена управленію Начальника 20-й пѣхотной дивизіи, Г-на Генераль-Лейтенанта Красовскаго, который занималъ оную войсками вѣрнополого ему опрѣда. Сообщаемъ нашимъ читателямъ извѣстіе о путешествіи одного Россіянина по сей странѣ.

13-го Декабря выѣхалъ путешественникъ изъ Эривани, и въ ночь же день прибылъ чрезъ Эчмеадзинъ въ Сардарь-Абадъ.

Виднѣйшая дорога изъ Эривани въ монастырь переходитъ чрезъ Зангу по каменному мосту, прочно и хорошо построенному на аркахъ, противъ сѣверо-западной башни укрѣпленій; по дороге сія была затруднительна, далѣе для выюковъ и верховыхъ; нынѣ же исправлена, и повозки весьма удобно проходятъ по ней. Она лежитъ между садами, и миноваетъ возвышенности, окружающія крѣпость, съ ручейками, между нихъ извивающимися, входитъ въ обширную равнину Эчмеадзинскую. Одно селеніе Паракаръ находится на повозномъ пути семь, но близъ оного видно еще нѣсколько деревень. Грунтъ земли песчано-хрящеватый; земля не обработана и производитъ только мелкую помынь, вредную для скота; но въ окрестностяхъ жилищъ, особливо близъ монастыря, безплодная почва трудами челоуѣка превращается въ нивы плодоносныя. Отъ крѣпости до монастыря 16 $\frac{1}{2}$ верствъ.

Та же равнина ведетъ и въ Сардарь - Абадъ; въ бродѣ переѣзжаете вы рѣчку Абаранъ и нѣсколько протоковъ и водопроводовъ, орошающихъ поля, а на половинѣ перехода, подходитъ рѣчка Кара-су (черная вода) покрытая камышемъ; берега оной изобилуютъ травой и представляютъ довольно удобства для почлега войскъ.

Изъ корреспонденціи Е. Лачинова в „Северной пчелѣ“
(1828 г.).

и который прошлого года оставлен. Путешественник ехал прямо на Малый Караклис, и когда миновал оный, то пошел большой снег, поднялась сильная метель; резкий ветер ослеплял зрение, заносил дорогу и сбивал лошадей в сторону; трудно было держаться в седле при порывах бури, и лошадь легко могла оборваться, пробираясь чрез вершины. Но все благополучно кончилось, а к концу переезда снег перестал, и опасение потерять дорогу миновалось. Горы Курд-Агили, Большой и Малый Бугуту красовались в правой стороне, а к вечеру под высокою горою зачернелось селение Мастары и обрадовало измокших странников»*.

В соответствующем месте неопубликованных записок Лачинова говорится: «20-го отправились обратно; мгла очистилась несколько, и за Арпачаем открылись турецкая крепость Тикнис-кала и укрепленная деревня Баш-Шурагель, лежащая против нашего селения Бейндурли, где сходятся главные дороги из Грузии в Карсский пашалык и где теперь учрежден пост; а на нашей стороне виднелся замок Капелу, в котором жили армяне-католики и который прошлого года оставлен. Ехали прямо на Малый Караклис и когда миновали сие селение, пошел большой снег, поднялась сильная метель; резкий ветер забивал глаза, заносил дорогу и сбивал лошадей в сторону; трудно было держаться на седле при порывах бури, и лошадь легко могла оборваться, перебираясь через вершины, по камням, но все благополучно кончилось, а к концу переезда снег пере-

---

* „Северная пчела“, 1828, № 22, стр. 4.

стал, и опасение потерять дорогу миновалось. Горы Курд-агили, Малый и Большой Бугуту красовались в правой стороне. К вечеру под высокою горою зачернелось сел. Мастара и обрадовало измокших».

Как видим, приведенные отрывки идентичны, если не считать совсем незначительные редакционные изменения. Ясно, что автором статьи «Путешествие по Эриванской области» является декабрист Е. Лачинов¹⁰. Таким образом, он одну главу из своих записок, относящуюся к Армении, опубликовал в газете «Северная пчела» еще в 1828 году. Но дело не ограничивается этим. Наши дальнейшие поиски показали, что еще одно письмо Лачинова об Армении опубликовано в начале 1829 года.

В газете «Тифлиссские ведомости», 4 и 8 февраля 1829 года (№№ 5 и 6), напечатано «Письмо из Карса», датированное 2 декабря 1828 года. Письмо не имеет подписи. Его автор обращается к своему другу со следующими словами: «Давно уже, любезный друг, намереваюсь я сообщить тебе что-нибудь о Карсе, но недосуг и разные обстоятельства доселе препятствовали мне; более же всего хотелось прежде узнать самому вернее то, о чем говорить буду. Еще и теперь следовало бы молчать, если б не настоятельное требование принуждало меня поделиться с тобою малыми сведениями, которые успел я собрать»*.

Автор письма прежде всего дает географическое описание Карсского пашалыка. Говоря об административном делении края, он пишет, что Карсский пашалык разделяется на четыре санджака: Гечеван-

* «Тифлиссские ведомости», 1829, № 5.

ский, Кагызманокский, Шурагельский («закрывающий развалины древней Ани, лежащей на Арпачае») и Заришадский. Сверх того, имеется и пятый санджак, называемый Тахтинским и включающий в себе окрестности города Карса. Пашалык, как пишет автор, занимает около 9500 квадратных верст и содержит до 200 армянских и татарских деревень.

В статье дается самый лучший отзыв о природе и природных богатствах края. В Карсском пашалыке, сообщает автор письма, земля плодородная, много озер, рек, ручеек, источников, сосновых лесов, тучных пастбищ; климат здоровый, прекрасный. Но все эти природные дары не используются как следует, и страна поэтому еще отсталая.

Переходя к описанию военных действий 1828 года, автор пишет: «Когда войска наши вступили в Турцию, то ни в одной деревне не встречали мы ни души человеческой; армян угоняли насильно далее во внутренность: татары сами оставляли жилища свои, избегая ужасов войны... По занятии Карсокой области, начальник оной, генерал-майор князь Бекович-Черкасский, сообразно с данным ему повелением господина главноуправляющего, начал стараться о возвращении обывателей к месту их жительства». Узнав о приближении русских войск, насильно угнанные из своих деревень армяне послали своих представителей к русскому командованию с просьбой «вырвать их из рук притеснителей и принять под покровительство русских». В письме описываются военные действия 17 августа 1828 года и подчеркиваются высокие моральные качества русских солдат, их великодушие и гуманизм в отно-

шении местного населения. «Вдруг загорелась перестрелка: в минуту завязалось жаркое дело — и сладостные чувства уступили место новым ощущениям. Новая разительная картина мне представилась: страх, смятение между жителями; радостная готовность между нашими. Не бойтесь, не бойтесь, кричали бегущие навстречу неприятелю солдаты перепуганным поселянам и ускоряли ход свой. Заметно было, что не одно желание отличиться, но какое-то родное душе каждого чувство вело всех. И не мудро: мирные поселяне поручили себя защите нашей; мы видели полную доверенность их к русским. Признательность их тронула нас, возбудила народное честолюбие, чувство высокое, благородное».

Великодушные и благородные чувства русских воинов, с одной стороны, признательность и доверие местного населения к России, с другой — весьма радовали и воодушевляли автора письма. Именно в связи с этим он вдохновенно обращается к своему другу: «Друг! Здесь более прежнего я имел причин благодарить бога, что родился русским: я русский — и сердце мое трепещет от радости: я русский — и с гордостью замечаю уважение народов к величию русскому. О! да цветет оно, драгое отечество...».

В письме говорится об историческом прошлом города Карса. Но здесь же автор признается в том, что он слишком мало знает историю города, так как у него на руках нет никакой литературы, никаких книг и справочников. Автор высоко оценивает армянских летописцев, считая, что они дают много ценного и интересного для истории. «Если б я был в

Эчмиадзине, — писал он, — то монахи показали бы мне дорогу: я имел случай увериться, что армянские летописцы весьма много любопытного и нового могут открыть любителям истории»*.

В письме подробно описывается город, крепость и цитадель. Улицы города «узкие, кривые, особенно в крепости, где две встретившиеся повозки никак не могут разъехаться, и проезжающие должны делать как умеют. Мостовая и тротуары, для прохода одного человека, сделаны из больших твердого свойства камней, в которых нет недостатка. Дома каменные и множество двухэтажных с деревянными балконами. Архитектура самая жалкая... В числе жителей, кроме армян, турок и татар, есть цыгане: их менее ста душ обоюго пола, и все они живут в городе, на южном форштате».

Автор статьи сообщает, что Карс ведет торговлю с Грузией, Персией и Турцией. Из Грузии получают кофе, сукно, шелк, русский холст, ситец, ром, вино, балык, нефть, ковры, войлоки, кожи, а из Казахской дистанции — лошади. Из Эривани получают сахар, шелковые, шерстяные и бумажные материи, хлопчатую бумагу, табак, сухие и свежие плоды, мыльный песок и краски. Из Карсской области вывозятся хлеб, соль, дерево.

Особенно интересны те строки письма, которые относятся к преданности армянского населения России. «Армяне, — пишет Лачинов, — от души желают принадлежать России; здесь, как в Эривани, малют-

---

* „Тифлисские ведомости“, 1829, № 6.

ка, едва начинающий лепетать, видя наших, кричит по-русски: **здравствуй!***.

Читая эту корреспонденцию в газете «Тифлиссские ведомости», мы сразу же вспомнили записки декабриста Е. Лачинова. Сравнение показало, что она является лишь сокращенным текстом того большого письма Лачинова, которое опубликовано в 1876 году в «Кавказском сборнике» (т. I, стр. 177—196). Таким образом, декабрист Е. Лачинов является также автором той статьи, которая напечатана в газете «Тифлиссские ведомости» в феврале 1829 года.

* * *

Кроме тех записок и статей, о которых мы уже говорили, Лачинов имеет и ряд писем, также относящихся к Армении и Грузии. Эти письма, как сказано выше, опубликованы в «Кавказском сборнике» в 1876 году**. Они написаны в период от 3 сентября по 2 декабря 1828 года из крепости Карс. В них говорится о взятии Карса русскими войсками, о сражениях, происходивших в районе Ардагана, о боевых делах армянской добровольческой дружины, о местном населении, описываются Карсский пашалык, город и крепость Карс, крепость Ардаган и т. д.

Лачинов особенно подчеркивал бедственное положение местного населения и, в частности, те притеснения, которым подвергалось армянское крестьянство. «Чтобы иметь понятие о бедственном положении человечества, надобно вникнуть в жизнь обы-

* «Тифлиссские ведомости», 1829, № 6.

** «Кавказский сборник», т. I, 1876, стр. 123—196.

вателей, особенно армян пограничных Турции с Персией деревень. Кроме притеснений от властителей своих, они беспрерывно подвержены нападениям хищников, никогда не пользуются истинным спокойствием, не могут быть уверены в постоянной безопасности».

Декабристы питали глубокую симпатию к освободительным движениям, направленным против турецкого деспотизма. Известно, например, что Пестель, Рылеев и некоторые другие были очень воодушевлены антитурецким освободительным движением греческого народа¹¹. В этом вопросе Лачинов был полностью согласен со своими славными товарищами. Освободительное движение греческого народа он считал «великим делом». В своем письме от 3 сентября 1828 года он писал: «Умы и души всех обращены на Грецию, и с невольным трепетом сердца каждый ожидает развязки великого дела».

Как прогрессивный, свободолюбивый человек, Лачинов симпатизировал также угнетенному армянскому народу. Он считал, что судьбы Армении связаны с «важными событиями», которые произойдут в XIX веке. «...Ты, некогда знаменитая Армения,— писал он,— ты, оставившая нам столько памятников, доселе изумляющих нас — что предстоит тебе? Явишься ли снова на поприще славы, или грустным сынам твоим определено вечно унылое существование. Важные события должны раскрыться в нашем столетии, ему, кажется, следует решить вопрос: могут ли возродиться царства, отжившие свой век».

В своих письмах Лачинов говорил об освободительных стремлениях армянского народа, о трудо-

любии крестьянства, о желании населения Карсского пашалыка принять русское подданство и т. д. Письма Лачинова в общем написаны в духе его записок, на которых мы остановились более подробно.

В заключение следует еще раз отметить, что письма и записки декабриста Лачинова, как опубликованные, так и неопубликованные, представляют большой интерес. Они содержат много ценного о положении Армении и всего Кавказа, об их народах, о русско-персидской войне 1826—1828 годов, о русско-турецкой войне 1828—1829 годов и т. д. Нельзя забывать тот важный факт, что автор этих писем и записок является декабристом, и поэтому многое в его освещении пронизано передовыми идеями того времени. Правда, Лачинов эти записки писал в период своего духовного кризиса, в период сомнений и разочарований, чем и объясняется то обстоятельство, что он иногда пишет в тоне, чуждом декабристу. Записки пострадали и от того, что их автор, находясь под строгим контролем, не во всех случаях досказывает свои мысли. В письмах и записках Лачинова можно найти неточности, ошибки. Но все это не умаляет их значения. При всех своих недостатках письма и записки Лачинова, бесспорно, являются весьма интересными и ценными историческими документами.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Архивные документы показывают, что почти все декабристы, принимавшие участие в русско-персидской войне 1826—1828 годов и русско-турецкой войне 1828—1829 годов, отличались своей храбростью и отвагой. Так, например, в одном донесении сказано, что во время осады крепости Эривань осенью 1827 года разжалованные в солдаты декабристы Коновницын и Пуццин «исполняли свой долг с похвальной ревностно, поощряя прочих нижних чинов своим примером». В ноябре 1827 года генерал Паскевич доносил Николаю I, что декабристы «полковники Бурцов и Леман, подполковник Миклашевский, капитан Семичев 2, поручики Депрерадович и Гангелбс, подпоручик Шереметьев и прапорщик Рынкевич в делах против неприятеля оказали себя неустрашимыми».

В январе 1828 года генерал-майор барон Розен писал генералу Паскевичу, что декабрист капитан Семичев, «будучи прикомандирован к войскам, осаждавшим Эривань, заслужил от командира сводного полка Шипова блестящий отзыв непоколебимой неустрашимости и неусыпной деятельности».

В конце июля 1828 года начальник 21-й пехотной дивизии генерал-лейтенант князь Эрнстов писал генералу Паскевичу, что подполковник Миклашевский и подпоручик Искрицкий во время взятия города и крепости Карс «показали себя отлично храбрыми». В августе того же года тифлисский военный губернатор генерал-адъютант Сипягин писал Паскевичу, что поручик Брокке, «находясь в действии против неприятеля во время покорения крепости Потн, оказал отличную храбрость». В другом документе сказано, что поручик Добринский в сражениях с турецкими войсками в августе 1828 года «оказал примерную храбрость и был ранен пулею в ногу с повреждением», а сотник Сухоруков «в делах под Ахалцыхом вел себя отлично, храбро». В характеристике, данной в 1828 году

высшим командованием Кавказской армии полковнику Бурцову, между прочим, было написано: «Во всех делах при осаде и штурме крепости Ахалцых был употребляем в самых важных местах, исполнял все поручения с отличным рвением, распорядительностью и примерною храбростью». К стр. 184.

2. Командир Севастопольского пехотного полка полковник Вейде 27 июля 1828 года из крепости Сардарабад писал графу Паскевичу Эриванскому: «Вверенного мне полка подпоручик Малютин, бывший прикосновенным к делу о злоумышленных обществах, находится в откомандировке по воле начальства с 4 апреля сего года при Эриванском комитете для переселения армян». В формуляре поручика Гангелблеса мы, между прочим, читаем: «...по приказу корпусного командира 19 марта сего года (т. е. 1828 года — М. Н.) находится для исправления должности при Эриванском областном правлении». К стр. 185.

3. Армянский поэт Арутюн Аламдарян (1796—1834) был лично знаком с декабристом М. И. Пущиным. В своем письме от 23 июня 1827 года, адресованном Нерсесу Аштаракени, Аламдарян характеризовал Пущина как «гениального молодого человека» (см. Известия АН Армянской ССР, 1952, № 4, сообщение А. Адамяна). Преподаватель Тифлисской армянской школы Нерсисян проф. Шаган Джрпет (1772—1838) имел встречи с Лачиновым, о чем свидетельствует сам Лачинов. Следует отметить также, что писатель Месроп Тагнадяч (1803—1858) в 1848 году в своем журнале «Авгасер» с большой симпатией говорил о декабристах и напечатал одно стихотворение, посвященное Пестелю (*Ս. Բ. Կարճիչյան, Սի. Նարկիկը հայ պարբերական ժամագրի անունը թյայն, 5. 1. Երևան, 1956, էջ 469—475 — А. Каринян, Очерки истории армянской периодической печати, т. I, Ереван, 1956, стр. 469—470*). К стр. 185.

4. Лачинов описывает и свой путь из крепости Тирасполь до Тифлиса. Он рассказывает о южно-русских степях и равнинах, о Северном Кавказе, о Военно-Грузинской дороге и т. д. Так, Лачинов в крепости Владикавказ 9 января 1827 года в своем дневнике писал: «Равнины оканчиваются, места, чрез которые идут с большим конвоем, остались за мною. Зав-

тра караван наш вступит в горы под прикрытием небольшого количества пехоты; верстах в 50 вся опасность минется, а на четвертый день приеду в Тифлис, если не встречу никаких препятствий. Покойное путешествие мое кончилось; крестовая гора покрыта глубоким снегом, и весьма затруднительно перебираться через нее в повозках; нечего делать: выючные лошади наняты, и я верхом пускаюсь по крутизнам грозного Кавказа, удивляюсь величественным красотам его».

Далее, в записках Лачинова сказано: «Чем ближе подходил я к горам, тем окрестности приятнее: чем более приближался я к Грузии, тем сильнее укреплялась мысль, что мне не возвратиться на родину. Но вместе с тем и упорность терпения моего увеличивалась. За рекою Малкою, составляющею границу горцев, великое изобилие воды и лесу представляет разительную противоположность с местами, чрез которые я проехал. Там большие пространства остаются незаселенными единственно от недостатка воды, и селения жмутся по течению протоков; здесь на каждом шагу быстрые ручьи прозрачностью своею приманивают жажду... За Владикавказом пленялся я иногда величественными, иногда ужасно дикими видами, и мрачность окружающих предметов разливала какое-то приятное ощущение в душе моей. Не берусь выразить разнообразие прелестей горной природы. Здесь сквозь утесы гранита прокравлись деревья и висят над бездною, различные положения их представляют нечто похожее на театральные декорации; тут густой лес прячется в облаках... Чудесное слияние света и теней завершают очарование. Вершины же знаменитейших великанов Кавказа задавлены снегами...». К стр. 187.

5. В своем письме от 3 сентября 1828 года Лачинов писал: «Генерал Красовский, в начале текущего года, поручил мне заняться составлением подробного статистического описания Эриванской области. Чтобы исполнить это в некотором систематическом порядке, нужно было приготовить программу, по которой бы, собирая сведения, можно было впоследствии склеить нечто целое, хотя немного соответствующее цели, важности предмета и занимательности мест, наполняющих эту классическую страну, эту колыбель древнего мира. Я видел невозможность с успехом окончить столь обширное дело, тре-

бующее глубоких сведений; но от меня не требовали произведения образцового, и поощряемый неизъяснимо лестным для меня вниманием, я с полным усердием приступил к работе. Никогда не трудился с таким рвением, потому что никогда не был так ободряем; решительно могу сказать, что, кроме самых необходимых часов для сна, не давал я себе ни минуты отдыха — даже в продолжение обеда не оставлял занятий своих, и все делалось так охотно, что не чувствовал надобности принуждать себя; напротив, меня до чрезвычайности занимало это поручение, ибо я не успел еще отвыкнуть от сидячей жизни, к которой приучила меня прежняя служба. Грудь моя начинала опять болеть — я не заботился о том; генерал же, ожидая спуска к водам, спешил для того, чтобы прежде отъезда видеть начало своего предприятия. Невозможное становится возможным для начальника, одаренного способностью владеть волею подчиненных своих. Я сам не воображал, что, не имея никаких книг для руководства, прежде нескольких месяцев успею обдумать план, расположить порядок и составить подробнейшую программу, которая бы могла быть утверждена его превосходительством; вместо того, недели в две все было готово и вопросы розданы по принадлежности. Я терпеть не могу переписывать набело, а тут не тяготило меня и это; несколько экземпляров программы и листов до 50-ти моих записок, которые генерал хотел иметь у себя, послели в начале февраля, и я, сделавшись свободнее, ожидал сведений от разных лиц, — в особенности от архиепископа Нерсеса, обширные познания которого во всем, относящемся к этому краю, могли ручаться за верность наших описаний. Отъезжая в Тифлис, генерал взял меня с собою, дабы дать мне способ воспользоваться замечаниями и наставлениями армянского ученого Чирбета, бывшего профессором в Париже и известного своими сочинениями о Востоке. Отъезд его превосходительства в Россию прекратил наши занятия, и я отправился к полку, прибывшему уже из Эривани к турецкой границе...» («Кавказский сборник», т. I, 1876, стр. 124—126). К стр. 188.

6. Неопубликованные записки Лачинова хранятся в Музее Грузинской ССР (см. ф. рукописей, д. 372). Несколько страниц рукописи повреждены. Записки кем-то отредактированы.

По всей вероятности, рукопись подготовили к изданию, но по каким-то причинам это не было сделано. К стр. 190.

7. О городе Тифлисе Лачинов писал: «Подъезжая к Тифлису, заметна деятельность, показывающая близость большого города. Везде приятно видеть картину жизни... Более девяти лет не был я в Тифлисе и нашел множество перемен; улица больших зданий, хорошей архитектуры выстроена там, где прежде стоял только дом главнокомандующего, большой, но не красивый, и по площади были разбросаны несколько землянок... На базаре можно найти предметы утонченной роскоши Запада и великолепия восточного, и там же, в лавках, работают хлебники, харчевники, слесари, кузнецы, портные, сапожники и всякие мастеровые. Словом, везде царствует смешение следов образованности с признаками невежества, и смешение это придает какую-то оригинальность и которую, по моему мнению, нельзя назвать совершенно неуместною». К стр. 190.

8. В связи с делом Лачинова декабристы Барятинский, Черказов и некоторые другие показали, что Лачинов был членом Южного Общества. 13 июня 1826 года Черказов показал: «При приеме моем поручика Лачинова в Общество (т. е. Южное Общество — М. Н.) объявил я ему целью одного — введения в Россию хороших законов и представительного правления. О средствах к достижению сего не мог я удовлетворить его любопытство, ибо сам не знал, какими именно действиями хотят достигнуть сей цели» (ЦГИА СССР, ф. 48, оп. 1, д. 147, л. 8). Лачинов отрицал это. Необходимо отметить, что мужественный полковник Пестель, чтобы сберечь молодого Лачинова, 14 июня 1826 года на соответствующий вопрос ответил: «С кем из тайного общества находился поручик Лачинов в сношениях и какое принимал участие в делах общества — я не могу иметь честь донести, потому что до сих пор не знал о принятии Лачинова в общество и принадлежности его к оному» (там же, л. 9). Царским следателям не удалось доказать, что Лачинов был членом Южного Общества». К стр. 190.

9. В записках Лачинова и в дневнике генерала Красовского («Кавказский сборник», т. 22) имеется ряд идентичных страниц. Так, у Лачинова в одном месте сказано: «Вер-

стах в 40, на другом берегу Аракса, возвышается Арарат, по-армянски Масис, а по-татарски Агри-даг именуемый. С сей стороны он кажется отдельным от других отраслей гор. На общей высоте, идущей к хребту Абаль, или Алла-даг (Божья гора), воздвигаются две особые возвышенности, в некотором одна от другой расстоянии, имеющие сходства с сахарной головой; одна из них гораздо больше другой и называется Большим, а меньшая Малым Араратом. Большой Арарат ближе к монастырю, и от оконечности главной высоты простирается к нему обширная и отлогая покатость в виде площади. Вершина оного убелена всегдашним снегом».

Совершенно то же самое говорится у Красовского. Очевидно, это объясняется тем, что некоторые письма и бумаги для генерала Красовского составлял Лачинов. К стр. 199.

10. Н. К. Пиксанов еще в 1917 году, в предисловии к Полному собранию сочинений А. С. Грибоедова (Петроград, 1917), писал: «В отдел прозы не включены тексты, ошибочно приписанные Грибоедову и печатавшиеся под его именем, как-то: «Путешествие по Эриванской области», «Письмо из Карса», «Письмо о взятии Баязета». Первая статья написана Е. Е. Лачиновым, что удостоверяется рукописью архива Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа; две же последние не могут принадлежать Грибоедову, так как он при штурме Карса не присутствовал, а в Баязете никогда не бывал».

Несмотря на эти правильные замечания, ошибка, допущенная И. А. Шляпкиным в 1889 году, была повторена некоторыми современными исследователями. В настоящее время, когда мы имеем возможность сравнить вышеуказанные статьи и письма с записками Лачинова, не может быть никакого сомнения в том, что действительно «Путешествие по Эриванской области» принадлежит декабристу Е. Е. Лачинову. Нужно добавить, что имеет основание предполагать, что и «Письма из Карса» принадлежат Лачинову. К стр. 203.

11. Греческим национально-освободительным движением, направленным против турецкого деспотизма, очень воодушевлен был, в частности, К. Ф. Рылеев. Этому движению он посвятил ряд стихотворений. В одном из них поэт-декабрист

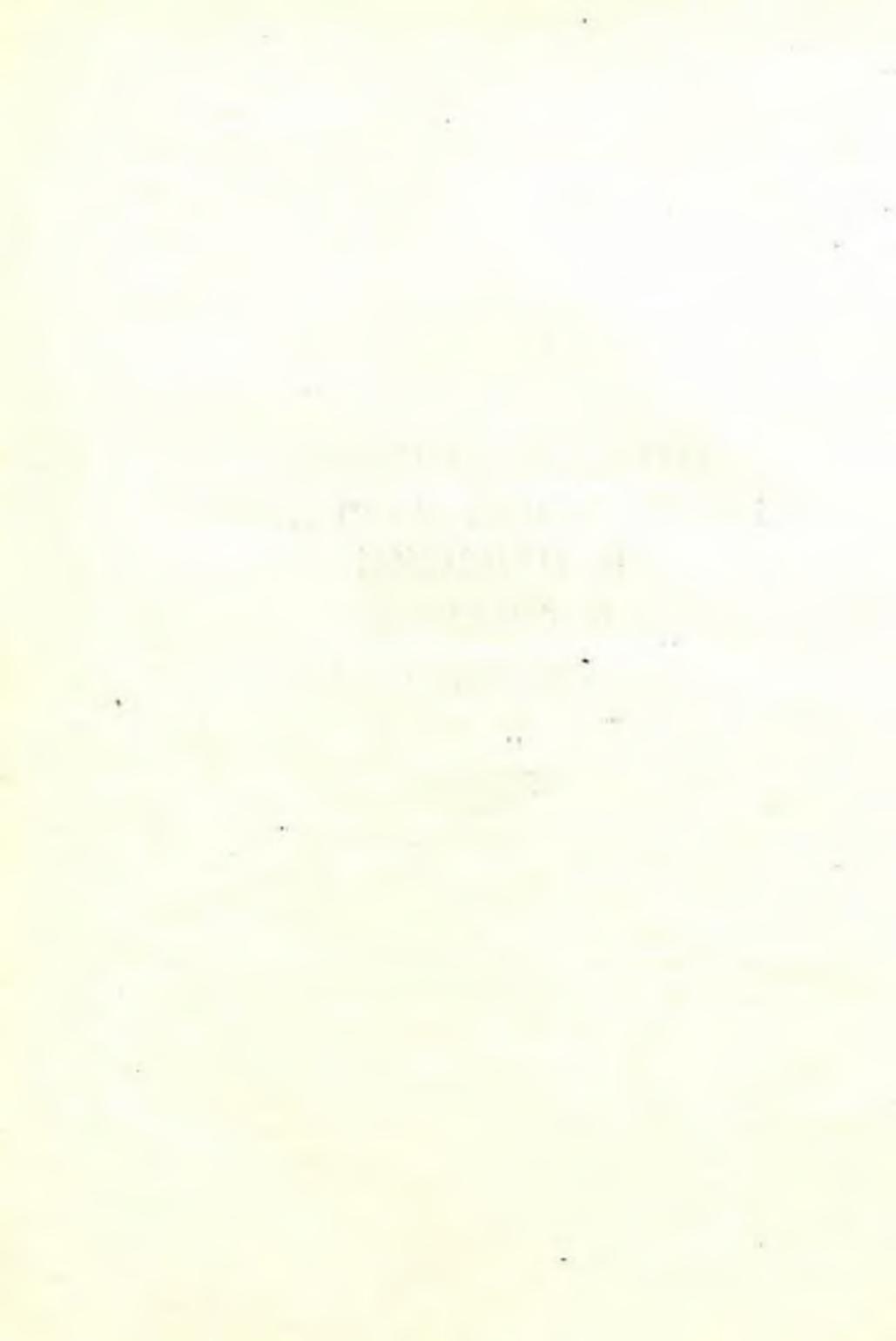
обращался к генералу А. П. Ермолову со следующими словами: «Ермолов! Поспешн спасать сынов Эллады» (К. Рылеев, Полное собрание стихотворений, Ленинград, 1934, стр. 87).

Свои симпатии к восставшему греческому народу поэт выразил также в стихотворении «На смерть Байрона» (там же, стр. 98), написанном в 1824 году. К стр. 211.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ
ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ
К РОССИИ
В ОЦЕНКЕ
СОВРЕМЕННИКОВ

I.

В начале XIX столетия в многовековой истории народов Закавказья открылась новая страница. В исторических судьбах грузинского, азербайджанского и армянского народов совершился поворот огромного исторического значения.

В 1801 году Грузия была присоединена к России. В результате первой русско-персидской войны, окончившейся Гюлистанским мирным договором 1813 года, к России была присоединена большая часть Азербайджана. В этот же период (в 1801—1813 годы) в состав Российской империи были включены также некоторые районы Армении — Лори-Памбак, Ширак, часть Зангезура и др.¹

В 1826 году началась вторая русско-персидская война. При подстрекательстве и поддержке английского правительства персидские войска, нарушив условия Гюлистанского договора, внезапно напали на русскую Кавказскую армию. Предприняв эту авантюру, иранские ханы стремились к тому, чтобы восстановить и укрепить свое господство над народами Закавказья.

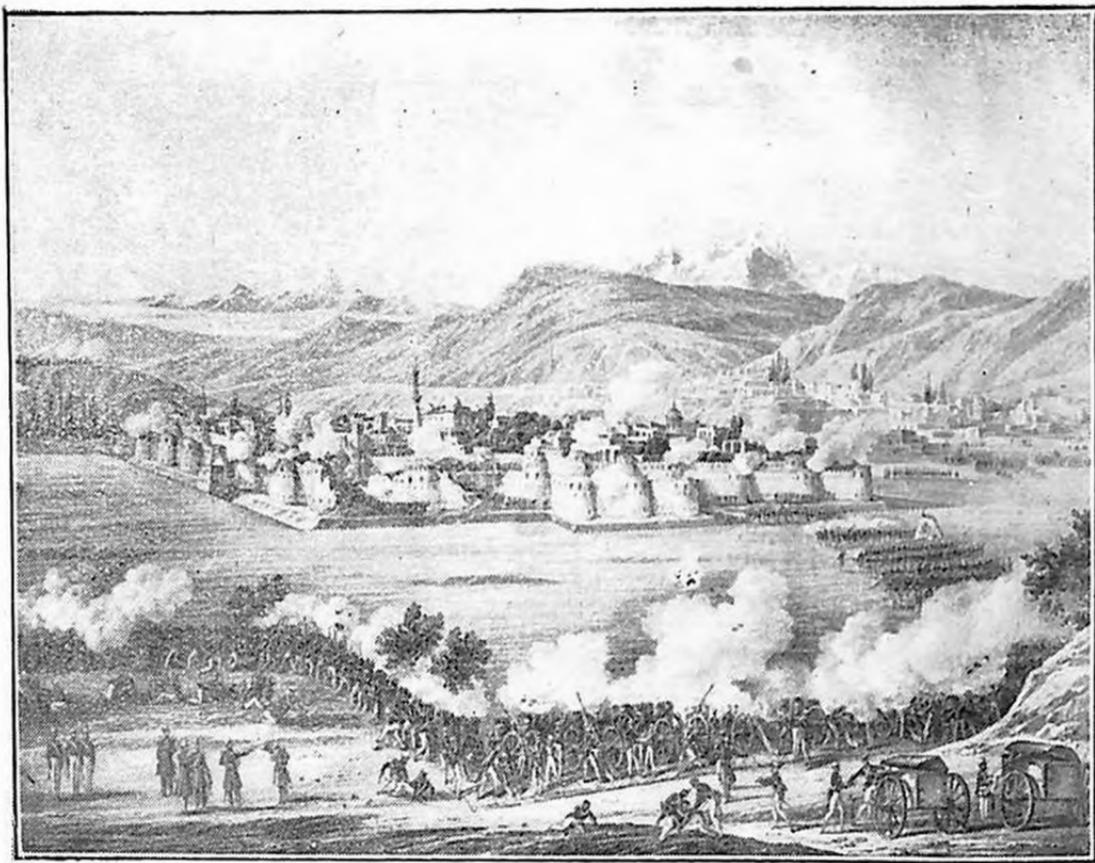
Малочисленные русские войска вначале были вынуждены отступить. Но, получив подкрепления, они перешли в контрнаступление и вскоре отбросили врага. Осенью 1826 года полностью были очищены от него Гянджа (Елизаветополь), Карабах, Лори-

Памбак и еще некоторые другие районы Азербайджана и Армении. Военные действия продолжались и в 1827 году. В течение этого года русские войска нанесли ряд тяжелых ударов персидским захватчикам. В июне 1827 года русские отряды вступили в Нахичевань, в июле заняли крепость Аббасабад, в сентябре — Сардарабад. После ожесточенной бомбардировки 1 октября 1827 года русские войска вступили в Эривань².

В военных действиях, развернувшихся за город и крепость Эривань, принимали активное участие многие сосланные на Кавказ декабристы, в числе которых М. Пущин, П. Коновницын, И. Шипов, В. Вальховский, А. Гангеллов, Е. Лачинов, Н. Семичев и другие. Очищение Лори-Памбака от персидских захватчиков в 1826 году было осуществлено отрядом, действовавшим под командованием прославленного партизана Отечественной войны 1812 года известного поэта Дениса Давыдова³. В боевых отрядах русских войск, действовавших в Армении, находился и великий русский писатель А. С. Грибоедов.

Русским войскам всячески содействовали народы Закавказья и, в частности, многочисленные добровольческие отряды, в состав которых входили армянские, грузинские и азербайджанские патриоты. Находясь в рядах русских войск и вдохновляясь идеей освобождения своей родины от ига персидских захватчиков, добровольцы самоотверженно боролись против неприятеля⁴.

Решительные победы русских войск в конце концов вынудили иранского шаха прекратить войну и согласиться на мир. 10-го февраля 1828 года был

Взятие Эривани русскими войсками. С картины В. Мошкова

заключен известный Туркменчайский договор. Эриванское и Нахичеванское ханства были включены в состав Российской империи, завершилось присоединение Восточной Армении и Азербайджана к России.

Русская Кавказская армия, как составная часть царской армии, разумеется, преследовала цель разрешить задачи внешней политики царского правительства. Она призвана была осуществить захватнические планы царизма. Однако следует заметить, что в период 1826—1829 годов русские войска, действовавшие в Закавказье, объективно выполняли и освободительную миссию, так как их победа одновременно означала освобождение многострадальных народов Закавказья от жестокого ига персидских ханов и турецких пашей. Не случайно, что закавказские народы с большой радостью и искренней благодарностью встречали русские войска. Великий армянский просветитель-демократ Хачатур Абовян в своем историко-патриотическом романе «Раны Армении» пишет:

«Солдаты стали входить в крепость, а в тысяче мест, в тысяче окон люди не в силах были рот открыть,— так душили их слезы. Но у кого было в груди сердце, тот ясно видел, что эти руки, эти застывшие, окаменевшие, устремленные на небо глаза говорят без слов, что и разрушение ада не имело бы для грешников той цены, как взятие Эриванской крепости для армян...

С тех пор, как Армения потеряла свою славу, с тех пор, как армяне вместо меча подставляли врагу свою голову, не видели они такого дня, не испытывали подобной радости»*.

* Х. А б о в я н, Раны Армении, Ереван, 1955, стр. 303.
15 М. Нерсисян

О большой радости армянского народа в дни вступления русских войск в Восточную Армению весьма ясно и недвусмысленно говорится и во многих исторических документах⁵.

II.

Присоединение Армении к России, разумеется, не означало освобождения армянского народа от социального и национального гнета. Царское самодержавие, как государственная власть помещиков и дворян, поработало и угнетало как русский, так и другие народы империи. На протяжении многих десятилетий трудящиеся массы Армении подвергались, помимо жесточайшей эксплуатации, и тяжелому национальному гнету. Царские сатрапы и чиновники угнетали национальные меньшинства, всячески препятствовали развитию их культуры и экономики. Однако, несмотря на все это, исторический акт присоединения Армении к России имел огромное прогрессивное значение и в конкретных исторических условиях был единственным и наилучшим исходом. В результате этого знаменательного акта армянский народ вступил на новый путь экономического, культурного и политического развития. В исторических судьбах армянского народа открылась реальная перспектива подлинного освобождения, освобождения от социального и национального гнета при помощи русского революционного пролетариата.

Присоединение Восточной Армении к России прежде всего означало, что значительная часть армянского народа была спасена от опасности физиче-

ского уничтожения ирано-турецкими захватчиками. Кровавая ассимиляторская политика султанов и шахов, с одной стороны, и непрекращающиеся набеги, грабежи, избиения, самые дикие формы внеэкономического принуждения, с другой — создавали большую угрозу для национального существования армянского народа. С присоединением Армении к России эта опасность была ликвидирована. Войдя в состав мощной Российской империи, Армения избавилась от постоянных кровавых нашествий, набегов и разбоя различных орд. Благодаря этому в Восточной Армении образовалось компактное армянское население. В Восточную Армению стекались армяне, рассеянные по всему свету. Только в конце 20-х годов XIX века в Восточную Армению переселились из Ирана свыше 40 000, а из Турции 90 000 человек*.

Характерно, что уже в 40-х годах XIX столетия в Восточной Армении число армянского населения, по сравнению с числом населения начала XIX века, удвоилось. Таким образом, если в период персидского и турецкого господства армянское население постоянно уменьшалось, то после присоединения, в составе русского государства, оно быстро росло⁶.

Присоединение Армении к России имело большое прогрессивное значение также в отношении экономического развития страны. При господстве персидских ханов экономика Армении переживала за-

* С. Г л и н к а, Описание переселения армян адербиджанских в пределы России, Москва, 1831; С. F. N e i m a n n, Geschichte der Übersiedlung von vierzig tausend Armeniern welche im Jahr 1828 aus der Pers'schen Provinz Aderbaidtschan, nach Russland auswanderten, Leipzig, 1834; АКАК, т. VII, стр. 845—851.

стой и деградацию. Безудержная эксплуатация, дикое ограбление трудовых масс — производителей материальных благ, — постоянные межфеодалыные опустошительные войны и набеги разоряли и без того чрезвычайно отсталую в экономическом отношении страну.

Присоединение Армении к России, где уже со второй половины XVIII века складывалось и развивалось капиталистическое производство, создавало определенные предпосылки и возможности для экономического развития Армении и всего Закавказья. Вопреки колониальной политике царизма, уже во второй половине XIX столетия в экономической жизни Армении, как и всего Закавказья, произошел значительный сдвиг.

В своей знаменитой работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин отмечал то обстоятельство, что в пореформенную эпоху Кавказ был втянут в мировое товарное обращение, что в этот период на Кавказе развились товаро-денежные отношения, усилился процесс разложения натурального хозяйства, начал формироваться промышленный капитализм. «Русский капитализм, — писал Ленин, — втягивал Кавказ... в мировое товарное обращение, пивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости...»*.

Развитию капитализма в Армении способствовала аграрно-крестьянская реформа, проведенная здесь в 1870 году. В развитии экономической жизни страны значительную роль сыграло дорожное строитель-

---

* В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 521.

ство. В 1860—1870 годах были построены и улучшены шоссейные дороги Тифлис — Караклис — Эривань, Эривань — Джульфа — Караклис — Александрополь, Александрополь — Кохп, Нахичевань — Горис. В 1883 году было закончено строительство железнодорожной линии Баку — Батум, а в 1899 году Тифлис — Александрополь — Карс.

Первые предприятия капиталистического производства в Закавказье были основаны в 60-х годах. Во второй половине XIX века в Армении были созданы известные центры меднорудной и медеплавильной промышленности в Алаверди и Зангезуре. В конце столетия были основаны промышленные предприятия по обработке хлопка, кожи, по производству вина, коньяка, шелка. Одновременно значительно расширилась внутренняя и внешняя торговля. Если в 60-х годах годовой товарооборот в Закавказье в среднем составлял 11 миллионов руб., то в 80-х годах от составлял 39 миллионов руб.*

Некоторое представление о развитии капитализма могут дать и цифры о росте городского населения. В 1865 году в Баку насчитывалось 14 тысяч жителей, а в 1897 году — 112 тысяч. В Тифлисе в 1875 году насчитывалось 67 тысяч жителей, а в 1897 году — 160 тысяч. В Эривани в 1865 году было 14 тысяч жителей, а в 1897 году — 29 тысяч. В Александрополе в 1865 году насчитывалось 16 тысяч жителей, а в 1897 году — 32 тысячи.

Конечно, нельзя переоценивать значение капи-

---

* Краткий очерк экономического положения Кавказа по новейшим официальным и другим отчетам, Тифлис, 1888, стр. 12.

талистической промышленности Закавказья в экономической жизни страны. Известно, что промышленность, если не считать промышленности Баку, развивалась весьма медленно. Еще в начале XX века Закавказье продолжало оставаться отсталой аграрной страной. Однако бесспорным является тот факт, что после присоединения Закавказья к России экономическая жизнь Армении вышла из застоя и деградации и пережила прогресс, который был бы совершенно невозможен под иранским и турецким владычеством. Таким образом, Россия сыграла большую прогрессивную роль в экономическом развитии как Армении, так и многих других восточных стран. В 1851 году Ф. Энгельс в одном из своих писем к Марксу писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»*.

Присоединение Армении к России имело большое значение для развития армянской культуры, литературы и искусства, для возникновения и формирования армянской революционной демократической общественной мысли.

Русская передовая литература в значительной степени способствовала формированию новой армянской литературы. Такие писатели, как Хачатур Абовян, Габриел Сундукян, Иоаннес Иоаннисиан, Ованес Туманян и другие, многому учились у великих русских писателей. Отмечая огромное благотворное влияние русской литературы на развитие армянской литературы, великий поэт-демократ Ованес Туманян писал: «С любовью и почтением преклоняюсь перед

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, стр. 211.

великолепной литературой великой русокой нации, перед литературой Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Чехова, Толстого и их достойных преемников, литературой, на которой учились очень многие из наших писателей и интеллигентов»*.

«Влияние русской литературы на армянскую (на литературу русских армян, конечно),— писал поэт А. Цатурян,— по-моему, велико, и трудно указать из наших писателей такого, который так или иначе не подпал бы под это влияние»**.

Чтобы ясно и наглядно представить огромное прогрессивное значение присоединения Армении к России, нужно вспомнить трагическую судьбу Западной Армении. В то время, как Восточная Армения, войдя в состав русского государства, стала на путь экономического, культурного и политического развития, Западная Армения, находясь под игом турецкого деспотизма, не только не шла по пути развития, но и была совершенно опустошена и разорена. Известно, что турецкие палачи организовали массовое уничтожение армянского населения Западной Армении и Турции.

Характерно, что на протяжении всего XIX века, как и в последующее время, народные массы Западной Армении постоянно стремились к тому, чтобы эмигрировать из Турции и принять русское поддан-

---

* Հոգի հանն կա թոււ ժամ յան, Երկերի ժողովածու, հ. IV, Երևան, 1951, էջ 332 (Ов. Туманян, Собрание сочинений, т. IV, Ереван, 1951, стр. 332).

** Юрий Веселовский, Русское влияние в современной армянской литературе, Москва, 1969, стр. 28.

ство. Так, например, в сентябре 1806 года генералу русской Кавказской армии Несветаеву было доложено о том, что около 10 тысяч армянских жителей Старого Баязета желают перейти на русскую территорию*. В 1822 году армянские трудовые массы Карса, Эрзерума и Баязета прислали заявление на имя генерала Ермолова с такой же просьбой⁷. Об этих желаниях и настроениях западных армян говорили даже покровители султанского деспотизма — представители английского правительства. Так, англичанин И. Армстронг, посетивший Турцию во время русско-турецкой войны 1828 — 1829 годов, писал, что «армяне страстно желают приближения русских и представляют их как своих спасителей»**.

Народные массы как Восточной, так и Западной Армении чувствовали большое значение присоединения Армении к России, чувствовали ту огромную разницу, которая существовала в социально-политических условиях между Восточной и Западной Арменией. Не случайно, что армянский народ имел русскую ориентацию.

Как оценено присоединение Восточной Армении к России современниками этого исторического акта? Каково было отношение военных, политических деятелей, писателей и других выдающихся людей того

* *Մ. Գ. Ներսիսյան, Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը թուրքական բռնապետության դեմ 1850—1870 թթ., Երևան, 1955, էջ 352* (М. Г. Нерсисян, Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма 1850—1870 гг., Ереван, 1955, стр. 352).

** I. B. Armstrong, *Journal of travels in the seat of war during the last two campaigns of Russia and Turkey*, London, 1831, p. 121.

времени к этому крупному событию, игравшему огромную роль в исторических судьбах армянского народа?

В русско-персидской войне 1826—1828 годов принимали участие, как уже было сказано, многие декабристы. В своих записках, письмах и воспоминаниях они подчеркивали, что вступление русских войск в Армению вызвало большую радость армян, всячески стремящихся жить в составе русского государства. Они говорили о том, что присоединение Армении к России несомненно будет содействовать экономическому и культурному развитию страны, что этот акт будет иметь огромное прогрессивное значение для армянского народа. Эту мысль с наибольшей полнотой высказал, в частности, декабрист Е. Е. Лачинов. В его записках, составленных в 1827 году, в период, когда еще продолжалась русско-персидская война, мы читаем: «Настало для них (т. е. для армян — М. Н.) время возрождения, и, может быть, после нескольких веков смутного сна, вновь воссияет для Армении цветущий век наук, искусств, художеств, древнейшие памятники коих, во множестве рассеянные по Эриванской области, доселе изумляют наблюдателя»*.

Лачинов неоднократно замечает, что армяне имеют основания связывать с Россией большие надежды и встречать русские войска с радостным чувством. Подобные мысли мы встречаем также у декабристов А. Гангелова, А. Бестужева-Марлинского и у некоторых других.

---

* Музей Грузинской ССР, отдел рукописей, д. 372, л. 172.

Много интересного мы находим также у великого русского писателя А. С. Грибоедова. Письма, статьи, проекты и другие бумаги Грибоедова показывают, что он тоже был убежден в том, что присоединение Закавказья к России создало необходимые предпосылки для экономического и культурного развития страны. Такими предпосылками были, например, наличие русского капитала, ликвидация «беспрепятственных хищничеств и нападений», желание русского правительства открыть «новые пути промышленности и торговли и облегчить частным лицам средства пользоваться теми выгодами, кои представляет им сама природа» и т. д. Однако Грибоедов не только констатировал факты, но и делал практические шаги, имевшие цель разработать ряд мероприятий, обеспечивающий развитие торговли, промышленности и сельского хозяйства Закавказья.

Известно, что Грибоедов вместе с П. Д. Завилейским составил «Записку об учреждении Российской Закавказской компании». В этом весьма интересном документе проводится мысль, что после присоединения к России Закавказье может преодолеть вековую отсталость и стать развитой страной. Во вступительной части этой записки* ставится, например, такой вопрос: «Природные средства края могут ли поставить его на почтенную степень образованности и благосостояния и чрез сие самое принести пользу всему государству?».

* Вступительная часть записки имеет следующее заглавие: «Общий взгляд на обширные виды, которые могут постепенно и по естественному ходу дел войти в круг действий учреждаемой в Тифлисе „Закавказской торговой компании“ („Тифлисские ведомости“, 1831, № 18).

А. С. Грибоедов

Авторы проекта на этот вопрос отвечали так: «На сие можно отвечать утвердительно. Естественные произведения Закавказского края столь разнообразны и столь богаты, что остается только выбрать те, обрабатывание коих будет полезнее.

Главнейшие из них составляют: виноград, шелк, хлопчатая бумага, марена, кашениль и другие красивые, также лекарственные растения и табак; причем разведение сахарного тростника, в древности здесь бывшего известным, маслинные деревья и, наконец, кашемирская шерсть могут составить также важнейшие отрасли промышленности. Одним словом, все произведения жарких климатов с величайшим успехом могут быть присвоены сему краю».

В Армянской области, говорилось далее, имеется огромное количество хлопчатой бумаги, которая «по выписании машин, немедленно может быть спрядена и поступить в продажу».

Грибоедов считал необходимым учредить «компанию земледельческую, мануфактурную и торговую», основывать учебные, медицинские, мануфактурные заведения, упорядочить дороги и т. д. Он надеялся, что Закавказье со временем станет «образованным и просвещенным» краем, у которого могут взять пример соседние страны.

Следует отметить, что о прогрессивном значении присоединения Грузии к России Грибоедов говорил еще в 1819 году.

В газете «Русский инвалид» 6 декабря 1818 года (№ 284) были напечатаны полученные из Константинополя известия о том, что якобы по подстрекательству одного богатого татарского хана в Грузии произошли беспорядки и возмущения. Грибоедов

21 января 1819 г. послал из Тифлиса в Петербург издателю «Сына отечества» специальное письмо, в котором опровергал газету «Русский инвалид» и отмечал те положительные перемены, которые произошли в Грузии после 1801 года. О положении в Грузии после ее присоединения к России Грибоедов писал:

«Вместо прежнего самоуправства, ныне каждый по своей тяжбе идет покорно в дом суда и расправы и русские гражданские чиновники, оберегатели частных прав, каждого удовлетворят сообразно с правосудием. На крытых улицах базара промышленность скрывает множество людей, одних для продажи, других для покупок; иные брадатые политики, окутанные бурками, в меховых шапках, под вечер сообщают друг другу рабавини (новости) о том, например, как недавно здешние войска в горах туда проложили себе путь, куда, конечно, из наших никто прежде не заходил. На плоских здешних кровлях красавицы выставляют перед прохожими свои на румянные лица, которые без того были бы гораздо красивее, и лениво греются на солнышке, нисколько не подозревая, что отцы их и мужья буитуют в Инвалиде. В караван-сарай приводятся предметы трудолюбия, плоды роскоши, получаемые через Черное море, с которым ныне ближайшее открыто сообщение сквозь Имеретию. В окрестностях города (т. е. Тифлиса — М. Н.) виртембергские переселенцы бестревожно обстраиваются; зажиточные исчисляють сколько веков, годов и месяцев составят время, времена и полвремени... Вечером в порядочных домах танцуют, на саклях (террасах) звучат бубны и за-

ывають песни, очень приятные для поющих. Между тем город приметно украшается новыми зданиями»*.

Разумеется, нельзя согласиться со всем, что сказано в письме. Но главная мысль Грибоедова о том, что в Грузии, в сравнении с прошлым, произошли положительные, прогрессивные перемены, неоспорима. Рассуждения Грибоедова о прогрессивном значении присоединения Грузии к России можно полностью отнести и к Армении.

Примечательно, что Грибоедов признавал прогрессивную роль России как в отношении Закавказья, так и Востока вообще. Прав И. Ениколопов, когда утверждает, что «Грибоедов видел прогрессивную роль России по отношению к народам не только России, но и стран Востока»**.

Из выдающихся армянских деятелей, являющихся современниками присоединения Армении к России, нужно упомянуть, прежде всего, поэта Арутюна Аламдаряна и писателя Месропа Тагיאдяна.

Аламдарян (1796—1834) был горячим поборником русской ориентации. Он прекрасно знал русский язык и культуру русского народа. В 1821 году он издал краткий русско-армянский словарь и на протяжении многих лет преподавал в Лазаревском институте в Москве и в школе Нерсисяна в Тифлисе. Поэт был убежден в том, что присоединение Армении к России является важным прогрессивным актом для

---

* Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова под ред. И. А. Шляпкина, т. 1, стр. 26.

** И. Ениколопов, Грибоедов и Восток, Ереван, 1954, стр. 197.

армянского народа. Исходя из этого, Аламдарян принимал активное участие в русско-персидской войне 1826—1828 годов. Вместе с архиепископом Нерсесом Аштаракеци, являющимся тоже горячим сторонником русской ориентации, он приложил много усилий к делу организации армянских добровольческих отрядов и написал ряд воззваний, в которых объяснял большое значение присоединения Армении к России, призывал армянский народ восстать против ига персидских ханов и всячески помогать русским войскам. Аламдарян связывал с Россией большие надежды.

Месроп Тагиадян (1803—1858) в годы русско-персидской войны 1826—1828 годов находился в Индии, в городе Калькутте. Весть о взятии Эривани русскими войсками глубоко тронула и весьма обрадовала его. В ноябре 1828 года Тагиадян послал специальное письмо в Эривань к своим соотечественникам, в котором поздравлял их со счастливыми событиями и высоко оценивал акт присоединения Армении к России. Тагиадян, обращаясь к эриванцам, писал: «Поздравляю вас, что наша сладостная страна освободилась от тяжелого персидского ига... мои дорогие сограждане, такого счастья, которое выпало на вашу долю, не переживали наши предки даже во времена царствования Аршакидов»*.

Тагиадян отмечал то обстоятельство, что Армению, после ее присоединения к России, ожидает большая будущность, что открываются широкие возмож-

* Հ. Ք. Մկրտչյան, *Կենսագրություններ և Կերպարանքներ Մեսրոպ Գաղթյան Թաղթյանի, Թիֆլիս, 1886, էջ 133* (О. Мкртчян, Биография М. Д. Тагиадяна, Тифлис, 1886, стр. 133).

Арутюн' Алмдарян.

ности для развития культуры, экономики, производительных сил страны. В упомянутом письме он, обращаясь к эриванцам, говорил: скоро известия о «вашем патриотизме, мудрости, об успехах ваших промыслов облетят весь мир»*.

Современником русско-персидской войны 1826—1828 годов был и Хачатур Абовян. В литературном наследии великого армянского писателя и, в частности, в его бессмертной книге «Раны Армении» мы находим ряд высказываний о значении присоединения Восточной Армении к России.

День 1 октября 1827 года, когда русские войска заняли Эривань, Абовян считал достопамятным, историческим днем «освобождения Армянской страны» и армянского народа от многовекового рабства и неволи. Благодаря присоединению Армении к России армянский народ вступил в новый, многообещающий период своей жизни. Русские, писал Абовян, «принесли с собою новую жизнь», они «восстановили Армению» и дали ее народу «новый дух»**.

В результате присоединения Армении к России, говорил Абовян, армяне получили возможность заниматься мирным, созидательным трудом. Раньше только разрушали, «теперь мы увидели созидание и мир». Великий просветитель с большой радостью констатировал тот факт, что после освобождения Восточной Армении из-под ига персидских ханов «пустынные, безлюдные поля Армении заселились людь-

* Հ. Ք. Մ հ ր յ ա ն, Կենսագրութեան Մեծարար Գաղթյան ճանապարհանի (О. Мкрян, Биография М. Д. Тагладяна), էջ 133:

** Х а ч а т у р А б о в я н, Раны Армении, стр. 303—310.

ми, пользующимися ныне попечением русского народа, восстанавливающими вновь свою священную страну»*.

Абовян был глубоко убежден в том, что возрождение Армении, развитие ее экономики и культуры произойдет при помощи России. Воодушевленный происходившими событиями, он думал, что 1827 год поставил конец мучениям и страданиям армянского народа. «Тоскующий взор армянина не увидит более слез, но увидит свою родину, на лоне ее возрастет армянское племя, насладится ее любовью»**. Армяне больше не являются беспомощными и сиротами. Могучая рука России поддерживает их. Обращаясь к иноземному угнетателю, великий патриот писал:

«Бесстыжий, крови армян не пей,—
Садовник есть у страны моей...»***

Абовян предвидел, что благодаря присоединению Армении к России будет расти тесная, братская дружба между русским и армянским народами, дружба, которая и подымет на ноги Армению. В романе «Раны Армении», многие страницы которого написаны с поэтическим вдохновением и оригинальными приемами художественного слова, река Зангу, обращаясь к армянам, говорит: «С Волгою, старшей сестрой своей, я и сестра моя Ерасх сольемся в поцелуе среди волн Каспия, омешаем в лоне единой матери: она — свою доброту, я — свое непокорство.

---

* Х а ч а т у р А б о в я н, Раны Армении, стр. 304.

** Там же.

*** Там же, стр. 306.

Хачатур Абовян.

Возлюбленной сестре моей Волге отнесу я и передам благопожелания моего родного Севана...»*.

Абовян в основном правильно осмыслил значение исторических событий 1827—1828 годов. Он с большой прозорливостью предвидел то благотворное влияние, которое оказало впоследствии на судьбы Армении ее присоединение к России.

Присоединение Восточной Армении к России было радостно воспринято и высоко оценено в многочисленных армянских колониях Азии и Европы. В этом отношении особенно выделялись армяне, проживавшие в Индии. В апреле 1828 года Нерсес Аштаракецци отправил индийским армянам письмо, в котором сообщил о военных действиях в Армении в 1827 году, о занятии русскими войсками Сардарабада, Эривани, о заключении Туркменчайского мирного договора и т. д.** Аштаракецци получил много ответных писем. Так, 28 ноября 1828 года 44 армянина из города Мадраса послали Нерсесу Аштаракецци письмо, в котором говорили, что весть о присоединении Армении к России вызвала большую радость и ликование среди армянского населения Индии, что армянский народ, наконец, освободился от рабства и жестокого ига***. 30 ноября другая группа армян из Мадраса отправила в Эчмиадзин письмо такого же содержания****. В одном письме, от 28 октября 1829 года, отправленном из Индии в Армению на имя Нерсеса Аштаракецци, было сказано: «Ар-

* Х а ч а т у р А б о в я н, Раны Армении, стр. 306.

** Матенадаран, ф. архив кэтоликосата, папка 58, док. 132.

*** Там же, папка 257, док. 55.

**** Там же, папка 56, док. 303.

мянский народ, обитающий в разных городах Индии, совершенно восхищен, что древняя отчизна их — Араратская страна с вековым первопрестольным Эчмиадзинским монастырем находится в пределах России...»*.

В другом письме из Мадраса, в том же 1829 году, говорилось: «...разными путями и чрез архиепископа Персеса получены, наконец, после продолжительного ожидания, благоприятные известия о присоединении древней Армении к России и о том, что армянской нации оказывается высочайшее покровительство. Мадрасские армяне, принимая живейшее участие в соотчичах своих, из Персии в Армянскую область переселившихся, восхищены этим событием. Некоторые из них обещают сделать пожертвование в пользу армянских училищ и библиотек, существующих в пределах России, другие желают сами переселиться на жительство в Россию. Большие торговые дома решительно помышляют об устройстве и окончании своих дел в Индии, дабы прийти в возможность и удалиться оттуда, и потом водвориться в своей отчизне. Хотя агенты Великобритании и рассеивают разные слухи, дабы поколебать армян в их намерениях и дабы более привлечь их в свои пространная индийския владения, но средства сии могут только смущать временно, ибо будущее прочное благо-

---

* Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. I, стр. 301. В марте 1829 года из Калькутты писали: «Событие сие (присоединение Армении к России—М. Н.) празднуемо всеми сословиями с живейшею радостью» (там же, ч. II, стр. 225).

Handwritten text in Armenian script, likely a letter or document. The text is written in a cursive style and is arranged in several lines. The document is framed by a dark border.

Гисьмо мадрасских армян Нерсесу Аштаракци с поздравлением по поводу присоединения Армении к России.

устройство Армянской области привлечет армян к водворению в ней»*.

В письмах индийских армян говорилось и о значении происходивших событий. Особенно подчеркивалось то обстоятельство, что благодаря присоединению Армении к России армяне освободились от своего рабского положения, в стране установились спокойствие и законность. В своем пространном письме от 8 февраля 1829 года калькуттские армяне писали архиепископу Нерсесу: «После многих облаков гражданских злополучий непостижимая благодать провидения благоволила озарить отечество наше лучами небесного спокойствия... Армяне! после многолетнего зимнего заточения прилетела к вам свобода... Проснись, Хоренацц, отец наш, проснись и зри чудесную перемену твоего края, которого лишение свободы и спокойствия ты прежде оплакивал!»**.

Далее в письме говорилось, что в прошлом даже во времена Аршакидов армянский народ беспрестанно подвергался «внутренним смятениям и внешним притеснениям». Предки наши, «будучи подвергаемы внутренним смятениям и набегам врагов..., меняли дома свои на пещеры. Горе прежним временам... Ныне же армяне не только свободно живут в собственном отечестве своем, но и под миро-дарующим знаменем России пользуются полным спокойствием, вместе с видными гражданскими почестиями. Тогда воля и оружие часто заменяли законы, ныне деяния

---

* Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. III, стр. 332.

** АКАК, т. VII, стр. 266.

Handwritten document in Persian script, dated 1828. The text is arranged in two columns. The right column contains the main body of the letter, while the left column contains names and titles of the signatories. The document is signed by several military figures from the Madras Army, including the names of various officers and their ranks. The handwriting is in a cursive style typical of the period.

Подписи мадрасских армян под письмом к Нерсесу Аштаракещи.

и права суть единственные представители общих поступков»*.

. Авторы письма отмечали, что русское государство обеспечивает нормальное развитие экономики и культуры страны, и поэтому Армении ожидает большая будущность. В общем они присоединение Армении к России оценивали как возрождение родины»⁶.

Примерно в этом же духе высказывался и ряд других современников русско-персидской войны 1826—1828 годов. В архиве Эчмиадзинского католикосата хранится немало писем, авторы которых восторженно поздравляли армянского католикоса с важным событием присоединения Восточной Армении к России.

В оценке этого события, разумеется, не было единого подхода. Внимательно читая соответствующий материал, можно легко убедиться в том, что, например, в некоторых письмах из Индии исторические события 1826—1828 годов оцениваются с позиций армянского торговца. В высказываниях декабриста Е. Лачинова мы находим точку зрения русских прогрессивных людей того времени. Хачатур Абовян говорил о присоединении Армении к России как просветитель-демократ, как представитель народных масс Армении.

Следует отметить, что с актом присоединения Армении к России было связано немало иллюзий. Многие современники этого важного исторического события не замечали подлинного лица царского правительства, не понимали истинной цели его полити-

---

* АКАК, т. VII, док. 220.

ки. Русского царя и его генералов представляли как «милосердных и великодушных спасителей» армянского народа, вдохновенно говорили о наступлении «царства свободы, законности и справедливости». Все это, конечно, было наивно и неверно. Кстати, многие из них скоро убедились в этом. Глубоко убедился в этом, в частности, Хачатур Абовян.

Современники исторических событий 1826—1828 годов, как уже сказано, ошибались во многом. Однако они были правы в главном, в общей оценке присоединения Армении к России⁹. Почти все они справедливо говорили о том, что присоединение Армении к России в 1827—1828 годах имеет большое положительное значение для армян, что оно является прогрессивным актом, открывающим новую страницу в истории армянского народа.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Лори-Памбак был присоединен к России вместе с Грузией в 1801 году, а Ширак и Загзезур в 1805 г. К стр. 223.

2. В своем письме от 3 октября 1827 года, отправленном из Эривани в Тифлис на имя тифлисского военного губернатора генерала Спягина, главнокомандующий Кавказским корпусом генерал Паскевич так описывает взятие Эривани:

«Поздравляю ваше превосходительство с покорением Эривани, которая после шестидневной осады и четыре дня спустя ло открытии траншей взята нами 1-го сего октября.

Осадные работы были доведены до самого гласиса и короновали оной, артиллерия действовала с удивительным успехом и производила разрушение ужасное. В последнюю ночь пред взятием Эривани неприятель, опасаясь приступа, открыл весьма сильный огонь, но удачные выстрелы нашей артиллерии, действуя чрез пролом в обеих стенах крепости и поражая гарнизон картечью, нанесли ему значительный урон, заставили замолчать и привели в расстройство, увеличиваемое явной опасностью от уничтожения обороны с двух сторон воплем жителей, которые, претерпевая от бомб величайший вред, требовали сдачи.

На другой день ужас и смятение в городе сделались всеобщими, по утру жители, показавшись на стенах, начали махать шапками и делать знаки; войска наши, заметив сие, кинулись стремительно чрез пролом обеих стен, часть гарнизона, не видя спасения, начала бросать оружие и просить пощады, другая хотела защищаться, но, когда чрез несколько минут откопаны и отбиты ворота, все покорилось, и крепость взята без дальнейшего сопротивления. Гасан-хан сардар, брат сардара эриванского, Суб-хан-Кули-хан, комендант крепости, зять сардарский, еще пять ханов и все чиновники персидские, при них бывшие, отысканы укрывающеся и взяты в плен; в крепости

найдено 35 пушек и единорогов, 2 гаубицы, 9 мортир, 4 знамя, взято в плен более трех тысяч человек, а нашей стороны потеря состоит: убитыми в одном обер-офицере и четырех нижних чинах, ранено обер-офицеров 2, нижних чинов 36 человек.

Должно заметить, что Аббас-Мирза, дабы усилить защиту крепости, оставил здесь лучшие свои войска, в том числе один батальон своей гвардии и батальон Таврисский.

Поспешая уведомить ваше превосходительство о сем счастливом событии, я весьма уверен, что вы разделите с нами сию общую радость и сделаете оное известным по всем областям, мною управляемым» (ЦГИА Грузинской ССР, ф. 16, д. 3546, л. 16). К стр. 224.

3. В Центральном Государственном военно-историческом архиве хранится интересный документ, имеющий следующее заглавие: «Извлечение из журнала военных действий российских войск против персиян в Памбаке и Шурагеле под начальством полковника князя Северсеидзева и генерал-майора Давыдова в 1826 году». Здесь о военной деятельности известного партизана 1812 года Д. В. Давыдова в Армении в 1826 году сказано:

«15 сентября генерал-майор Давыдов прибыл в Джелалоглу с 1000 человеками грузинской конницы, принял начальство над всем отрядом и, в намерении действовать изступательно, оставил в сем пункте 4 роты пехоты с 3 эрудиями и 400 человек конницы, а остальные войска, 3 сводных батальона пехоты, 12 орудий и 900 человек конницы составили отряд, с коим генерал-майор Давыдов пошел к Шираку.

Подходя к сему урочищу 21 сентября, увидел он весь отряд Гасан-хана, отступающий на высоте, зажигая траву. Пехота наша, подкрепленная конницею, ударив на неприятеля при успешном содействии картечного огня, опрокинула неприятеля в лошину реки Ширака. Неприятель же частью потянулся по ней влево для обхода нашего правого фланга. Генерал-майор Давыдов, заметя сие движение, отправил полковника Муравьева с ротой Тифлисского полка, стрелками двух карабинерных рот и 2 орудиями против левого фланга неприятеля. Успех сего действия довершил поражение Гасан-хана, который, видя

отряд свой разрезанным, обратился в бегство чрез высоты Алагез, пользуясь темнотою ночи.

В следующий день войска наша беспрепятственно вступили в неприятельскую землю и, дошед до теснины Судаген, остановились для отдыха... после чего, обошед через старый Каравач-сарай, возвратились в Гумры. Князь Севарсемидзев послан был с отрядом на Арпачай для закупки хлеба на турецкой границе, но, перешед реку, нашел он селения пустыни. Впрочем, кареский паша писал к генерал-майору Давыдову, что он снабдит его хлебом, если войска наши займут опять Шурагель, если же пребывание их там только временно, то он должен от сего отказаться, опасаясь мести персиян. Генерал-майор Давыдов, за недостатком провiantа, принужден был выступить 23 числа из Гумров и возвратился в Джелалоглу, заняв несколько передовых постов и оставаясь в оборонительном положении, согласно с полученным предписанием.

Из Эриванской области получено известие, что все жители оной, армяне и мусульмане, с нетерпением ожидают появления наших войск, что копеевский архиперей обещал доставить 2000 сомаров пшеницы, а Куру-ага курдинский намерен передаться нам со всем своим племенем. Персияне заготавливают много съестных припасов в Сардарабаде.

Военных действий здесь более не происходило, и жители Памбака собрали с полей весь хлеб под прикрытием наших войск» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4296, лл. 1—5 и об. 1. К стр. 224.

4. Об армянских добровольцах, принимавших активное участие в русско-персидской войне 1826—1828 годов и русско-турецкой войне 1828—1829 годов, имеется довольно богатый и интересный материал. Ценные сведения сообщает, в частности, Н. Н. Муравьев. Так, в своих воспоминаниях, рассказывая о том, как весной 1827 г. в Тифлисе были завербованы армянские добровольцы, он, далее, пишет: «Завербовавшиеся показывали довольно твердое намерение остаться верными своему обещанию; число их усиливалось и, по выступлении нашем, первая дружина армянская, которая была поручена начальству одного офицера Херсонского полка, прапорщика Сумбатова, приняла присягу на верность и присоединилась к

нам в Джелал-оглу, в числе 150 человек... Казалось, что новый дух посеялся между всеми армянами, которые надеялись видеть восстановление своего царства... Священник и лекарь из обывателей были немедленно назначены к сей первой дружке, которая возросла в отсутствие наше... Им дано было знамя, написанное в Тифлисе, и они выступили с доброю волею и необыкновенным рвением, имея уже и дух молодых солдат... В бою они показали как следовало солдатам и в Урдобадском отступлении дрались вместе с батальоном грузинского полка против персиян, как только можно было желать. Новое сие войско подавало самые лучшие надежды к устройению со временем значительного корпуса местных войск, которые могли бы заменить здесь русских, погибающих от климата в Грузии; но беспечность начальства была причиною, что начало сие кончилось весьма дурно» («Русский архив», Москва, 1889, кн. 3, № 9, стр. 95—96). К стр. 224.

5. Взятие Эривани русскими войсками вызвало огромную радость не только у армянского, но и у братских грузинского и азербайджанского народов. Вот один пример. 3 октября 1827 года тифлисский военный губернатор писал и. о. грузинского гражданского губернатора следующее: «Исправляющий должность елизаветпольского окружного начальника капитал Лукинский, донеся мне, что общество тамошних татар, в ознаменовании радости их о взятии Эривани, пожертвовали в пользу города 119 руб. серебром...» (ЦГИА Грузинской ССР, ф. 16, д. 3553, л. 1). К стр. 226.

6. Население Армении, в современных границах, составляло: в 1831 году — 161 747 человек, 1873 году — 496 140, 1886 году — 635 833, 1897 году — 797 853, 1914 году — 1 014 255. А. Б а д а л я н, Население Армении со времени присоединения ее к России и до наших дней, Известия АН Армянской ССР. 1953, № 5). К стр. 227.

7. Генерал Ермолов 25 апреля 1817 года писал полковнику Якимову: «...Эриванский агалар Машади-Абдула прислал к подполк. кн. Севарсамидзе просить его довести до моего сведения, что он имеет неперемнное намерение переселиться с 200 сем. в Шурагель под покровительство российского пре-

стола и что равномерно карсские армяне к нему же, Севарсамидзе, прислали с просьбою о позволении им перейти на жительство в наши границы...» (АКАК, т. VI, ч. II, стр. 149). Как видим, к России стремились как армяне, так и азербайджанцы. К стр. 232.

8. Письмо калькутских армян во многом похоже на письмо Месропа Тагнадяна, посланное на имя эриванцев в 1828 году. Это обстоятельство дает основание полагать, что автором письма калькуттских армян был Тагнадян. К стр. 246.

9. Прогрессивное значение присоединения Грузии и Азербайджана к России признавали многие выдающиеся грузинские и азербайджанские писатели и общественно-политические деятели. Так, например, великий азербайджанский писатель-просветитель Мирза Фатали Ахундов писал, что «благодаря покровительству русского государства мы избавились от имевших место в прошлом бесконечных нашествий и грабежей захватнических полчищ и обрели, наконец, покой» (Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры, Баку, 1955, стр. 51). Известный грузинский писатель Илья Чавчавадзе, говоря о благотворном влиянии русской культуры, отмечал: «Ясно, что русская культура оказала большое, руководящее влияние на путь нашего развития, оказала воздействие на то, что составляет нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль. Она оказала свое положительное влияние на наши чувства и направление... Нет среди нас ни одного общественного и литературного деятеля, не носящего в себе воздействия русской литературы». К стр. 247.

11
11

ДОКУМЕНТЫ

1. БУМАГИ А. В. СУВОРОВА ОБ АРМЕНИИ
И ЗАКАВКАЗЬЕ
(рапорты А. В. Суворова князю Г. А. Потемкину)

№ 1

Р а п о р т

Ваша светлость мне великодушно простит, ежели, особливо в случайных известиях, обрящете какие недостатки: иных плодovitость для всей связи и последствнев казалась при начале быть необходимою.

Александр Суворов

15 февраля 1780 года
Астрахань

ЦГВИА СССР, ф. 52, л. 218/а, л. 1.

[Приложение а]

Бакинский Аджимелик-хан с согласия дербентского Фетали-хана отъезжал к шушинскому Ибраим-хану для заключения общей дружбы и сим последним задержан.

Шемахинские Мамат Сент и Мамат Агасыханы, два брата, в дружбе с дербентским и бакинским ханами.

Шакинский Усени-хан в союзе с дербентским Фетали-ханом; по некоторым известиям отправились в 20 000 войска против шушинского Ибраим-хана для выручки задержанного им бакинского Аджимелик Магмет-хана.

Генджинский Мамат-хан с сим шакниским ханом в союзе, якобы с шушинским Ибраим-ханом имевши сражение, потерял свою вольность и тем ослеплен.

Ардевенские два брата Назарали и Учнук-ханы ныне в союзе с шушинским.

Между Ардевилью и Гилянью город Хархачь, в нем Мамат-хан живет спокойно.

До возвращения из Шираза в Рящ Аднат-хана по приказу Керимова сына Абдул Фаты-хана правит Гилянью реченного Халхалского Мамат-хана брат Ферали Джилла-хан. Доверенные бывшего Керима наобы в Ряще. Аджижафар, Аджимират, Аджи Муштафа.

13 февраля 1780 года

[Приложение б]

Выехавшие из Карабага назад тому 3 месяца, в Астрахани обретающиеся, один мелик Атам, другой мелик Юсуп, подданные армяне, известили следующее:

В Карабаге имена меликов, по старшинству, мелик Атам, у него дети — сыны Меджлум-бек мелик Юсуп, который, сказывают, умер, однако потребно подтверждение. У него дети — сыны Беглаг-ага, Апов-ага.

Сии два знатны и дружны, между собою свойственники.

Мелик Шах Назар, у него дети — сын Джун Шут-бек,

мелик Исай;

мелик Мирза-хан.

Сей в дружбе с шушинским Ибраим-ханом, чрез что делает прочим меликам от одного шушинского хана угнетение.

Сей по проискам одного Шах Назара помагательствам одного ж шушинского Ибраим-хана приведет в скудность; даже и владение его отнято и отдано племяннику его мелик Исаеву мелик Бамату; он человек старый, имеет грамоту Петра Первого.

Сей со стороны одного шушинского хана и с сими меликами содержит себя на балансе.

Царь Ираклий в 12 000 войска за неплатеж подлежащей ему эриванского хана подати, прибыв к Эривану и взяв форштат, пленил до 15 000 домов разного роду людей, которых отправа в Грузию, в город Тифлис, получил известие о прибытии из Ширази царевича Бакара, сына Александра, в Имеретию, притом находящийся в Тифлисе патриарх католикос писал к оному царевичу, сыну Бакара Александру, чтоб прибыл скоро в Тифлис с уведомлением, что царь Ираклий находился с войском против Эривану;

о сем сведал царь Ираклий, выпроводя находящегося с ним в походе в одном лагере армянского патриарха католикоса Симеона в город Байазет, который расстоянием от Эривана 150 в., принадлежит туркам, сам царь с половинным войском отступил и прибыл в город Тифлис, с другим половинным войском оставил сына своего Левана, который слышно тож благополучно возвратился в город Тифлис. Причина оного армянского католикоса выезд в город Байазет того ради, чтоб эриванский хан за причиненные ему убытки от царя Ираклия не мог ему отомстить. Однако как от Эривана монастырь Эчмнадзин расстоянием токмо 30 в., то не упустил эриванский хан к оному монастырю подбегу, где слышно будто человек до шести монахов порублено; что ж касается до того монастыря утвари и прочего сокровища, не упущено заблаговерменно в безопасное место сохранить. Грузинский же патриарх Антоний католикос от царя Ираклия действительно сброшен с башни.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 218, лл. 4—5.

[Приложение в]

...От Дербента до Кубы 200 вёрст, дорога гладкая, рыбы, баранов, рогатого скота, лошадей довольно; хлеб пшеничный, пресный, разные овощи и фрукты, лесу и камышу изобильно.

От Дербента в 80 вер. урочище Дойнут тала, река Самур разливается на четверть версты, однако проходима; другая река, на которой крепкий город Куба, не разливается и мелка. Сей принадлежит дербентскому хану Феталию; на дороге деревень много и возле моря.

От Кубы до Баки* владение бакинского хана 180 вер., рек и ручьев с хорошей водою довольно. По известным местам есть ядовитые травы. Прочия примечания те же. Владение бакинского хана к Сальяну простирается верст на 80.

Потом шемахинское владение до самого Сальяна; сный принадлежит с небольшим уездом дербентскому хану и от Баки в 200 вер. При устье реки Куры толь рыбной, что она отправляется в Астрахань и в Грузию.

От середины дороги начинается Муганская персамн жилия степь, прочее то же, токмо лошади пойдут дорожке лучше, но числом меньше, потому что не так велики заводы. Чрез реку Куру (пере)права на паромах. Муганская степь продолжается верст со 100.

От Сальяна до Ряща верст 300, дорога хотя частию каменная и гористая, но способная и с теми же выгодами, как выше.

От Кизляра до Дербента на паромах три переправы: чрез Терек, чрез реку Каргин в 5 верстах она мельче, чрез реку Койсу...

Дербентский Фетали-хан не богат, живет на сильными поборами с подданных и податями с проежающих...

В городе гарнизону меньше 1000 человек, пушек стальных около 50, пушек полевых полторафунтовых имеет более 100, их возят на верблюдах до 30. Войска полевого может собрать из его достаточной под Дербентом провинции Шабран летом кочующих к Кавказам около 100 конницы, до 500 человек

* Документы печатаются в точном соответствии с оригиналом.

пехоты, из дербентских городских жителей более армян, персов и нечто грузин. Способнее прочих конницы до 2000, пехоты до 1000. От каракайдатского владельца Амир Амза Уцмея, от Кизляра не доходя Дербента вправо верст с 20, у которого может быть войска конницы до 5000, пехоты вдвое. Дербентский хан мог довольствоваться обоим званием до 5000, они между собою в разгласи. От Тарковского Шамхала рода Кумищских беев Мурта Залия, обитающего до 200 верст.

От Дербента к Кизляру, у которого войска конницы до 10 000, пехоты более, нежели вдвое, до 5000 или до 6000; ныне сей дагестанский Шамхал привержен России, имел пред сим в Кизляре в аманатах родного своего племянника брата его Богмат Бамата сына. Реченный Богмат Бомат имеет особое пограничное к стороне Дербента удельное от брата владение. Дербентский хан ежели не от Шамхала, но мог собирать разных народов лезгинцев пехоты и конницы от 5000 до 6000, кои ему служили из добычи и пропитания.

Фетали-хан был пред сим Кубинский. В 765 году, согласясь с каракандатским Амир Амза Уцмеем и табасаранским Кадием, которого владение начнется за Дербентом вправо вер. в 30 и простирается далее внутрь к Кавказам, войска у него более пехоты до 12 000 и, низвергнувши дербентского хана сына, поставленного Петром Великим, выколол глаза, отправили в Баку, откуда после возврата, якобы он содержан был в Дербенте, поделили каспийское или дербентское владение оный Феталий с Уцмеем; потом по сему разделу как за невыдачу за

Уцмея в замужество феталневой сестры в 767 году рассорились и между собою воевали. Со стороны Феталия был Шамхал дагестанский. Раз[но]гласие то продолжается и поныне. Лезгинцы живут в Кавказских, по их названию Тавлиссских горах.

Дагестанскому Шамхалу принадлежит Агикуш, Цудокар, Унцунул, Газаниш, Тарков.

Сам живет в городе сего звания Тарку и тарковской владелец под его ведомством, в Бойнаке брат его под его ж ведомством; во всем владении полагается войска более пехоты до 40 000.

Аварцы под их ханом, войска тож до 10 000.

Андийцы до 6000 вольные, без хана, под начальством бея. Граничат с Андреевской деревней.

Табасарайцы до 12 000 под их беem, граничат с грузинами и персидским городом Генджею; их набирает царь Ираклий до 4000, платя каждому кроме припасов и добычи рублей по 10 в месяц, бею их в год отсыпает по 3000 рублей, кроме иных подарков.

Черикейцы до 5000 привержены Андреевскому владельцу Темир Хамзину, который под протекциею российскою. Лезгинцы обще нанимаются к царю Ираклию, каждый на короткий поход рублей по 30, кроме добыч и пропитания, также есыры его.

Провинция Ширвания, города Шемаха, большой, крепкой, на стене пушек до 40. Меньшой или по речке Айгу по торгу, а особливо шелком и разными материями, знатный; съезжаются в оный из отдаленных мест, лежит к подошве горы на Муганской степу; между ими 15 верст, а от Дербента 400 верст, от Баку 120. Шемахинский хан может собрать свое-

го войска конницы до 4000, пехоты против того в половину, пушек полуторафунтовых на верблюдах до 30. Ядра чугунные, пороху мало, как и у дербентского, на каждую пушку зарядов по 30. Лезгинев может нанять до 5000 и до 6000 за такую же цену, как и Ираклий, но как те своевольны, то лучше подобно сему нанимает у ханов эриванского и генджинского. От Шемахи вправо к Грузии по подгорью в 120 верстах область Шеки Кабала принадлежит эриванскому Гусейн Алхану, который город от сей области вер. до 500. Реченный хан ныне во власти у царя Ираклия. От города Шеки Кабалы в вер. 300 знатный и крепкий армянский монастырь Эчмиадзин, по персидски Учкилиса. В нем армянский патриарх. Також ныне имеет в нем пребывание царя Ираклия сын Ливан, поставленный там для владения от отца.

Бака не великий город, имеет слабое старинное нерегулярное каменное укрепление, пушек в нем ственных неисправных до 30. Хан всего внутреннего войска более конницы свыше 1000 человек собрать не может. По кончине шаха Надира жил он всегда в покое, богаче дербентского более, нежели вдвое. Судов имеет более дербентского, называемых кирджими, кои поднимают от 10 до 50 человек, близко 100. На оных возят в Сальян, Зензели, Гайлян, Мазандран и иные места соль и нефту, а оттуда привозят шелк, разные материи, дрова и дельный лес, ибо, особливо влево верст близко 100, в нем недостаток, хотя есть довольно тальнику, бурьяну и употребляют кизик, а камышу мало. Привержен дербентскому, в надобности деньгами пособляет, а тот

ему войском, но в нечаянности какой на дербентского хана может всех ближе занимать у шемахинского хана, также у генджинского и эриванского до 6000. С рященским или гялянским ханом в союзе.

[Приложение г]

От великого армянского государства осталась после шаха Аббаса пред двумя веками самовластная провинция Карабаг. В ней ныне известные пять меликов. Сигнаги (кантоны) ее: 1-е Тараперд мелик Атам, 2-е Игермидорт мелик Усуп*, 3-е Дузаг мелик Есай, 4-е Варанд мелик Шах Назар, 5-е Хачен мелик Мирза-хан уступил владение своему сыну Аливерди.

Над ними удельный патриарх Иоанес по армянскому названию катуликос с прилагательным титулом: Авганский, каковым именем древле Армения называлась и нынешние авганцы (карадагинцы) суть из оной переселенцы при Тамурланге.

Сей патриарх поставляется от главного патриарха Эчмиадзинского всея Арменин.

Первые два мелика, Атам и Усуп, ослабевшие по патриархе, могут ныне собрать войска каждый по 1000 человек пехоты, в том числе малая или десятая часть конницы; хотя они Панахану не привержены, но в довольной зависимости трактовать то надлежит начинать с сими двумя.

3-е Мелик Исай владением, подданными и собираемым войском вдвое сильнее каждого сих двух

---

* В конце страницы Суворов собственноручно добавил: „2-й мелик Юсуп недавно умре, последовал ему старший его сын Беклар-бей“.

первых, но имея его сигнаг смежным Панахану, состоит под его податями и налогами.

4-е Мелик Шах-Назар может собрать войска близ 1000 человек; сей предатель своего отечества призвал Панахана, бывшего прежде начальником не знатной части кочующих магометан близ границ карабагских, отдал ему в руки свой крепкий замок Шушикала и учинился ему с его сигнагом покорным.

5-е Мелик Мирзахан может собрать войска до 500 человек и как в такой же смежности с Панаханом, как третий, то в равной с ним оному приверженности.

По кончине Панахана вместо его владеет ныне сын его Магмат-хан с тою же властью и сей пленил о настоящем времени бакинского владельца Гажжи Магмет-хана*.

Во время похода Петра Великого к сим странам шемахинского владельца военнослужащих начальников из армян до двенадцати, отставши от него и усились партиями в Карабаге, с околичностью воевали с карабагскими меликами купно против турков, кои тогда владели Эриваном, Генджею и Тифлисом, и малыми силами их множество многократно побеждали. По перемене обстоятельств сии, выше реченные, тогда под именем юзбашей, из коих был именем Иван, пожалованный персидским Шахусеиновым отцом Махматом-ханом, поселены в завоеванных государем Петром Великим местах на Каспийском море; по возвращении оных земель Персии

---

* Рукою Суворова добавлено: „(Гаджи мелек)“.

жили они в Астрахани, и ныне от них тамо некоторое потомство без знатности и уважения.

По настоящей расстройке персидских дел овладел некоторыми селениями реченный Панахан прежних армянских дистриктов к стороне Нахчеван, Сирианом и Гапаном, из коих в надобном случае получает из армян войска до 1000 человек.

[Приложение д]

Царь Ираклий хитрых и разумных качеств, но на образ персидских государей, хотя дальновиден, токмо непостоянен, поелику положение его земли, в них правления и ненадежности народа, то с собою приносят с храбростью, а при том предприимчив на всякое дело, в котором по условию находят явные себе выгоды. Силы его войска по переписи его во всей области поголовного до 40 000, из коих может выступать в поле до 10 000, служа тако ежегодно по три месяца, нанимает у осетинцев, пшавцев, кистинцев и черкесов, по обычаю от 2 до 3 тысяч, но может нанять до 15 000.

Из сих народов, особливо тушинцов и кистинцов, коих некоторая часть по пограничности с Грузией, суть ему под властью.

Сии народы не суть истинные лезгинцы, затем же из сих последних, называемых чарцов, его соседей и союзников, может нанять войска от 3 до 4 тысяч.

От пределов карабагских царь Соломон иммеретинский отдален.

Настоящие известия: Ираклий с его сыном Ли-

ваном, отправясь в поход против эреванского Гусейн-хана, оставил Тифлис без знатного войска. Сим воспользуясь, известный по беспокойным правам (бывший в Санкт-Петербурге 1773 года) патриарх Антон католикос, призвал тайно в Тифлис царевича Бакара, сына Александра, прибывшего к имеретскому царю Соломону в малой свите из Шираза по княжине Керима. Ираклий, известясь о сем, оставил своего сына Ливана с малым войском в области Эриванской, сам поспешно возвратился в Тифлис, куда еще Александр прибыть не успел, и казнил католикоса низвержением с башни. Потом и Ливан тоже в Грузию возвратился без успеха.

Архив АН СССР, ф. 99, оп. 2, № 13, стр. 19—59, 65—73.

[Приложение е]

От персидского города Газвина до границы турецкой

От Газвина до города Амадала 400 в., город всем изобилен, дорога для проезда сухим путем способна, и деревень по дороге довольно.

От Мадала до города Карманша 200 в. Город также всем изобилен и дорога для проезда способна граничит с турецкою границею. Город турецкий Карачулан от Карманша 300 в.

От персидского города Эревана граница турецкая ж расстоянием 150 в. Граничит город турецкий Баязет. От Эревана ж в другую сторону граница турецкая ж расстоянием 250 в. граничит город Карс.

От Эревана граничит Грузия, расстоянием 50 в., граничит крепость Памбак, принадлежащая грузинскому царю Ираклию, где жительство имеет армянский народ. От Грузии граничит турецкая граница расстоянием 200 в. Граничит город турецкий Арзарум, по-гречески Теодори полис.

28 февраля 1780 года

Архив АН СССР, ф. 99, оп. 2, № 13, стр. 2—18.

№ 2

Рапорт

В исходе прошедшего апреля м-ца из Баки прибыл сюда галиет С. Аким-Иоанна астраханских жителей, груженной тамо шелком и другими товарами. Отголь и других мест Персии собрав последние известии, при сем вашей светлости подношу.

Генерал-поручик Александр Суворов

9 мая 1780 года

Астрахань

[Приложение]

Бежавшей по разбитии шошинским Ибраим-ханом с царевичем Георгием Фитали-хан и Шемхал тархановский приехали в начале апреля, первый в Дербент, а последний в Тарху. Из сих мест с обещанием великой награды разослали своих кенгаров для приглашения войск против Ибраим-хана; но хотя ныне всем нет еще никакого успеху, однако уповают впредь и потому делают разные приготовления к походу.

Гилянский Гадает-хан отвергшихся в городе Ряще и окрестных местах своих подданных, прибывши

в оный с войском якобы тысяч до осми данным бывшего векиля Керим-хана сыном Фати-ханом умирил и пребывает тамо, а как народ сей действительно в буйство пришел от излишнего богатства, то по сему не токмо положенный оброк прежней подати собирает, но и грабит, делая притом строгие мучительства ослеплением глаз и другим образом, чем более полумиллиона денег скопил, в котором числе суть и богатые вещи и понеже с приверженности помянутого векиля сия провинция состояла, то и теперь на том же положении остается у сына его Фати-хана и в воздаяние за учиненную помощь им Гадает-хану, от сего все ограбленное обещано отдать ему Фати-хану.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 218, лл. 20—21.

№ 3

Р а п о р т

Новейшие известия: первое от Персии, а последнее из Грузии вашей светлости при сем подношу.

Генерал-поручик Александр Суворов

24 мая 1780 года

Астрахань

[Приложение а]

В Баке и околичных местах разглашают якобы по просьбе порубежных ханов турки намерение имеют, когда российские войски к стороне Персии движение примут, поставить на их границах около Баязид города, лежащего от Эривана до тридцати часов, отряд войск для примечаний.

24 мая 1780 года

[Приложение б]

Гусейн Али-хан эриванский в крайнее самое ныне состоящие от царя Ираклия приведен, чрез отнятие у его подданных христиан. 1600 да 700 семей персиян, за то, что он не вносит ему года два положенной по общему их договору сумму, которая всегда ежегодно от него была получаемая за сделанную прежде Ираклием Гусейн-хану от нападающих на него неприятелей соседственных ханов защиту, и когда за сим еще оный не уплатит, то Ираклий намерен его поймать и, лиша всего владения, поставить другого хана, для чего уже и приготавливает свое войско; а как везде слух о сем разнесся и Гусейн Али-хан, видя совершенно свое бессилие противоборствовать Ираклию, просил араратского монастыря патриарха Иоаннеса авгаиского, чтоб он принял между ими для применения посредство, почему ныне и ожидают сего патриарха прибытия к грузинской границе.

24 мая 1780 года

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 218, лл. 23—25.

№ 4

Р а п о р т

Сего июня 4-го числа из Гилян чрез Баку прибыли к Седлисту астраханских армян с шелком и бумажным товаром два судна Хастагова и Лазарева.

Следующие известия вашей светлости приложить честь имею.

Генерал-поручик Александр Суворов

22 июня 1780 года

Астрахань

{ Приложение а }

Из Зинзили от Гедает-хана купец Сей-дерза, прибывший в Астрахань 5 числа сего месяца и следующий к астраханскому господину губернатору с письмами и гостинцом, между прочим сказал, что он послан просить защиты от России реченному хану, потому что он не имеет для себя нигде безопасного убежища, и тем больше, что Керим-ханов сын Абул Фати-хан, бывший всегда с ним в содружестве, и другие, препятствующие ему, ныне оставили его, первый же поссорился и умышляет, поймавши, убить сного.

Из Баки утверждают и ныне прежний слух о приглашении якобы турков от порубежных ханов к границе персидской от стороны Баязида для примечания входу российских войск.

Июня 1780 года

{ Приложение б }

Керим ханов сын Абул Фати-хан, будучи не трезвых качеств и по расточении до миллиона деньгами и вещами, напоследок захвачен от дяди своего Садых-хана назад тому месяца четыре и содержится в Ширазе под присмотром. И хотя некоторых ханов цель обращается на избрание в векильское достоинство вышеупомянутого Садых-хана, но препятствует сему находящийся в Испагане Али Муратхан сердар, который пред сим задарен, будучи от Абул Фати-хана намерен силою оружия освободить оного и возвесть в векильское достоинство; войска ж

при себе имеет до двадцати тысяч, конми он еще при жизни Керим-хана командовал, а напротив того Садых-хан имеет до пятнадцати тысяч, с конми он из Бассоры возвратился и о последствиях сей междоусобной войны еще неизвестно.

Несир Улла (сын Шагарух-шаха, низверженно-го и ослепленного бывшим Сулеман-шахом, пребывающего в Мешедде в достоинстве мешедского хана в Хорасане), правнук шаха Надыра, равно и шаха Гусейна с матерней стороны, жившей под призором в Ширазе у Керим-хана, по смерти его тайно уехал в Тифлис к царю Ираклию, в надежде получения помощи вступить на прародительский престол, от коего был благосклонно принят и поныне там находится.

Рященский Гедает-хан пред сим временем доведен будучи в самую крайность его состояния по бунту, сделавшимся от его подданных за худое управление и чрезвычайное над ними тиранство, прислал просить чрез нарочного его посланца Сейдерзу к губернатору астраханскому о споможении российских, но как потому он еще никакой отповеди не получил, а обстоятельства его ежедневно в худший вид обращались, во опровержение которых чрез просьбу реченных подданных, когда вступился сердар Али Мурат-хан, о котором явствует выше, и начал советовать помянутому Гедает-хану о воздержании себя, то оный, устрашась и видя совершенное свое бессилие, оставил ханское свое пребывание и из Ряща приехал морем на судне в Баку и тамо ныне находится.

№ 5

Р а п о р т

После отправленных мною от 22-го числа сего месяца вашей светлости известиев следующие имею честь приложить.

Генерал-поручик Александр Суворов

30 июня 1780 года

Астрахань

[Приложение а]

Назар Али-хан, владевший по уходе Адият-хана городом Рящем, услышав о приближении войска, посланного из Исфагана от Али Мурат-хана сердара, забрав лучшее имение от жителей рященских, выступил из города на Муганскую степь, а ныне, по последним известиям, кочует в земле родственника своего Ибраим-хана шошинского, пред выходом же своим из Рящи выжег многие дома и сады.

Царь Ираклий в половине прошедшего месяца примирился с эриванским Гусейн-Алханом с условием, чтоб Гусейн-Алхан ежегодно платил ему до 30 000 рублей, и в сем мире более посредствовал армянский патриарх Симон, живущий в Эчмнадзине, от Эривана в семидесят верстах.

[Приложение б]

Армянин Миней Степанов, прежде подданный Гедает-хана и доверенный сего, в 773-м году с имеющею у него сего хана знатною суммою денег из Ряща прибыл в Астрахань. Чего ради Гедает-хан о нем часто здесь в разные требования входил, так что

якобы иногда и грабежи свои российским подданным тем заменял; о расчете таковом и нынешний здешний его посланец Сент Арза от него поручение имеет. Когда же сказанный Минией Степанов известился об отпращивании к Аднат-хану и опасаясь по приезде его в Астрахань какого-либо взыскания, то мог писать к Магмет-хану и прочим в Дербент, чтоб задержать посланного, а тем приезде Аднат-хана в Россию воспрепятствовать. Касательно ж до астраханского жителя татарина Наурзалея Иманкулова оный, будучи по делам вышепомянутого армянина Минией Степанова в Баке и других приморских городах, уговорил Магмет-хана в обратный проезд армянина Никиту Яковлева задержать, а ему Яковлеву, встретившись, присоветывал заехать (к чему его совсем и намерения не было) к сказанному Магмет-хану, уверяя, что прежде отнятые у него семьдесят рублей ему возвращены будут, равно, разведав от едущего с ним другого армянина о зашитом в шапке жемчуге, известил о сем Магмет-хана, от коего посланные схватили оную, не вредя однако ж хозяина. Также узнав о выезде армян из Кизляра для покупки шелку, уговорил к грабежу их дербентского хана, причем мог быть и он с ним вместе. Сверх того, в бытность в Астрахане губернатором господина генерал-поручика и кавалера Бекетова его Имануилова с братом Идрисом определением губерний запрещено было пропускать за границу. Что ж принадлежит до персиянина Гаджи Рагима, оный тож обличен был в переписке с заграничными владельцами по данным рапортам в губернию от находящегося в Астрахане при секретной экспедиции надворно-

го советника Вазанова, за что и содержался под караулом, ныне же находится в Астрахани.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 218, лл. 31—33.

№ 6

Р а п о р т

После отправленных мною от 20-го числа сего месяца вашей светлости известиев следующие имею честь приложить.

Генерал-поручик Александр Суворов

28 июля 1780 года

Астрахань

[П р и л о ж е н и е]

При взятии Назар-Али-ханом Ряща Гедает-хан спялся на судне и выплыл в устье реки Сефитры, лежащей от Ряща в десяти часах к стороне Мазандрана; и писал к хальхальскому Амир-Гуне-хану, живущему от Ряща в 150 верстах к стороне Тевриза о вспоможении и обещая все им требуемое исполнять; Амир-Гуна-хан, якобы по просьбе сей прибыв с войском под Рящ, выгнал из оного Назар-Али-хана шахсеванского и по-прежнему отдал оный город в правление Гедает-хану; Назар же Али-хан, видя себя не в силах сделать сопротивление хальхальскому хану, пред выходом своим выжег все строения и сады в городе; но о сем известии подтверждения ожидать надлежит.

От командующего турецким войском при городе Карсе начальника присланы подарки, состоящие в

лучших лошадях и парче к ханам дербентскому и шемахинскому.

28 июля 1780 года

Астрахань

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 218, лл. 39—40.

№ 7

Р а п о р т

После отправленных мною от 28-го числа прошедшего месяца вашей светлости известиев следующие имею честь приложить.

Генерал-поручик Александр Суворов

10 августа 1780 года

Астрахань

[Приложение]

Царь Ираклий с войском, состоящим в восьми тысячах грузин и нанятых лезгинцев, выступил из Тифлиса против эриванского Гусейн-аль-хана. Сим пользуясь, дербентский Фетали-хан и шемахинский Агасий-хан тож пошли в поход, каждый имея своею войска до трех тысяч и нанятых вообще лезгинцев до пяти тысяч против шушинского Ибраим-хана.

Управляющий областью Шеки Кабала Гусейн-хан чрез разные насилия пришел у народа в ненависть и по домогательству племянника своего лишен власти правления и принужден выехать из оной области в лезгинское местечко Джар, а на место его выбран народом вышешепянутый его племянник.

Последнее отправленное от 28-го числа прошедшего месяца известие об Аднат-хане рященском (якобы оный чрез помощь хальхальского Амир-Гу-18*

ны-хана, возвратясь в Рящ, по-прежнему вступил в правление), подтверждения никакого не имеет.

10 августа 1780 года

Астрахань

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 218, л. 44

№ 8

Р а п о р т

После отправленных мною от 11-го числа сего месяца вашей светлости известиев следующее честь имею приложить.

Генерал-поручик Александр Суворов.

18 августа 1780 года

Астрахань

[П р и л о ж е н и е]

В подтверждение прежнего известия о Гусейн-хане шекинском, который по изгнании, находясь в местечке Джары и будучи приглашен от некоторых из своих подданных, выехал из одного в надежде вступить по-прежнему в правление, но по прибытии в Шеки Кабала от того ж своего племянника Гаджи-Кадыра (от коего и прежде был изгнан) убит.

18 августа 1780 года

Астрахань

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 218, лл. 42—43.

№ 9

Р а п о р т

После отправленных мною от 18-го числа минувшего августа вашей светлости известиев следующие имею честь приложить.

Генерал-поручик Александр Суворов.

1 сентября 1780 года

Астрахань

[Приложение]

Фет-Али-хан дербентский и Агаси-хан шемахинский, выступившие в поход в июле месяце против Ибраим-хана шушинского, дошед до реки Куры, по сделавшемуся бунту от находящихся в войске лезгинцев, принуждены были оставить свои предприятия и возвратился каждый в свое владение в исходе прошедшего месяца.

Керим-ханов сын Абул Фати-хан, содержащийся под присмотром у дяди своего Садых-хана, тайно уехал из Шираза к находящемуся в Испагане с войском Али Мурат-хану сердару, который и прежде о вспомоществовании Абул Фати-хану вступить в великское достоинство старался.

Гедает-хан, изгнанный из Рящи, по получении вспомогательного войска от Али Мурат-хана сердара, в начале прошедшего месяца овладел Рящем и, находящегося в оном Назар Али-хана шахсеванского захватя в полон, содержит и по сие время, но о сих двух последних известиях подтверждения ожидать надлежит.

1 сентября 1780 года

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 218, лл. 45—46.

№ 10

Р а п о р т

Впоследствии отправленных от меня вашей светлости 1-го числа сего месяца известиев следующие при сем имею честь поднести.

Генерал-поручик Александр Суворов

15 сентября 1780 года

Астрахань

[П р и л о ж е н и е]

Лезгинцы, бывшие по найму у ханов дербентского и шемахинского в походе против шошинского Ибраим-хана и не получа по условню заплаты за сей поход, при возвращении своем из оного некоторые места, принадлежащие дербентскому хану, разорили, к коим и Уцмий Карахандатцы присоединился, требуя тож заплаты своим подданным, бывшим в сем походе; вышепомянутые ханы для отвращения сих набегов, согласив к себе Шемхала Тарховского, выступили в начале сего сентября в поход против оных, но о последствиях сего междоусобия неизвестно.

ИГВИА СССР, ф. 52, д. 218, лл. 47—48.

№ 11

Р а п о р т

После отправленных мною вашей светлости от 15-го сего месяца известиев следующие имею честь приложить.

Генерал-поручик Александр Суворов

22 сентября 1789 года

Астрахань

[П р и л о ж е н и е]

Между Керим хановым сыном Абул Фати-ханом и дядею его Садах-ханом якобы начинают уже происходить военные действия близ Шираза, каждый имея войска тысяч до пятнадцати; прочие ханы не имеют ни к которому из них посредства, а более желают быть без общего начальника.

Лезгинцы, бывшие в согласии с Уцмием прогиз дербентского Фетали-хана, по приверженности своей

к Шемхалу Тарховскому (который держит сторону Фетали-хана), намерены оставить данное ему согласие и возвратиться в свои жилища.

О пребывании войска турецкого на персидской границе в подтверждение прежних известиев ныне слуху никакого нет.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 218, лл. 49—50.

№ 12

Р а п о р т

После отправленных от меня вашей светлости 22-го числа сего сентября известиев следующие имею честь поднести.

Генерал-поручик Александр Суворов

30 сентября 1780 года

Астрахань

[Приложение]

Находящегося в Мешедешага рух-шаха сын Нестир Удла, правнук Надыр-шаха, живший со смерти Керим хановой у царя Ираклия и по неудовольствиям от одного за издержанную немалую сумму денег, на некоторые служащие к роскоши употребления, в начале прошедшего месяца отравил себя ядом в Тифлисе.

Александр, сын Бакаров, находящийся у царя Соломона имеретинского, с помощью его старается панятыми лезгинцами делать нападение на земли, принадлежащие царю Ираклию, который для защиты Грузии пред сим принужден был из-под Эривана отправить с частью войска сына своего Левама, а ныне, на время оставя военные действия, бывшие против эриванского Гусейн-хана, возвратился сам в

Тифлис, где находясь, старается снискать мир с царем Соломоном и по просьбе его взятых из Эривани в полон нескольких человек отпустил обратно; а со своей же стороны требует от Соломона только, чтоб из Имеретии выпровожен был Александр; касательно ж по сему до жителей Тифлиса, так и вообще грузин, все желают быть под управлением Ираклия.

Происходящие ж между Садых-ханом и Али Мурат-ханом серदारом военные действия и ныне подтверждаются.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 218, лл. 51—52.

№ 13

Р а п о р т

Вашей светлости моим известием от 19-го июля донесено было о приступлении к испытанию обретающегося в непрестанных беспокойствах рященского Гедает-хана к подтверждению себя с его имением под высочайший скипетр ее императорского величества сие полезное производство принесло было желаемой совершенный успех, но объясненные препятствия в приложенной ноте под литерою А, оной опровергли довольно, что есть влияние в сердцах народов о высочайшем ее императорского величества покровительстве; а мой долг ныне пенцись об избавлении невольника, употребленного мною по сему происшествию.

Генерал-поручик Александр Суворов

21 октября 1780 года

Астрахань

[Приложение]

Нота А.

**Письмо к генерал-поручику и кавалеру Суворову
от армянина Никиты Яковлева**

Как я отпращен был от вашего высокопревосходительства из Астрахани, но по приезде моем дербентского хана к шурина Магмет-хану, живущему от Дербента в двух верстах, оный отобрал у меня без всякой причины собственных моих денег семьдесят рублей, откуда поехал я в Гилян и намерен был чрез несколько времени отправиться обратно к вашему высокопревосходительству. Однако тем же Магмет-ханом в проезд мой чрез его деревню, по какому-то к нему неведомо от кого писанному письму, пойман, взят под караул, нещадно бит и по ограблении у меня всех имевшихся при мне вещей посажен был в железгах под караул, где и находился пятнадцать дней, а потом хотел умертвить, но я, узнавши о том, железа изломал и из-под караула чрез стену ушел, пробрался в Дербент, но и отсель хочет меня взять опять к себе; а что принадлежит до известиев, оных чрез письмо донести невозможно. А всенижайше вашего высокопревосходительства прошу сделать со мною отеческое милосердие об освобождении меня от сего нга вашим покровительством не оставить.

**Письмо к армянскому подпоручику Сергею Мелекову
от одного ж армянина Никиты Яковлева**

Вашему благородию о себе имею донести, что дербентский житель армянин Осип посылал при отправлении своем в Астрахань астраханского татарина Наурзали к Магмет-хану для взятия от него

писем к астраханскому армянину Минасу Степанову писанных, почему покорнейше прошу оные чрез какие-нибудь обстоятельства получить, из коих все здешние новости и происхождение усмотреть можег. Да из Баки приехал в Дербент хороший человек, который объявил, что гялянскій Аднат-хан приехал в свое место, а я нахожусь в Дербенте на поруках и о освобождении меня от сего всепокорнейше прошу старанием у его высокопревосходительства Александра Васильевича не оставить. Прочие ж известны знает прежде посланный от меня армянин Гукаяс, а чрез письма ничего писать нельзя, дабы не лишиться мне живота.

Прибавление к вышеписанным двум письмам, объявленное от генжинского армянина Гукаяса Петрова, выехавшего из Дербента 28 сентября

Отправленный от 19 июля из Астрахани генжинский армянин Никита Яковлев, прибыв в Дербент, где от шурна дербентского хана Магмета, живущего от Дербента в двух верстах от него, у него семьдесят рублей деньгами, о коих просил дербентского Фетали-хана, но удовольствия никакого не получил, следовав в город Баку, а из оногo на прилучившемся в то время российском купеческом судне отправился в устье реки Сефитры, где Аднат-хан ряцелский, оставленный от своих подданных и избегая поисков от Назар Али-хана шахсеванского, тогда укрывался, но по прибытии судна в устье реки Аднат-хан уже на берегу оной в Лагиджане находился, куда и вышепомянутый Никита Яковлев следовал и был благоклонно принят от Аднат-хана, который по состоянию

тогдашних своих обстоятельств предпринял с оным на вышепомянутом российском судне ехать в Астрахань, чтоб отдать себя в покровительство России, почему и (уменьем)* экипаж ханский был уже положен на судно, но за несколько времени пред сим прибывшее от Али Мурат-хана сердара из Испагани войско, состоящее в 3000, по уходе Назар Али-хана вступило в Ряц, и начальствующий оным войском Исмаил-хан, уведомлен будучи тайно чрез письма от находящегося в Баке астраханского татарина Наурзалея Иманкулова об отправлении российского судна из Баки в устье реки Сефитры, а от других персиян о прибытии судна и о намерении Аднат-хана сесть на оное, в отвращение чего отправил в Лагиджан партию в 100 человека, которая намеревающегося вступить уже на судно Аднат-хана, захватя со всеми при нем бывшими, имела повеление препроводить в Ряц, где оный поныне под призором у вышесказанного Исмаил-хана находится; нагруженный же на судно экипаж и прочее пред выездом Аднат-хана из Лагиджана присланному от него чиновнику возвращен. Вышепомянутый же Никита Яковлев по прибытии сей партии ушел тайно с берега на судно и, возвратясь на оном в город Баку, а из оного сухопутно следовал к Кизляру, но в проезд чрез Дербент захвачен от вышепомянутого Магмет-хана, шурина дербентского Фетали-хана, в сходство писем некоторых астраханских жителей, коих имена, как дербентские жители объявляют, армянин Миней Степанов и персиянин Гаджи Рагим; по оным

---

* Слово в скобках добавлено Суворовым.

же письмам в Дербенте и в окрестностях одного разглашен слух, что вступление российских войск отменено и, следовательно, наглости, чинимые российским подданным, могут остаться без всякого взыскания. Впоследствии чего Магмет-ханом отнято от Никиты Яковлева все находящиеся при нем товары ценою на 564 рубли; также от кизлярского армянина Ядара Хейдарова, едущего с ним из Персии в Кизляр, отнято жемчугу и камней на 1000 рублей, а в половине прошедшего сентября от кизлярских армян четырех человек, Бенджама, Калуста, Меркума, Симана, едущих из Кизляра в Шеки-Кабала для покупки шелку, отнято самим дербентским ханом на дороге в сорока верстах от Дербента 5500 рублей, а по объявлению некоторых дербентских жителей участвовал в сем грабительстве и астраханский татарин Наурузалей Иманкулов.

ЦГВИА СССР, ф. 52, л. 218, лл. 53—54.

№ 14

Р а п о р т

После отправленных мною от 24-го минувшего октября известиев следующие у сего вашей светлости имею честь поднести.

Генерал-поручик Александр Суворов

1 ноября 1780 года

Астрахань

[Приложение]

На бывшем в половине прошедшего сентября месяца между мазандранским и астрабацким ханами сражении убиты оба брата, владевшие Мазандраном, а по кончании их астрабацкнй Ахмат-хан овладел принадлежащим им дистриктом.

Царь Ираклий, получая подати с жителей города Генжи, принадлежащих частью и шошинскому Ибраим-хану, ныне же присвоил оный город собственно к своему владению, уволив притом жителей на 3 года от податей. Касательно ж до примирения Ираклия и эриванского Гусейн Али-хана в оном посредствовал как патриарх армянский, живущий в Эчмиадзине, так и турецкий паша, находящийся в городе Ахалцихе, расстоянием в 200 верстах от Тифлиса.

С приблизившегося к Астрахани на сих днях из Персии российского купеческого судна бывшие на оном пассажиры касательное до Адият-хана рященского объявили следующее: по прибытии судна из города Баки в устье реки Сефитры, не в дальнем расстоянии коей Адият-хан рященский на берегу обретается, и по тогдашним беспокойствиям предпринял на оном судне отправиться в Астрахань, так как часть имения его перевезена была на оное, по прибывшею партией из Ряща, посланною от Измаил-хана, был захвачен, которая и препроводила оного в Рящ; сие последнее уведомление слично с потою, отправленною от 21 октября под литерою А.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 218, лл. 60—61.

№ 15

Р а п о р т

Новейшие известия, собранные о Персии, при сем вашей светлости поднести честь имею.

Генерал-поручик Александр Суворов

10 ноября 1780 года

Астрахань

[Приложение]

Бывшие между дербентским Фет Али-ханом и Уцмием карахайдацким военные действия ныне прекращены; посредствовал в уничтожении оных Шемхал Тарковский.

В подтверждение прежних известий, касательных до Аднат-хана рященского, отправленных от 21 октября в приложенной под литерою А ноте и от 1 ноября прибывшим ныне в Астрахань татаринном Абдул Керим Новликеевым, бывшим на российском купеческом судне начальствующим, к вероятности оных объявлено следующее: по прибытии судна из Баки в устье реки Сефитры, от коих в 6 верстах в то время Аднат-хан рященский в деревне жительствовавал, и хотя пред сим неоднократные требования были от Измаил-хана о возвращении его в Рящ, но Аднат-хан по недоверенности к оному и к своим подданным не имел намерения возвратиться и льстил оного только обнадеживаньями, а по получении писем из Астрахани чрез армянина Никиту Яковлева, бывшего на сем судне, предпринял отправиться на оном в Астрахань, чтоб поддаться в покровительство России и ввиду сего намерения приказал в скорости перевозить свое имение, которого чрез шесть дней большая уже часть была положена на оное; но в самое сие время по полученным чрез Баку известиям об отправлении судна в устье реки Сефитры Измаил-хан отправил небольшую партию, которая, прибыв из Ряща и захватя Аднат-хана со всеми при нем бывшими, имела повеление препроводить оного в Рящ, нагруженное же на судно имение возвращено присланному на другой день от Аднат-хана чиновни-

ку; вышепомянутый же армянин Никита Яковлев по прибытии сей партии ушел тайно на судно, которое, прибыв в устье реки Сефитры, еще трои сутки в ожидании прибытия Аднат-хана, а по прошествии сего времени следовало в Баку, откуда армянин Никита Яковлев сухопутно отправился в Астрахань.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 218, лл. 62—63.

№ 16

Р а п о р т

Вашей светлости доносил я от 19-го июля о покушении моем к выезду обремененного его тогдашними несчастиями, рященского Гедает-хана с его сокровищами, в Россию под высочайшую державу ее императорского величества. Происшествие сие какой было желаемый успех восприяло, естли б помешательства партикулярных здешних особ тому не воспрепятствовали, наки значит в моем донесении с приложениями от 21 октября. Третье по сему мое донесение от 1-го числа ноября, в принадлежащем до показания приказчика российского судна, в которое Гедает-хан свой имени нагружал.

По сему делу особливо употребленный генжинский армянин Никита Яковлев, бывший при конце своего живота, слава богу, возвратился сюда здоров; за услуги его, как за снисхождение дербентского Фетали-хана с шамхалом Тарковским, мерное награждение мною учинено.

Сего армянина Никиту Яковлева принимаю смелость в высокое покровительство вашей светло-

сти поручить. Краткое его показание и все сие прошествие предаю на высокое рассмотрение вашей светлости.

Генерал-поручик Александр Суворов

27 декабря 1780 года

Астрахань

[Приложение]

Прибывший из Дербента армянин Никита Яковлев сего декабря 24-го дня в Астрахань, подтверждая прежние показания — первое армянина Гакаяса Петрова, о задержании его Магмед-ханом всходство писем астраханских жителей армянина Минея Степанова и персиянина Гаджи Рагима, тож употребленных происках астраханским татаринном Наурзалеем Иманкуловым к погублению его. Второе показание астраханского татарина Абдул Керима Навликеева, бывшего приказчиком на российском судне, о нагружении на оное имения Аднат-хана ященского и о совершенном его намерении отправиться в Астрахань.

В прибавление к оным по бытности его там разведенное объявил следующее: по уходе из-под караула от Магмед-хана в город Дербент, где, будучи по знакомству моему издавна с тамошним жителем Пагос Поболом, имел у него в доме пребывание, который рассказал, что заключение мое было всходство писем астраханского жителя Минея Степанова и как оные все письма шли чрез руки дербентского жителя Муллы Абакер Ибраима, находящегося у Магмед-хана в доверенности письмоводцом, почему я чрез сего моего хозяина подружась с упомянутым

муллою, который напоследок по многим моим просьбам и тифлисского армянина Антона, издавна мне знакомого, а притом и по обещанию от меня подарков, открыл как о прежних письмах, писанных Минаям Степановым, так и о недавней просьбе татарина Наурзалея Иманкулова, чтоб написать к Магмед-хану об исполнении прежних условий, касательных до лишения меня жизни, находя к сему случай выезд мой из Дербента, чтоб, захватя на дороге, умертвить, за что обнадеживал в скорости и обещанные отдать деньги, о чем и прежде оные письма неоднократно писаны были по просьбе Иманкулова. Разведав сие, просил того муллу, чтоб он, в подтверждение объявленного им, дал за своею рукою письмо, на что оный отказал, опасаясь за сие как от Магмед-хана, так и Фет-Али-хана наказания, а согласился по просьбе моею объявить оное при свидетелях, находящихся в то время в Дербенте российских подданных терского войска дворянине Алише, тож при кизлярском жителе купце Аджи Карагосове и при армянах Гакаясе Петрове и Антоне, кои и засвидетельствовали им сказанное. По выезде ж моем из Дербента в Астрахань, проезжая владение Уцмия карахайдацкого, который, между прочим, объявил, что слышал о задержании меня Магмед-ханом по письму астраханского армянина Минея Степанова и по проiscaм тож астраханского татарина Наурзалея Иманкулова, а по приезде в Тарки к шемхалу, который спрашивал, сведущ ли я об именах тех, кои искали конца моею жизни и как я ему отвечивал, что частию уже известен, то он сходно с вышеобъявленным

утверждал, что по письмам Минея Степанова захвачен и ограблен я от Магмед-хана, которому за сие обещана от него некоторая сумма денег и чтоб он всячески старался не допустить меня в Гилян, так и обратно в Астрахань. А действительным ходатаем по оным письмам был татарин Наурзалеи Иманкулов. Сии объявления от Уцмий карахайдацкого и шемхала Тарковского известны и бывшим со мною в дороге, упоминаемым выше кизлярскому дворянину Алешу, купцу Аджи Карагосову и армянину Гакаясу Петрову. Сверх сего в Дербенте и окрестностях оного по разнесшемуся народному слуху многие из тамошних жителей сведущи как о сих письмах, так и о происках Иманкулова, и как некоторые из тех жителей в скорости прибыть имеют в Астрахань с караваном, следующим из Кизляра, то сходно с вышесказанным и те народные речи объявят; касательно ж до ограбленных товаров и вещей всего на 564 рубли от дербентского Фет-Али-хана, хотя и послано было с требованием к Магмед-хану о возврате оных, но удовлетворения никакого не учинено.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 218, лл. 74—76.

№ 17

Р а п о р т

В последствие вашей светлости от 19 июля и 28 числ декабря прошлого 780 году моих донесений: прибывшего ныне в Астрахань с кизлярским караваном тифлисского армянина, торгующего в Дербенте,

Апанья Захарова объявление при сем поднести честь имею.

Генерал-поручик Александр Суворов

19 января 1781 года

Астрахань

[Приложение]

В Дербенте и окрестностях оного между жителями известно, что армянин Никита Яковлев в проезд его из Баки в Кизляр захвачен был хан Магметом в сходство писем астраханского жителя армянина Миняя Степанова и по просьбе находящегося в Дербенте астраханского же татарина Наурзалея Иманкулова, который как за сие, так и за лишение оного жизни обещал хан Магмету 500 р. и в сходство сего обещания по имени наличных денег находящееся при нем кашенильское семя положил в заклад у дербентского жителя персиянина Магмеда Мувсаханова с тем, чтоб он вышепомянутые деньги заплатил хан Магмеду, который по получении оных, конечно, исполнил по условию в рассуждении жизни армянина Никиты Яковлева, если б оный, предварен будучи от некоторых знакомых, не ушел из-под караула в Дербент, где находился на поруке тамошнего жителя армянина Погоса, который как по прежнему знакомству с Никитою Яковлевым, так и по единоверию склонил дербентского Фетали-хана чрез подарки принять его до времени под защиту.

ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 194, д. 234, лл. 3—4.

№ 18

Р а п о р т

О новейших происшествиях в Персии собранные известия при сем вашей светлости поднести честь имею.

Генерал-поручик Александр Суворов.

26 января 1781 года

Астрахань

[П р и л о ж е н и е]

Прошедшего декабря месяца в половине шемахинский Агаси-хан и тарковокое Шемхала брат Бойнак имели съезд в Дербенте для соглашения с дербентским Фет Али-ханом к выступлению в поход против шошинского Ибрагим-хана и по утверждении сего согласия назначили собранию войска быть при городе Кубе расстоянием от Дербента в 180 верстах. Сего войска собралось до 8000, в том числе некоторая часть лезгинцев без найму, а из одной добычи.

Царь Ираклий отправил нарочного с просьбою к Соломону, царю имеретинскому, о высылке Александра, сына Бокарова, из Имеретии, который равно и ныне продолжает чрез лезгинцев в малых партиях делать разорения в грузинских землях, лежащих близ Имеретии, но об успехах сей просьбы еще неизвестно.

№ 19

Р а п о р т

В последствие отпращенных от меня вашей светлости 26-го минувшего генваря известиев следующие при сем имею честь поднести.

Генерал-поручик Александр Суворов

2 февраля 1781 года

Астрахань

[Приложение]

Царь Ираклий на посланное к имеретинскому царю Соломону прошение в ответ получил, что Александр, сын Бакаров, имеет пребывание в Имеретии ни для каких либо вредных или неприятных намерений против Ираклия, но единственно по одному единоверию, яко христианин, не имеющий пристанища; чинимые ж лезгинцами прабежи в Грузии как прежде, так и ныне единственно по склонности сего народа к добыче происходят, а не по наущению Александра.

Назначенное собрание войск от ханов дербентского и шемахинского при городе Кубе продолжается поныне; выступление ж оных в поход якобы имеет быть в исходе сего февраля месяца. Адиатхан рященский отдал свою дочь в замужество за Ахмамат-хана астрабацкого, бывшего пред сим с войском в Ряще, а сестру оного взял за своего племянника.

№ 20

Р а п о р т

Новейшие известии, собранные при сем, вашей светлости поднести честь имею.

Генерал-поручик Александр Суворов

16 февраля 1781 года

Астрахань

[Приложение]

Ибраим-хан шошинский, уведомлен будучи о неприязненных против себя намерениях дербентского и шемахинского ханов (клонящихся к вырубке содержавшегося в Шоши-Кале бакинского Мелик Магмед-хана) и предваряя исполнение сего намерения добровольно отпустить Мелика-хана, которой в исходе прошедшего месяца по тринадцатимесячном заключении прибыл в Баку и вступил по-прежнему в правление оным городом и принадлежащим уездом, касательно ж по сему до войска, собранного ханами дербентским и шемахинским, оно поныне имеет пребывание при городе Кубе.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 234, лл. 9—10.

№ 21

Р а п о р т

После отправленных от меня вашей светлости 16-го числа настоящего месяца известиев следующие при сем имею честь поднести.

Генерал-поручик Александр Суворов

23 февраля 1781 года

Астрахань

[Приложение]

Адиат-хан рященский, вступя в общий союз с ханами шемахинским, бакинским и дербентским, заключенный против шошинского Ибраим-хана, отправил от себя нарочного чиновника для соглашения к походу в Карабах за деньги лезгинцев; сам же со своим войском до 4000 выступил из Ряща и находится ныне при городе Эрдевиле, лежащем по дороге к Карабаху.

Ибраим-хан шошинский, требуя под пристрастием некоторой суммы денег от Мелика Есяя Дузагского и сим мучительством умертвил он его, а после, спустя чрез месяц, таким же образом поступил и с меликом Вахтагом, преемником Есяя; сим тиранством приведены будучи в страх мелик Атам Чарапертки и мелик Есюп Игермидарокний по крепкому местоположению их жительства явно отложились от повиновения Ибраим-хану, а отдались в протекцию царю Ираклию.

ЦГВИА СССР, ф. 552, д. 234, лл. 11—12.

№ 22

Р а п о р т

Вновь собранные о Персии известия вашей светлости имею честь приложить.

Генерал-поручик Александр Суворов

9 марта 1781 года

Астрахань

[П р и л о ж е н и е]

Гусейн Али-хан эриванский отправил нарочного чиновника с прошением к царю Ираклию о возвращении забранных им из-под Эривани в бывшей прошлого года в мае месяце поход нескольких кибинок подданных его персиян, кочующих с того времени поныне близ Тифлиса; на просьбу сию Ираклий хотя и согласился, но с тем, чтоб возвращение оных к Эривану было по собственному их произволению.

Адиат-хан рященский, выступивший с войском в Карабах против шошинского Ибраим-хана, дошедши до города Эрдевиля, возвратился обратно по причине учиненного талышинцами бунта, а по усмирении оных следовал уже в Рящ.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 234, лл. 13—14.

№ 23

Р а п о р т

После отправленных от меня вашей светлости 9-го числа сего месяца известиев новейшие у сего имею честь приложить.

Генерал-поручик Александр Суворов

16 марта 1781 года

Астрахань

[П р и л о ж е н и е]

Собранное при городе Кубе от ханов дербентского и шемахинского войско в начале сего марта месяца выступило в поход, восточство прежде поло-

женного между сими ханами условия, против шошинского Ибраим-хана; предводительствуют же оным помянутые ханы каждой особо своею частию.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 234, лл. 15—16.

№ 24

Р а п о р т

В подтверждение показания генжинского армянина Никиты Яковлева, отправленного при моем допесении от 28 декабря прошлого 780 года, отобранное от прибывшего сюда из Дербента кизлярского жителя Аджи Карагоса объявление и другие известии у сего вашей светлости поднести честь имею.

Генерал-поручик Александр Суворов

23 марта 1781 года

Астрахань

[Приложение а]

Прибывший из Дербента кизлярский житель Аджи Карагас показал:

В бытность мою в Дербенте засвидетельствовал я, по просьбе находившегося там генжинского армянина Никиты Яковлева, объявление тамошнего жителя муллы Абакер Ибраима, имеющего от Магмет-хана (шурина дербентского Фет Али-хана) особую доверенность по письмоводству, которое в том состояло, что означенный армянин Никита Яковлев задержан был Магмет-ханом восточство писем астраханского жителя Минаса Степанова и по проiscaм астраханского татарина Наурзалея Иманкулова, ко-

торый притом старался согласить Магмет-хана, чтоб лишить жизни его, Никиту Яковлева, находя к сему удобный случай выезд из Дербента, с обещанием за сие уплаты деньгами, а что мулла Абакер Ибраим не согласился к лучшему уверению сего объявления дать от себя письма, то по прямой его признательности опасался единственно в случае узнания за то от Магмед хана и Фет Али-хана наказания, при всех же сих его объявлениях находились еще терского войска дворянин Алиш и армяне генжинский Гакаяс Петров и тифлисский житель Антон.

[Приложение б]

Выступившее в поход против шошинского Ибраим-хана союзное дербентского и шемахинского ханов войско возвратилось обратно, по причине происшедшего между сими ханами несогласия.

Адият-хан рященский по увеличивающемуся смятению между его подданными в Ряще принужден из оного выехать и ныне пребывание имеет в порте Земзели, расстоянием от Ряща в тридцати верстах.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 234, лл. 17—19.

№ 25

Р а п о р т

С полученных мною от находящегося в Нахичеване армянского архиепископа Иосифа и от пребывавшего в Араратском монастыре Эчмиадзине патриарха Симеона (умершего в прошлом 780 году июля 26-го дня) писем перевод и надлежащее к оным позволение, объявленное архидиаконом Аветиком, у

сего рассмотрению вашей светлости поднести честь имею.

Генерал-поручик Александр Суворов

15 апреля 1781 года

Астрахань

Приложение а]

Объявление, объявленное прибышим в Астрахань от армянского архиепископа Иосифа архидиакономом Аветиком

В бывшую прошлого 780 году между эриванским Гусейн-ханом и грузинским царем Ираклием войну лезгинцами и другими горцами, по найму от стороны Ираклия в том походе бывшими, разорены и разграблены многие христианские селения, в том числе и тридцать церквей, принадлежащих к армянскому монастырю — Эчмнадзину, так что церкви сии находятся ныне совсем пустые и не осталось в них ни утвари и ни же икон божиих, чрез что причинилось сему монастырю убытка до двухсот пятидесяти тысяч рублей, кроме того, что церковные служители и другие многие, веру христианскую исповедающие, от того нападения принуждены были, оставя все свое имение, спастись убежищем в самой монастырь, а прочие, не могли уйтить, забраны лезгинцами ж и грузинами в плен, где, будучи от недостатку пищи и от чинимого тиранства многие лишились жизни; оставшия ж затем разорением лишены будучи всего имения, даже и нужнейшего не имея пропитания, снабждаемы были из наличной при монастыре суммы, а по истощении оной прину-

ждено было собирать уже в других городах, принадлежащих туркам, как-то: Карсе и Эрзероме от добротных и усердных к монастырю дателей, на какую сумму выкуплено от грузин до пятисот душ из плена, прочие ж отведенные лезгинцами и грузинами пленными в их жилища, поныне там пребывают. Подобного сему разорения по неимению ни с которой стороны христианам покровительства и защиты всегда ожидать должно и они, слыша о покое переселившихся из Крыма, избавившихся от рабства христиан, не ведают как себе оное получить и, опасаясь вящего гонения, остаются в претерпении бедственной жизни; ныне же хотя царь Ираклий по смерти сына своего Левана, воспоследовавшей в 7-й день февраля сего году, намерение имеет тех в плен забранных безвинно христиан, освобождая, отпустить в прежние их селения, но действительно ль получают они свободу неизвестно.

[Приложение б]

**Высокопревосходительному милостивому государю
Александру Васильевичу**

Чувствуя вашего высокопревосходительства ко мне милости, должным признаюсь пред престолом Божиим навсегда за вас бога молить, чтоб вам одарил всемогущий при всех благ и долгие веки.

Естли ж, ваше высокопревосходительство, удостоите о мне нижайшем быть сведомы, всепокорно донести честь имею, по моему долгу и с позволения его светлости нахожусь я в Нахичеване, где нашел

нации нашей, поселившихся там, весьма в прескудном и сожалетельном состоянии, о чем много соболезную, но в помочь сему рассудил отправиться в Екатеринослав к господину губернатору к Василью Алексеевичу Черткову, от коего по моим просьбам возможное получено удовольствие, а что ему собою невозможно было, о том от обоих нас представлено к светлейшему, на что ожидаем повеления, чрез что господину губернатору я много и чувствительно обязан благодарностию.

Получил я от святейшего патриарха армянского, господина моего, на имя вашего высокопревосходительства письмо, которое при сем препровождаю, из которого сонзволите усмотреть отчасти несчастие земли нашей и святейшего патриарха, а аккуратно можете быть сведомы от подателя сего, конечно, не оставите сожалеть. Аветик архидьякон, наш сын, изъяснил нам о человеколюбии вашего высокопревосходительства, оказанном ему и всей нашей нации, чем я много обрадован. И о должном будучи, приношу вашему высокопревосходительству мою чувствительную благодарность. При сем покорнейше прошу и впредь иногда по нуждам моим и нации моей возможною милостию не оставить при мире: божеское благословение подношу ее высокопревосходительству супруге вашей, препоруча вас в сохранение божьей сильной руке, впрочем препоруча себя в вашу неперемьную милость, пребуду в жизнь мою вашего высокопревосходительства милостивого государя богомолец смиренный Иосиф архиепископ в России армянской нации.

(Приложение в)

Императрице [Екатерине]

Чадам и внукам и всем наследникам импера-
торским [благославление]

Александрю Васильевичу Суворову

Иисуса Христа раб Симеон апостольской церкви свято христосошедшего великого престола Эчмиадзина, от армянского патриарха грамота любовию благословением всеми имеющими во святом сем престоле Эчмиадзине святых мощей много трудящего отца нашего святого Григория и святых дев Рипсимии и Каянии. Желая неисчерпимо милость Божию многопохвальному и высокопочтенному храброму высокопревосходительству генералу-поручику и кавалеру и богом сохраненным его детям истинным приятелям и друзьям под руководством подкомандующим навсегда аминь.

Буди известно вашему боголюбию много оказанные милости нации нашей народа крымского, обязан я при сем принести мою благодарность, ибо известен я сколько много вашей добродетельности было к ним, подробно уведомил меня душевный сын наш Иосиф преосвященный, что свято благопоществовали притчинствуя избавлением от рабства и от которого избавя выводом находятся вольными под покровительством благо снисхожденной щедрой матери милостивой великой [императрицы] снабдены многими милостями, пользуясь выгодами, пребывают довольно благодарными, молят всевышнего за здравие щедрой матери милостивой [императрицы] и ее [чад] и вас благопочтенного, как вы были причиною

их избавления и благополучия пишут к нам благодарность и мы известны точно о любви и милости как к престолу Эчмиадзину к нам и нашей нации имеете, и усердствуете всегда помогать нам добродетельностию, почему и мы вам боголюбивому много благодарны, и за такую великую милость нации нашей много я обрадован, не упустил со всеми братья молить всевышнего пред святым престолом, прося всемогущего о пребывании во всяком благополучии щедрой матери милостивой великой [императрице] и наследников ее боже благослови и усиль всеми силами, сохрани на долгие веки мирно пребыванием, украси всеми душевно спасениями, телесно вяще почтением. А как причиною их благополучия вы, паки повторяем наше благословение напротиву вашей к нам добродетельности, воздай вам всевышний душевно и телесно, и как вы их от неосносного ига избавя, благодетельством притчинствовали, вас избави боже всяких душевных и телесных злоприключений, навсегда пребывая в благополучии и вящем сане упрашиваю вас боголюбивого ту милость навсегда над ними иметь, сугубо пожелав им к пребыванию возможное благополучие, и тем более явить богоугодную добродетельность, чтоб чрез эхо их благодетельного пребывания обратить и других прибежище сыскать в сей богом благословенной земле день от дня милость над нацией моею иметь прошу, колми паче естли и трафитца вам инде отлучка где б то ни было беспомогательной нацию мою защиты человеколюбно не оставить, сыскав ту от вас милость и дар успокоиться беспокойств своих, и благословит бог учрежденную самодержавнейшую великую [императ-

рицу], чад, внучат и наследников императорских, а вас прошу еще истинную и сущую любовь, милость и дружбу к сему святому престолу и к нам иметь навсегда, и удостоя писанием обрадовать и иметь нас в памяти. Если соизволите быть известным о нашем обстоятельстве и о разном соболезовании душевной сын наш Иосиф архиепископ уведомит вас, которого препоручаю в вашу милость, буди богом сохранны и с вашими всеми навеки благополучно аминь. Писано в лето г-дне 1780 году июля месяца 21-го дня.

Христосопедшего престола всей Армении Эчмнадзин.
ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 234, лл. 20—24.

№ 26

Р а п о р т

Вновь собранные о Персии известии у сего вашей светлости поднести честь имею.

Генерал-поручик Александр Суворов

11 мая 1781 года

Астрахань

[Приложение]

Пребывающий в Ширазе Керим ханов брат Садых-хан по приведении к окончанию прежде бывших с Али Мурат-ханом сердаром военных действий управляет ныне спокойно, не принимая, однако ж, на себя векирского названия. Касательно ж до Абулфати-хана сына Керим-ханова, оной по оказанной прежде своей склонности к роскоши и нетрезвой жизни, находясь тож в Ширазе, не имеет в управлении никакого участия.

Адиат-хан рященский по дружбе и усердию к Али Мурат-хану сердару, пребывающему в Испагани, послал в подарок вещей суммою до шестидесяти тысяч; сердар со своей стороны обещал для всегданего защищения Адиат-хана послать к Рящу своего войска до трех тысяч, но Адиат-хан отозвался ему благодарностию, уведомляя его, что он ныне в покое, прося притом при будущем впредь востребования оным не оставить.

Александр, сын Бокаров, пребывавший пред сим в Имеретии у царя Соломона, не имея надежды получить от оного совершенное пособие к производству своих намерений, в рассуждении Грузии выехал из Имеретии, в лежащий близ границ оной город Ахалцых, принадлежащий туркам.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 234, лл. 25—26.

№ 27

Р а п о р т

После отправленных от меня 11 числа сего месяца вашей светлости известиев следующие у сего имею честь поднести.

Генерал-поручик Александр Суворов

25 мая 1781 года

Астрахань

Приложение

Находящийся ныне в турецком городе Ахалцыхе Бокаров сын Александр, согласясь с пребывающим тамо начальником, делает на границе земли грузин-

ского царя Ираклия его подданным великие разорения.

Вновь примеченное Аднат-ханом рященским от его подданных талышинцев возмущение понудило его искать к защищенню себя помощи от Али Мурат-хана сердара, всходство прежнего с ним дружеского условия.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 234, лл. 27—28.

№ 28

Р а п о р т

Вновь собранные о Персии известии вашей светлости имею честь приложить.

Генерал-поручик Александр Суворов

27 июля 1781 года

Астрахань

[Приложение]

Шошинский Ибраим-хан, ведая о богатстве владеющего в Карабаге варадинского мелика Исяя, в минувшем мае месяце призвав одного к себе якобы в гости, желал узнать о количестве его капитала, но как сей мелик Исай добровольно ему не признался, то он, вознамерясь овладеть его имением, приказал допрашивать его пристрастно, о чего признанием одного последовала смерть; хотящий же присвоить его богатство своему владению Ибраим-хан чрез сие себя удовлетворил.

Владеющий в области Шеки Кабала-хан Гаджикадыр за его тиранствы, оказываемые к своим под-

данным, по просьбе оных родным его братом в половине прошедшего июня убит и по смерти оного управляет тою областню реченный брат его.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 234, лл. 35—36.

№ 29

Р а п о р т

Поданное мне армянина Елдера Хайдарова от жены Марьи Герасимовой дочери письмо, изъясняющее обиду, причиненную на немалую сумму реченному мужу ее, жительствовавшим в десяти верстах от Дербента Мамет-ханом, по пронкам и наущению астраханского татарина Иманкулова, представляю у сего высокому рассмотрению и покровительству вашей светлости.

Генерал-поручик Александр Суворов

8 августа 1781 года

Астрахань

[Приложение]

Ваше высокопревосходительство!

Премилосердный государь и щедрый отец

Александр Васильевич!

Муж мой, именованный Елдер Хайдаров, и с племянником моим Петром Ивановым своим домом, садом и хлебопашенною землею жительство имели в городе Дербенте, и назад тому до прибытия во оный Дербент российской армии лет с семь в то время оный мой муж торговал разными камнями в персидских городах, а я оставалась с тем моим племянником Ивановым до тех пор, пока вступил во оный

город Дербент господин генерал-поручик и разных орденов кавалер Иван Федорович Демедем с армиею и в то время соизволил дербентского хана испрашивать, чтоб тою армиею чем продовольствовать, почему еще и до собрания к тому хану для того продовольствия людей показанный племянник Иванов, хотя быть верноподданным для той армии, иметь старание к нему господину генерал-поручику Демедему и явился и вове то время для оной армии службу и продолжал, о чем и имеет от него господина генерал-поручика и кавалера Демедема аттестат, который и ныне находится в Санкт-Петербурге.

А прошлого 780 года означенный мой муж приехал из Персии в Дербент с тем, чтоб отправиться ему для общего жительствова в город Кизляр, почему и прилучился тут быть российский подданный астраханский татарин Наврузали Иманкулов, которой и прежде показанного моего мужа в Гиляне и Дербенте, что он каменьями торг производит знал и просил его, нет ли де у него какого камня, чтоб ему в продажу уступить, почему он, ему, Иманкулову, разные каменья и крупный жемчуг выняв из-за пазухи, и показал, и притом объявил, что де и еще есть зашитый в ветхой шапке за околышем большей камень не продажный и только для того, что оный хотел вывести в Презент ко двору ес величества, но однако, из ласкательства его, Иманкулова, то есть, что он состоит российским подданным, да к тому ж и по-прежнему приятству, выняв из оного околыша, показал же и как оный Иманкулов, увидав оные каменья и жемчуг, то в тож самое время, сев на лошадь, и поехал в состоящую от Дербента в десяти

верстах крепость, в коей жительство управляет дербентского хана шурин Хамамет, а для чего неизвестно и потом приехал обратно в Дербент.

А как по выезде показанного мужа моего и с находящимся тамо с посланным от вашего высокопревосходительства для некоторого дела человеком Никитсю Яковлевым из Дербента, то оный Иманкулов провожатому при нем татарину Ажигу-беку дал запечатанное, неведомо какое письмо, и как мы в состоящую от Дербента в десяти верстах крепость приехали, то оный татарин Ажигу-бек показанное письмо того дербентского хана шурину Хамамету и вручил, который в тож самое время распечатав, и прочел и, прочтя оное, неведомо по какому случаю того посланного от вашего высокопревосходительства человека ограбя, приказал связать и посадил в цепь, а у показанного моего мужа, как предвидится о тех камешьях и жемчуге кроме его, Иманкулова, никто не ведал, оный Хамамет и его ограбил же, и те камешья и жемчуг у него весь без остатку отняли и по отнятии тою шапку и одежду обратно отдали, почему оный мой муж и отправился в Кизляр, а показанный Никита Яковлев остался у них в той крепости в руках.

И сего ради вашего высокопревосходительства я, бедная, и с детьми моими всенижайше рабски прошу приложить свое отеческое старание, потому что подано от меня нижайшее о том происходимом деле его высскородно правящему здесь губернаторскую должность господину статскому советнику и кавалеру Михайле Михайловичу Жукову прошение, за что я, нижайшая, за ваше высокопревосходительство и с

малолетними моими детьми должна вечно бога молить и имя вашего высокопревосходительства всегда прославлять.

Вашего высокопревосходительства всенокорнейшая раба и вечная с детьми моими богомольщица Марья Герасимова дочь.

Июля 1781 года

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 234, лл. 37—39.

№ 30

Р а п о р т

Новейшие известия о происшествиях в Персии вашей светлости у сего честь имею поднести.

Генерал-поручик Александр Суворов
19 октября 1781 года

[П р и л о ж е н и е]

Князь Александр, сын Бокаров, пребывавший пред сим в городе Ахалцыхе, принадлежащем туркам, в надежде получить от Порты какую-либо помощь в рассуждении Грузии, но не имея в намерениях своих желаемого успеха, в исходе прошедшего августа месяца возвратился обратно в Имеретию к царю Соломону, у коего поныне пребывает.

Умершего астрабатского сердара Магмед Гасана меньший сын Мустафа Кулы-хан, управляющий в отсутствие брата своего Ахмамат-хана Астрабатом и Мазандреном, по прибытии в Астрабатский залив российских фрегатов отправился в Шираз к Садыхану якобы для истребления от него войска.

(Сей слух по Астрахане недавно разнесся).

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 234, лл. 50—51.

№ 31

Р а п о р т

Следующие известии при сем вашей светлости поднести честь имею.

Генерал-поручик Александр Суворов

2 ноября 1781 года

Астрахань

[Приложение]

Находившийся в числе войска бывшего у Аднат-хана рященского для помощи ему в получении по прежнему его владения от управляющего оным Ах-мамат-хана по найму лезгинцы при следовании к своим жилищам в землях, принадлежащих грузинскому царю Ираклию, чинили некоторые грабежи и разорения.

Оказавшаяся пред сим в грузинском городе Тифлисе и околичностях оного моровая язва весьма ныне уменьшилась.

ЦГВИА СССР, ф. 52, д. 234, лл. 54—55.

II. ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА Е. ЛАЧИНОВА ОБ АРМЕНИИ*

20 июня. Гор. Эривань [1827 г.]

3 июня мы выступили из Амамлов; на другой день транспорт переправили через гору Памбу, при спуске с которой обогнал нас главный отряд, состоящий под личным предводительством главнокомандующего, генерала Паскевича. Простояв потом несколько дней в Судагенте, пустились далее и 15-го числа подошли к Эривани.

Нашему полку приказано сменить храбрых ширванцев, и в продолжение ночи все посты, стрелки и секреты разведены по местам.

Крепость расположена между горами, почти со всех сторон господствующими над нею; от равнины же находятся два кургана, тоже ею командующие; из них ближайший к крепости называется Ираклиевым, другой — Изменничьим и Змеиным. Кажется, в окрестности нельзя было для построения крепости выбрать место невыгоднее того, на котором стоит Эривань. Фигура ее изображает род квадрата, неправильно начерченного; западный бок висит над утесом Занги и составлен из ломаных линий, образуемых изгибами реки, которая со скалистыми берегами своими представляет естественный непроходимый

---

* Печатаются с некоторыми сокращениями. Примечания к тексту принадлежат Е. Лачинову.

ров, а за нею стелются сады*. Из траншей, там устроеной, цепь 40-го егерского полка мешает жителям сходить к реке, к коей они спускаются под защитою прикрытого пути, выходящего из рва от юго-западной башни; в воде же они нуждаются с тех пор, как испорчены каналы, проведенные в крепость. Северный фас прилегает на ружейный выстрел к форштату; выточный — к садам, занимаемым Крымским пех. полком; но с южной стороны осажденные имеют несколько более свободы и выходят за стену погребать умерших и выгоняют скот на паству, не слишком опасаясь стрелков наших; картечными же выстрелами их только изредка пугают. Без сомнения, при настоящей осаде их совершенно сожмут и тогда-то посмотрим, долго ли выдержат они. Сии последние три бока составлены из дугообразных линий; середины северного и южного прикрыты люнетами, а восточного выдается несколько вперед, образуя род прямоугольной башни, коей фронт несравненно длиннее фланков. Длина каждого фланка крепости менее 250 саж., ров и гласис окружают сную. О ширине и глубине рва ничего не знаю, но говорят, что некоторые части оного напускаются

---

* Между ими первое место занимает сад сардара: одна половина оного наполнена различными плодовыми деревьями, а другая разбита на правильные широкие аллеи, обсаженные тополями, куртины же заняты виноградом. В саду находится беседка, большая комната украшена картинами и портретами, сделанными в стенах и куполе. Картины дурной работы, но бордюр раскрашен прелестно, синею и пунцовою красками с золотом; бассейн и фонтан сделаны из мрамора. Беседка и украшения оной много повреждены; я не видел ее сам и по слухам рассказываю об ней.

водою. Стена построена из глинистой земли с камнем и потому не легко будет разрушить и от выстрелов; высота оной[•] более 5½ саж. За сею стеною видна другая, выше первой, и обе имеют на каждой стороне по несколько башен, большею частию круглых.

Не могу ручаться за верность моего описания и особенно за точность измерений, потому что я издали осматривал крепость и по глазомеру сужу обо всем. Впрочем надеюсь, что большой разницы не будет. Внутри укреплений видны две мечети и много других строений: дом сардара, гарем его, а также и частных людей дома, составляют западный фас, который не имеет другой стены.

Форштат, или, лучше, город Эривань лежит по скату гор, примыкая западною стороною к Занге. Улицы или, правильнее, переулки узки, кривые; местами есть тротуары, но огромные камни лежат на середине и незаметно следов устройства; высокие стены останавливают взоры и напрасно любопытные искали бы в окнах прелестных глазок — почти все дома выстроены на дворах, внутренность коих лучше улиц, оттого, что каждый, по возможности, заботится о себе, а никто не печется обо всех. Разумеется, архитектура персиян далеко отстала от нашей, но лучшие строения и украшения оных имеют в своем роде свое хорошее. Небольшая дверь с улицы ведет через нижний этаж, в котором размещены конюшни и т. п., на четырехугольной дворик, обнесенный строением; тут находится бассейн или устроен фонтан и разведены цветники. Чем богаче и пышнее хозяин, тем более таковых отделений.

Взойдя на несколько ступенек, вы в коридоре и по обеим сторонам комнаты, из которых немногие имеют между собою прямое сообщение и почти каждая свой особенный выход в сени. Парадные покои хорошо выштукатурены, попадаются раскрашенные бордюры и ленная работа на карнизах, а резьба на дереве украшает внешнюю сторону окон. В трех стенах комнаты делаются двери, камин, впадины для помещения разных вещей; сторона от дворика оставляется для света и воздуха. Иногда одна подъемная рама (разделенная на небольшие четверугольники, в которых вставляются стекла разных цветов) занимает всю стену; иногда делают род итальянских окон; иногда же вся сторона сия оставляется совсем открытою и холстинные навесы на блоках растягиваются к бассейну и, не заслоня ветра, защищают от солнца. Рядом с сею приемною видите другую, как будто недоделанную: стены вымазаны неровно серой глиной с соломою и ни малейшаго украшения, даже свет входит в отверстие, сделанное в потолке; все дурно и бедно, тут же дверь в кухни и другие рабочие комнаты — и это, конечно, не то приятное разнообразие, которым умеют нравиться искусные строители. Женщинам отводятся самые отдаленные пещеры, и на оные кажется не обращают большого внимания при отделке домов; надобно думать, что они сами убирают разными материями и собственным рукодельем жилища свои, которые без того несколько не похожи на будуары Граций. Крыша насыпается землею, и на ровную поверхность ее изнеженный хозяин выходит в приятную погоду любоваться зрелищем окрестностей, из которых многие

сим только образом и знакомы ему... Пол вообще везде земляной и ковры заменяют паркет: большой ковер расстилается посередине, а около стен кладутся узкие, длинные войлоки из верблюжьей шерсти; о достоинстве персидских ковров говорить нечего — оно всем известно. Без сомнения, не все дома расположением походят на это описание, но и различные не елишком велико. Встречаются также строения, не обнесенные стенами, но, по-видимому, оные принадлежат людям недостаточным, которые, не имея средств содержать гарем, менее терзаются ревностью и не столько нуждаются в мерах осторожности, ею изобретаемых. Природа извлекает из собственных чувств человека наказание тому, кто, думая увеличить свои наслаждения, преступает ее законы. Огромный караван-сарай (гостинный двор), со множеством лавок, показывает обширность торговли эриванской — но не шум торгующих раздается теперь в пустевших сводах его. В магометанском монастыре заслуживают внимание просторная мечеть и высокий минарет, на который взобравшись по узкой, крутой лестнице, можно видеть все укрепление и даже внутренность оных. Мечеть составляет один бок монастырского четверугольника, коего три прочие стороны занимают жилища; посреди двора большой водоем обсажен прекрасными ветвистыми деревьями. Впоследствии я надеюсь распространить мое описание и подробнее рассмотреть; теперь же прибавлю только, что есть много домов по-здешнему хороших, и амфитеатральное их положение довольно красиво.

Между строениями разведены сады, которые,

разнообразия обичий взгляд на город, очищают несколько воздух, заражаемый при тесноте зданий неоприятностию обывателей. Смородина, крыжовник, вишни, сливы, яблоки, шелковица, виноград, персики, абрикосы и другие плодовые деревья наполняют оные; различные цветы служат им украшением и силою запаха побеждают сгущение атмосферы: мы застали уже последние остатки и ничем не наслаждались, ничем не пользовались. Мне случилось найти одну розу — сиротку, но и сия красавица садов, сия прелестная любовница соловья (если верить словам Хафиса и других персидских стихотворцах) не имела ни блеска, ни запаха, которым отличается роза Востока. Может быть, она увядала, тоскуя о любезном своем изгнанном беспрестанною стрельбою, быть может причиною томления было забытие водопроводов, идущих в крепость, из которых проведенные ручейки спешили прежде орошать растения, им порученные, и тем спасти их от жажды, во время продолжительных засух. Та или другая причина преждевременной смерти розы, но все война погубила ее. Но одни ли розы страдают от войны? И величественный дуб, сраженный, лежит в отверстую бездну, и сила его не спасает. Не только нежность и красота, но и крепость с могуществом платят неизбежную дань Беллоне жестокой. Во время борьбы народной лишь тот может надеяться выиграть, кто сам не боится потерь.

18 июля. Лагерь при ур. Джангили

Первый батальон нашего полка, занимая г. Эривань, размещался в магометанском монастыре, ка-

раван-сарай и нескольких домах; второй же, большую часть в балаганах, не за недостатком квартир, но по военным соображениям. Расположение наше было выгодно во всех отношениях. Строения прикрывали взаимное сообщение наше, защищали секреты и стрелков, которые наблюдали движение неприятеля и, заметивши слишком отважных, выстрелами напоминали им об опасности и тем стесняли выход их в поле; некоторые даже кровию заплатили за свою смелость, тогда как пули осажденных свистали чрез ограды над головами нашими, без малейшего вреда. Надобно, однако, отдать справедливость ловкости персиян в ружейной стрельбе: они часто удивляли нас меткостью своею и хотя пробили только одну шапку на солдате и одного ранили из всего отряда, но многие случаи показывали, что тем не кончилось бы, если бы мы не были так хорошо закрыты. Случались нередко перестрелки и с секретами их в тех местах, где оные могли выходить за укрепления, но и перестрелки эти оканчивались без урона. Ночью заметна была большая осторожность со стороны осажденных: несколько раз с факелами сбходил дозор по стенам; сверх того, бросались в ров и на гласис зажженные пламенники и отблеск разливался далеко по форштату.

Команды наши ходили в окрестности косить траву и пшеницу, которую мололи ручными жерновами; за неимением же лесу вынуждены были на дрова выламывать дерево из строений и оттого в продолжение двухмесячной блокады почти все ближайшие дома к занимаемому постоем потерпели разорение, а также пострадали и многие деревья в

садах; но когда война не влечет за собою разрушений? Видя, что стеснение, в котором содержатся осажденные, причиняет между ими значительную смертность (они по десяти и более умерших выносили на кладбище), нельзя было не думать, что крепость немедленно сдастся, как скоро действия осадных орудий убедят сардара, что решительно предположено взять Эривань, что прежнюю неприступностию своею она единственно обязана благоприятным для нее обстоятельствам, но что ныне настал час ее и ему не удастся долее торжествовать отступление русских от твердынь ее. Бог судил иначе.

Видали ли вы как умирающий борется со смертию? Смотрите на отчаяние семейства его: оно потеряло последнюю надежду. Вдруг искра жизни затлелась в больном, и оживились радости сердца друзей его; но обманчивы их ожидания. Это была последняя вспышка догорающей лампы, после которой наступает совершенная темнота. Страдающий не существует более — и луч мелькнувшей отрады усилил только горечь сетующих. Человек всегда охотнее верит мечтам, для него лестным, нежели истине неприятной. Так и наше отступление от Эривани поманило жителей ее мгновенным веселием и тем чувствительнее будет для них невозможность противустоять оружию русских. Но что заставило нас снять блокаду? Мы не нуждались в продовольствии; неприятель не сделал ни одной вылазки, и видимая слабость гарнизона вселила такую отважность в наших, что самый робкий из рекрут был твердо уверен, что сражение есть уже победа для нас, и каждый с нетерпением ожидал осадной ар-

тиллерии, необходимой для покорения крепости, неприбытие которой останавливало дальнейшие предприятия наши.

Квартиры наши были удобны, и только мухи и злая мошка ужасно беспокоили нас, но еще не было заметно вредного на здоровье влияния жара; так продолжалось четыре дня; между тем главнокомандующий со своим отрядом пошел к г. Нахичевани. Вдруг солнце персидское, воздух, вода вооружились против нас — и открылись болезни. В день более 10 чел. из роты поступало в лазарет; желчная горячка начинала свирепствовать, и 21-го числа получено повеление ночью оставить форштат и все занимаемые места, и на другой день весь отряд отошел к Эчмиадзину. Отступление произведено беспрепятственно, а только издали заметно было, как осажденные кучами стремились на высоты, чтоб видеть радостное для них событие. Они кажется не верили глазам своим и, подозревая военную хитрость со стороны нашей, боялись слишком дорого заплатить за минутную свободу свою. 23-го отошли мы верст 5 далее и перейдя через р. Абарань, расположились лагерем на правом берегу оной. Место сие было выгоднее того, на котором останавливались мы близ стен монастырских. Наконец, 30 июня пустились к горам по той же дороге, по которой шли из Грузии, и 1 июля, не доходя верст 10 до Судагента, стали при ур. Джангили, на левом берегу упомянутой же речки Абарани.

10 августа

Что за климат такой?

То солнце спрячется, то светит очень ярко;

То слишком холодно, то не по силам жарко.

Хотите ли знать о тысяче одной перемене в воздухе, которым подвергался я нынешнее лето. Театром наших наблюдений будет пространство от Джелал-оглу до Эривани, заключающее 149 верст. Вспомните, что из похода к авангарду полк наш возвратился 8 мая в Гергеры, и тут погода установилась теплая; даже на Безовдале стояло хорошее время, и весенние дожди оживляли растения; когда же пришлось нам вторично подниматься на сию гору с транспортом, то прекрасное утро превратилось в дождливый день. Сильнее и сильнее лился дождь; крупный град простучал головы, и, завернувши носы, карабкались мы на возвышенность; но на беду не от нас зависело ускорение марша: глинистый грунт первых подъемов растворился, и в целый день только часть обоза взобралась версты три, остальные же не прошли и того. Резкий ветер пронизывал нас сквозь мокрых ночей жались от холода несчастные, которым был постелью мох лесной, а свод небесный — кровлей. На третий день только все повозки перебрались через гору, а на четвертый прибыли в с. Амамлы, до которых от Гергер считается менее 30 верст. Тут опять было хорошо, точно так же, как и у вас бывает в исходе мая, только ночи здесь свежее несколько. Поднимаясь на Памбу и будучи окружены высокими горами, мы в продолжение дня чувствовали несколько раз перемену в температуре, смотря по тому, ярко ли сияло солнце или пряталось за облака, а об вечерах и говорить нечего: нельзя было забыть, что мы не на равнине. В Баш-Абаранской долине опять хорошо, и потом прибыли в Судагент. Это был уже июнь месяц, но

жары не начинались еще; а по вечерам и теплее одежда было не лишнею. Первый несносно жаркий день встретил нас, когда, обойдя гору Қарни-ярех, взошли на каменистую дорогу, о которой я говорил, и открылась вдаль Эчмиадзинская равнина. Перехода был не велик, но я жестоко изнурился, голова и внутренний жар сильно мучили меня, а к ночи ужасная боль, разлившаяся по всему телу, показала, что желчная горячка и меня посетить намерена. Всю ночь страдал я, но, к счастью, тут же сделался перелом, и на другой день я чувствовал только небольшую слабость. Знойный день, на дневке под Эчмиадзином, не имел дурного влияния на мое здоровье, а выгодная квартира в Эривани подавала надежду на скорое поправление; но слабость моя опять увеличилась, когда мы вышли в лагерь близ монастыря. Жестокая жажда томила меня и должно было противиться ей, чтоб утолением не привлечь болезни. В это время мне часто представлялось и я понял мучительное положение крестоносцев, которые среди палящего лета терзались жаждою и, находя только следы иссякших ручейков, не имели капли воды для освежения запекшихся уст своих — хотя настоящее положение мое не совершенно пиитическое, но здесь поневоле иногда ударишься в поэзию; пожалуйста, не браните меня за эти выходки.

Сильные ветры, иногда периодически, иногда изменяющиеся, почти ежедневно нам сопутствуют; они обыкновенно начинаются после полудня и, дует с различным усилием, бывают более или менее продолжительны; но нигде не были они так несносны,

как на спуске к монастырю и вообще в Эриванской равнине, где по качеству грунта поднимается ужасная пыль — свету Божия не видно; но ветры сии не прохлаждают атмосферы, даже ночи, вопреки свойству жарких стран, были длинны. Зной продолжался почти полсуток, разливал трепещущую мглу в воздухе и тускло виделись отдаленные предметы; самый Арарат при безоблачном небе скрывался, как бы в тумане. Какая-то тяжесть давила человека; никто не наслаждался полным здоровьем, и во всем отряде едва ли найдется десять таких, которые бы могли похвалиться, что от прибытия к Эривани до сего времени не чувствовали никакой болезни. Не легко представить, как тяжел для нас здешний климат и с какими трудностями и невыгодами сопряжены здешние походы и в особенности теперешняя война.

Какое удовольствие ощущал я по прибытии сюда! Все меня окружающее имело надлежащий цвет свой: и блестящая лазурь неба, и ясность окрестностей, и чистота воздуха, и прохлада — все обещало мне совершенное выздоровление; так и случилось — я скоро оправился. Весь июль мы не чувствовали больших жаров, но с началом августа оные приметно усилились; впрочем, дожди во все время освежают атмосферу; сильные ветры редки; вечера хороши; ночи иногда теплые, но не душные, чаще свежие, а несколько ночей было довольно холодных и даже замечены утренние морозы. Число больных значительно уменьшилось; однако надобно думать, что вода здешняя тяжела для употребления и вообще место сие кажется прекрасным

только в сравнении с Эриванским, но далеко отстает от мест истинно здоровых: видно, таких и не много в здешнем крае. Трудно поверить, как всякая малость в этом климате действует на здоровье и какую осторожность соблюдать должно для сохранения оного. Безделица, которая бы несколько не расстроила в России, причиняет здесь вред: заболеть очень легко, но выздоровление идет чрезвычайно медленно.

На запад от лагеря нашего возвышается гора Алагёз*, у вершины коего, в нескольких лощинах, и до сего времени держится снег; от подошвы его простирается довольно просторная равнина до р. Абарани, имеющей высокие, каменисто-обрывистые берега. На левой стороне речки лежит дорога наша к Эчмиадзину (до которого отсюда слишком 35 верст) и поднимается гора Карни-ярех, на скате которой растет мелкий лес. С севера гора Сачлы, из которой вытекает небольшая речка сего же имени, тут же впадающая в Абарань; берега оной при впадении также высоки и круты, как сей последней, и соединение сих двух речек делает фронт наш неприступным. В близком расстоянии от лагеря видны развалины старого селения Сачлы, мимо коего идет прямая выючная дорога на Эривань (не более 35 верст), неудобная для прохода артиллерии и тяжестей. Вдали на СЗ виден вход на Судагентскую долину, образуемый сближением гор в этом месте, разделяемых только протоком речки.

Вот коротенький взгляд (самому мне наскучивший) на воздух, воду и землю, которыми я дышал,

* Алагёз на турецком языке значит Божий глаз.

пользовался и проходил. Я не хотел надоедать вам метеорологическими наблюдениями и топографическими описаниями, а желал сказать, где я был и что было со мною. Кажется, скоро начнутся решительные военные действия. Что тогда будет — не знаю, но я желал бы, чтоб закат солнца догонял восхождение и восхождение мигом следовало за закатом, до тех пор, пока не возвратится ко мне прежнее счастье. Тогда, дорожка каждою минутою, скажу я: стой солнцу! Если же мне определено не видеть людей, для меня драгоценных и которым я тоже дорог, то чем скорее достигну я вечной квартиры, тем лучше.

Больше счастливый боится.

Чем несчастный — умереть.

В августе прошлого года дело мое уже приняло дурной оборот, и после того, какое множество случаев имел я хорошо узнать себя, во многих отношениях, не удалось, однако, настоящим образом испытать, сохраню ли присутствие духа, когда со всех сторон засвистят мимо меня пули, начнут валиться раненые и когда придется лицом к лицу столкнуться с смертью. До сих пор я не имел причины быть недоволен собою, но это может быть оттого, что не видая еще настоящей опасности. Если б я совершенно был лишен надежды, то не трудно было бы не дорожить жизнью и может быть я бы радовался даже, если б нашел свос; но теперь желал бы очень уцелеть, если не для себя, то для других. Впрочем, для всякого человека не смерть ужасна, но мучения, ей предшествующие, а я тем более боюсь их, что фи-

зические силы мои едва ли позволят терпеливо переносить операции медиков, и я охотнее соглашусь подвернуться под ядро, так, чтоб не успеть и ахнуть, нежели завести короткое знакомство с их ножами. Не вгнев Ивану Яковлевичу Руссо, который утверждает, что душевные болезни труднее переносятся, я скажу, что в отношении к исцелению немощей я надеюсь со своею душою скорее сладить, нежели с телом. Не оттого ли, что это лечение зависит более от меня, нежели от других и что при оном нужна не помощь, а иногда только содействие посторонних?

14 августа

Орудий заряженных строй
Стоял с готовыми громами;
Стрелки, припав к ним головами,
Дремали — и под их рукой
Фитиль курился роковой.

Жуковский

Спустившись с Безобдала, дорога уже небезопасна: шайки разбойников, убегая встречи с войсками, наскакивают на проезжающих в малом количестве, и несколько маркитантов пострадали за то, что решались ездить одни. На Баш-Абаране бродят толпы куртинцев, но и эти не осмеливались там нападать на транспорты, следующие с прикрытием, а один раз тоже разграбили и перебили грузин, возвращающихся из Эчмиадзина, и с тех пор никто не пускается на авось, а ожидают отправления военных команд.

От теперешнего лагеря нашего до равнины Эчмиадзинокой нет ни малейшего ручейка, и хотя до-

рога идет близ р. Абарани, но каменные берега оной так высоки и обрывисты, что с большим затруднением, и то не везде, можно спуститься вниз, а в камнях скрываются иногда засады, с которыми случались незначительные перестрелки. Дома, говорят, стены помогают, а потому и наши противники, находясь ближе к домам своим, оказывают более смелости и осмелились даже на этом переходе сделать нападение на роту, следующую с провiantом, но проба была неудачна.

Для защиты монастыря и больных, в оном находящихся, оставлены там 5 легких орудий и батальон пехоты, который через несколько дней сменяют, дабы не изнурять людей, долго держа их в таком месте, где жар несравненно сильнее здешнего, а пользуясь такими переходами батальонов, перевозят в Эчмиадзин сено для продовольствия лошадей при будущей осаде, а оттуда доставляют выздоравливающих. Транспорты сии состояются повозок из 150 и, растягиваясь по неудобной дороге, разделяют силы защищающих. 31 июля батальон выступил из монастыря и переночевал верстах в 15-ти, на другой день с рассветом пустился далее. При подъеме на первое возвышение замечены в тылу, на другой стороне реки, по дороге от Сардарабада, густые колонны пехоты, а в то же время казаки дали знать, что с правой стороны от Эривани показывается значительное количество конницы. Приготовясь к надлежащему отпору, батальон продолжал следование. В скором времени куртисцы усеяли окрестные высоты и, обозрев положение, с криком понеслись на арьергард и цепь

стрелков, рассыпанную по всему протяжению правого фаса, но, встреченные сильным ружейным огнем, удержали стремление свое и отделились к возвышенностям. Беспреданно возобновляли они нападения свои и беспреданно были отражаемы. Быстро и решительно пользовались местностью стрелки наши; смело и хладнокровно поджидали они наездников на самый верный выстрел и долго испровергали намерение их явиться впереди и замедлить ход наших — отделившиеся горы представили, наконец, куртинцам возможность, обскакавши вне выстрелов, стать на пути наших; но и сие движение не увенчалось ожидаемым успехом: авангард отбрасывал их далее и далее, по мере приближения своего, а равно и покушения кидавшихся на левый фас обоза были также неудачны. Между тем пехота неприятельская наступала наших, а подоспевшие уже 4 орудия, устрашаемые удачным действием артиллерии нашей, не приближаясь на картечный выстрел, действовали ядрами, из которых многие падали среди обоза; но, соблюдая в оном порядок, батальон продолжал идти под пушечными выстрелами и, ведя непрерывную перестрелку с кавалерией, до того места, где гора Карни-ярех мысом примыкает к дороге. Тут куртинцы прекратили атаки, продолжавшиеся от 5 часов утра до 11 и потянулись к пехоте своей, которая, зажегши степь, свернула к селению, на берегу Абарани лежащему.

Полагаю самым меньшим числом персиян было до 4 тысяч; наших же действовало оружием менее 550 чел. У нас ранено два рядовых и один получил

ленкую контузию от ядра; со стороны же неприятельской урон можно полагать до 50 чел.

Офицеры и солдаты действовали прекрасно. Севастопольского полка священник Тимофей Мокрицкий, находившийся в сем деле, разъезжал в цепи стрелков и увещаниями, а более примером своим, поддерживал мужество воинов; но, рассматривая обстоятельства сего дела, нельзя не заметить, что батальон сохранением своим более обязан мужеству и похвальным распоряжениям командующего оным майора Дрешерна.

После того мы узнали, что в окрестности Эчмиадзина прибыл наследник персидского престола Аббас-Мирза с многочисленною армиею, и с тех пор ежедневно видим зарево и пламя от сжигаемой травы: дым стелется по горам и даже ощутителен в нашем лагере. Колонны персиян бродят под Алагёзом, и 10-го сего месяца толпы кавалерии явились верстах в 3-х от нас, на противоположном берегу реки. Казаки понеслись к ним и хотя в непродолжительной схватке убили у них несколько человек и в том числе одного куртинца, владельца трех деревень, но они все еще держались. Когда же показалась пехота наша, то храбрость наездников остыла, и они начали отступать. Проводя их несколько верст, возвратились обратно, потому что каменная дорога воспрепятствовала дальнейшему ходу артиллерии, без которой нельзя было сделать нападения на огромный лагерь их, расположенный близ с. Ушагана, на правой стороне р. Абарани, имеющей в сем месте берега отлогие, представляющие удобную переправу на нашу эчмиадзинскую дорогу; воспользовавшись сим

случаем, генерал Красовский подошел с пехотою ближе и осматривал неприятельский лагерь.

Вчера с восходом солнца замечено, что неприятель окружил и намеревался сделать нападение со всех сторон на лагерь; но готовность наша разрушила замысловатые его предположения, а несколько пушечных выстрелов рассеяли лихих всадников азиатских. В это же время персияне думали остановить две роты с орудием, провожавшие тифлисского военного губернатора, генерал-адъютанта Сипягина, едущего в наш отряд; но и там их не хуже приняли и принудили проворнее убираться в горы. После обеда генерал Красовский с двумя батальонами и частью артиллерии разогнал толпы, оставшиеся в виду лагеря. Впрочем, этот день стоил нам нескольких казаков. Сегодня они тоже гуляют по возвышенностям, но смелость их и проворство коней уже известны — за ними не угонишься. Дня через четыре должна прийти осадная артиллерия, и скоро они должны будут на что-нибудь решиться. Посмотрим, что тогда предпримут.

[...] августа. Мон. Эчмиадзин

В последние дни пребывания в Джангили, почти ежедневно, видели на противном берегу реки толпы неприятелей: отважнейшие из них в малом числе подъезжали довольно близко к передовым постам нашим, заманивая казаков на засады, скрываемые в долинах. Вообще заметно было сильно желание их вступить в сражение, но не доставало мужества решительно напасть, и подвиги сих удальцов окончились тем, что они, наконец, и тут зажгли траву. Однако задымить нас не удалось им — ветер был про-

тивный; ночью же огонь, перебегая по сухой траве, представлял прекрасное освещение, напоминавшее... опять за воспоминания! Отделаюсь ли я когда-нибудь от этих воспоминаний? Может быть, легче было бы жить на свете, если б вместе с несчастием приходило и совершенное забвение минувшего. Как жаль, что история Астельфа не повторяется в существующем мире!

16-го числа 1-й батальон нашего полка*, один бат. Крымского, 40-й егерский полк, сот 5 казаков, 4 орудия батарейной роты, 6 легкой и 2 казачьей артиллерии, так, что весь отряд составлял тысячи три, вышли из лагеря к Эчмнадзину и остановились ночевать, не доходя до с. Аштарак. На другой день с рассветом пошли далее и, поровнившись с упомянутым селением, увидели значительное количество куртинцев, но цель наша была доставить помощь и продовольствие в монастырь, а обозы, связывая движение, не позволяли гоняться за неприятелем, и он оставлен в покое. Взойдя на высоты, откуда открываются отлогие берега Абарани, о которых я говорил прежде, можно было обозреть положение персиян: высокий курган, стоящий за рекою близ с. Ушагана и командующий дорогою на довольное расстояние, был покрыт палатками их; на оном и по берегу устроены каменные завалы; а несколько далее к садам Кизиль-тамура виднелся главный лагерь. Противники были уже на нашей стороне и, пользуясь волнистым местоположением, прикрывались высотами, по

* Второй батальон с последних чисел июля находится в монастыре для караула и выдерживал атаку персиян, пробовавших взять Эчмнадзин.

которым рассыпались. Прежде всего показалась кавалерия на правом фланге нашем, фальконеты на верблюдах взвезены на возвышенность и, после небольшой ружейной перестрелки, открыли огонь по транспорту нашему и колоннам, оный прикрывающим. Действие казачьих орудий не могло сбить их с выгодной позиции. Стрелкам 40-го егерского полка приказано исполнить сие. Ура, крикнули они, бегом пустились на довольно значительную крутизну — и снялась батарея, и рассыпалось прикрытие, и наши овладели местом.

Далеко вперед перебиралась конница через дорогу с правого на левый бок наш и кажется почитала себя безопасною; но батарейные достали их: быстрота заменила медленность; каждый в резвости коня искал спасение; однако некоторые вернулись, желая подобрать тела друзей и товарищей, перенесенных уже на крыльях смерти в жилище Гурий. До сих пор все похоже было на шутку, но движения войск неприятельских показывали, что скоро наступят минуты серьезные для обеих сторон. Спешенные всадники занимали боковые высоты; конница располагалась за скатами оных и по лощинам, к реке идущим; часть артиллерии свезена к переправе, а на возвышенностях, чрез которые лежал путь нам, стояли три линии пехоты. Несоразмерность сил была так велика, что нам, совершенно окруженным, оставалось последнее отчаянное средство — пробивать себе дорогу. Обоз наш протягивался версты на $1\frac{1}{2}$, а разделяя силы наши, чрезвычайно ослаблял оные; сильный пушечный огонь начался, когда мы пошли мимо кургана: ядра, гранаты (и даже несколько бомб)

полетели на нас. Часть выстрелов была направлена на стрелков, другая на колонны, а возвышенность батареи спасала оную от нашей артиллерии. Церемониальный марш этот был довольно тяжел, но, обозревая окрестности и соображая оные с положением неприятеля, надобно было ожидать, что впереди будет еще невыгоднее. Об маневрах нельзя было думать; огромные камни, ужасные спуски не позволяли свернуть с дороги, которая сама по себе и в свободное время с трудом проходима. Всякий видел это, видел также какое оружие нужно употребить, чтоб сбить многочисленный строй пехоты, нас ожидающей, — и на походе прикреплял оное к ружью своему. Не помог персиянам отлично поддерживаемый ими батальн. огонь; пуля дура, штык молодец — и дорога наша. Собрались расстроенные ряды противников, нагнули уже на арьергард наш и заднюю часть стрелков правой цепи, а всадники кинулись на стрелков левой стороны; артиллерия же располагалась так, что несколько орудий действовали по протяжению стрелковых цепей, а несколько по обозу и колоннам, фикошеты продольных выстрелов сих, повторяемых с чрезвычайною скоростью, падали даже впереди всего отряда, а картечь и град пуль осыпали охраняющих хвост оногo. Сначала довольно долго были видны войска неприятельские, ожидавшие нас на вершинках, в стороне от дороги; далее, конные толпы стали обгонять нас и, спешиваясь, производили ружейную пальбу; сарвазы же* и конница продолжали нападения свои. Запальчивы были натские

* Сарвазами называются солдаты регулярной пехоты.

их, батальный огонь не удерживал стремления; даже рассыпаемые картечными выстрелами, они вновь устраивались, и егеря более 10 раз принуждены были опрскидывать их холодным оружием. Жестокая борьба сия длилась уже часов восемь; солдаты наши, изнуренные зноем и еще более жаждою, приметно ослабевали; не было ни капли воды, чтоб оживить несколько силы. Растягивающий[ся] обоз, ломающиеся и подбиваемые повозки до чрезвычайности замедляли шествие. В арьергарде начинал сказываться недостаток в патронах, и 40-й полк сменен батальоном Крымского и двумя ротами 39-го егерского; подходя к речке в равнину, стрелкам приказано соединиться с колоннами, но утомленные не могли оторваться от воды. Тут надобно было ожидать, что неприятель, которого усилия верстах на 12 были безуспешны, попробует ударить в последний раз с новым остервенением — так и случилось. Из садов монастыря Рипсимы показалась конница; люди свежие бросились на едва движущихся — и началась сеча. Здесь, на трех верстах, мы потеряли гораздо более, нежели в продолжение всего дела, где горсть русских в течение 10 часов удерживала более 10 тысяч регулярной пехоты и тысяч 16 куртинцев при 25 орудиях.

Думаю, что ужасное сражение это кончилось бы с меньшим несравненно уроном, если б в последнем напоре не прекратились действия нашей артиллерии, у которой не осталось ни одного картечного выстрела, и из монастыря ранее выслали небольшое подкрепление, которое опоздало несколько.

Надобно сказать, что 17 августа есть день славы

40-го полка. Нельзя довольно похвалить мужество начальников и храбрость нижних чинов. Персияне в сем деле потеряли убитыми и ранеными более 3 тыс.* и несколько знатных чиновников, с нашей же стороны ранено более 300 рядовых].

Генерал Красовский получил сильную контузию в руку с повреждением кости. До сих пор я душою уважал его, как благодетеля своего; здесь удивлялся ему, как воину. Сраженные! Мир праху вашему.

1 сентября

Тому, кто пил на свете горе,
Кончина — не велико зло.

...Я никогда не замечал в себе той несчастной болезливости, которая, преждевременно увеличивая бездельницы, заставляет трепетать при одном помышлении о возможности погибнуть, но не знал до какой степени удержится мое хладнокровие и тем более желал видеть себя в минуты настоящей опасности. Рассмотрим, какие чувства наполняли душу мою в сражении 17 августа.

Не имея верных сведений ни о числе неприятеля, ни о положении его, я не ожидал, чтобы могло произойти что-нибудь важное между нами, но, осмотревши приготовления его и боевой порядок, увидел, что нам нелегко будет отделяться и даже питать надежду на избавление; можно было потому только, что персияне предстояли нам, а не европейские войска, которые, без сомнения, не пропускали

---

* Известия о потере персиян собраны армянами, которых архиепископ здешний Черсес посылал в разные места, и подтверждены впоследствии русскими, выбежавшими из Эривани.

бы возможности живьем забрать всех. Нас встретили пулями: близко летели они, но не слишком часто и еще нечего было пугаться; страшный гром артиллерии с кургана показал, что игра сия невыгодно кончится для многих и вместе с тем пробудил во мне не боязнь, но желание уцелеть. Опасаясь тяжелых ран более смерти, я думал прежде, что гулядра не должен быть так неприятен, как жалобный напев пули, потому именно, что первое чаще вырывает жизнь без мучений; однако оказалось противное: о пулях и забыл я, когда заметали бомбы, захлопали гранаты и зашумели ядры. Впрочем, смело скажу, что я был очень покоен, сердце несколько не билось сильнее; я не кланялся сим посланникам разрушения, зная, что поклоны не умилостивят их, и голова шевелилась немного только от тех, которые слишком близко пролетали. Будучи уверен, что нельзя избежать предназначения и увернуться от гибели, я поручил себя воле небес и не томился ожиданием суженого. И небеса сохранили меня.

Сильно действовала артиллерия неприятельская, но битва сия и по всем отношениям может быть причислена к битвам жестоким; особенно взявши во внимание несообразность сражающихся сил и положение наше. В один этот день мне удалось видеть все ужасы браней: огнестрельные орудия всякого рода, даже неупотребляемые в Европе, были обращены на нас, но истребление, ими производимое, не могло сравниться с тем, когда на изнуренных воинов наших бросились свежие толпы наездников, когда в рукою вступили бой и засверкали в глазах наших кинжалы их и засвистали над головами сабли. Мно-

го ужасного было в схватке сей; обстоятельства заставляли меня несколько раз вблизи смотреть на суровые лица свирепых куртинцев, покрытых пылью, потом и кровью; но в это время какая-то уверенность, что буду сохранен, не оставляла меня ни на минуту. Еще до вступления в дело я чувствовал большую слабость; в продолжение сражения зной и жажда довели усталость мою до истощения и задолго до начатия сечи я опасался уже, чтоб не пришлось идти в обоз; но десница всевышнего подкрепила силы мои. Он отдалил от меня страх и невредимо извел из величайших опасностей. Ему единому слава и благодарение вовеки.

19 октября. Кр. Эривань

Положение нашего отряда во время пребывания в Джангили было очень затруднительно: множество больных, конвоирование провнанта, содержание гарнизона в Эчмиадзине и другие командировки доводили до того, что налицо оставалось не более 3 тысяч человек. Конечно, при выгодной позиции и значительной артиллерии мы могли удерживать персиян от решительных покушений на лагерь, который непрерывно увеличивался прибывающим транспортом и разными принадлежностями осады, но сами ничего важного предпринять не могли, да и намерения начальства надобно полагать не к тому клонились.

Отступление от Эривани могло иметь одну цель, чтоб, зноем не изнуряя без пользы людей, дожидаться всего необходимого для взятия крепостей, в местах более удобных, и потому, чем спокойнее могли ис-

полниться ожиданиям сии, тем было для нас выгоднее. Весь июль прошел в совершенной тишине; неприятель, видя невозможность удержаться по сию сторону Аракса, сосредоточил все силы свои за сею рекою, куда выгнал жителей здешних селений, оставя в крепостях, на твердость коих возлагал большую надежду, гарнизоны, которые не осмеливались от них отдаляться, и наши обозы, парки, артиллерия беспрепятственно стягивалась в сборное место. В скором времени должны были прибыть осадные орудия и все материалы под прикрытием трех пикетных рот и Кабардинского пехотного полка, имеющего более 2 тысяч человек. Вновь прибывающие подкрепления сии ощутительно усиливали наш отряд, который, собравши все части свои, мог тогда выставить до 4 тысяч под ружье. Этого было достаточно для покорения крепостей, нам назначенных, и вообще для действия против войск, могущих собраться в Эриванской области, без особенной помощи персидского правительства. Итак, дела наши могли хорошо кончиться; вдруг разнеслись слухи о прибытии Аббас-Мирзы к Эчмиадзину. Обстоятельство это ставило нас в самое критическое положение и могло произвести гибельные последствия для всей войны. Великое преимущество, которое имел над нами неприятель числом своим и свободою в действиях, давало ему возможность по частям уничтожать разобщенные необходимою силой наши и даже овладеть осадною артиллериею со всеми приготовлениями и легко вырваться в пределы Грузии. Движения противников не могли скрыться от главнокомандующего; состояние же нашего отряда было

ему известно и потому вести о непрительской армии казались сначала невероятными; когда же оные подтвердились, то ожидали, что по следам ее нагрянут и наши, но дни проходили, а наших не было. Между тем персияне пробовали блокировать Эчмиадзин и после неудачных переговоров решались приступить к осаде. Если б можно было надеяться, что, несмотря на слабость стен и малочисленность гарнизона, неприятелю не удастся скоро овладеть монастырем, то, конечно, лучше было бы несколько дней подождать прибытия осадной артиллерии с ее прикрытием; но, вероятно, сильные причины, как-то: недостаток продовольствия или видимая опасность потерять столь важный пункт принудили генерала Красовского поспешить туда с помощью, и мы 16 августа выступили. О сражении 17-го числа я говорил уже; теперь остается бросить взгляд на события, за оным последовавшие.

22 октября

Говорить ли о состоянии нашего отряда после 17-го числа? В Эчмиадзине расстроенные батальоны нуждались в отдохновении, в Джангили едва ли набиралась тысяча человек для защиты больных, множества припасов всякого рода, там заготовленных: позиция персиян прерывала между нами сообщение: от Безобдала тянулась осадная артиллерия с принадлежностями своими; обоз ее состоял почти из 2 тысяч арб*, отряды неприятеля

* Арба—повозка на двух колесах, в которую запрягают быков или буйволов; буйвол несравненно сильнее быка, и если б не был ленив и чрезмерно упрям, то мог бы возить величайшие тяжести.

тельские стояли на пути их. Персияне имели средства наделать нам много бед, имели, кажется, хорошо обдуманые намерения, но не имели достаточно решительности для приведения оных в исполнение и медленностию и полудействиями своими лишились значительных побед: все транспорты собрались в лагерь 23-го вечером, Кабардинский полк прибыл в монастырь, заставши на прежней позиции Аббас-Мирзы только сильный арьергард из кавалерии, который немедленно отодвинулся от реки, а ночью и совсем ушел. Давши несколько часов отдохнуть прибывшим людям и оставя в монастыре усиленный гарнизон, генерал-лейтенант Красовский пустился обратно в Джангили. Таким образом, восстановилось взаимное сношение наше, и соединение раздробленных частей вывело нас из прежней опасности. Армяне говорили, что дух в войске персидском совершенно упал после сражения Ош. и известия сии оправдывались тем, что, оставя выгодную во всех отношениях позицию свою, неприятель отошел к Эривани, расположился не в дальнем от оной расстоянии, против Джангильского лагеря, на противной стороне горы Карни-ярыха; но время, в которое можно было вредить нам, уже миновалось, и мы спокойно ожидали прибытия главного отряда, без помощи которого нельзя было и думать о взятии крепостей в присутствии столь сильного обсервационного корпуса противников. В первых числах сентября замечено движение оного к Араксу и услышали, что к нам идет подкрепление. Это и заставило Аббас-Мирзу проворнее убираться, а чтоб не встретиться с нами, он, бросивши большую часть артиллерии своей в

Эривани, кинулся через горы, по дороге каменистой, неудобной, и успел переправиться за реку прежде прибытия главнокомандующего, который скоро пошел и сам за Аракс, а 14-го числа выступила часть осадной артиллерии с остальными войсками к Сардарабаду, куда и прибыли на другой день*. Крепость сия находится не в дальнем расстоянии от соединения прежней границы нашей с Турциею и Персиею, построена за пять лет пред сим сардаром эриванским, от чего и получила свое наименование. От оной до Эчмиадзина 25 верст лежит в той же равнине; дорога переходит через р. Абарань и множество ручейков, а на половине пути прилегает к р. Кара-су, берега коей, будучи покрыты камышом и хорошею травою, представляют место довольно удобное для ночлега проходящих войск; здесь сначала стоял лагерь Аббас-Мирзы, когда он пришел к нам.

Надобно сказать, что вообще почва земли в Эриванской равнине носит оттенки великого наводнения, а приближаясь к Сардарабаду, еще сильнее возрождаются мысли об истории всемирного потопа: обнаженная земля усыпана камнем и походит на ложе исеявшего потопа; высокие холмы кажется образовались наносом воды, повсюду встречаются следы и действие сей стихии; перевороченные камни, обгорелого цвета, уродливостию своею и положением показывают, что они не всегда находились там, где ны-

---

* Егерская бригада, в которой состою я, осталась в Эчмиадзине, но я был прикомандирован к батальону Крымского полка и потому имел случай быть при осаде и взятии Сардарабада.

не. Во всех окрестностях Сардарабада мало жизни, и русские довольно удачно назвали крепость сию голою крепостью. Аракс течет от нее верстах в 20; сюда тянется отлогость Арарата и поверхность оной отсюда виднее, нежели из монастыря и Эривани.

Главнокомандующий был уже там; редут и кессель-батарея против западного фаса окончены до прибытия нашего; дождь, захвативший нас при конце перехода и продолжавшийся во всю ночь, воспрепятствовал перевезению на место орудий и продолжению работ. Генерал Красовский осмотрел только место для брешь-батареи против южного фаса, а с 16-го на 17 приступили к заложению оной и когда взшли в сад, в котором предположено устроить оную, то секрет неприятельной, там залегавший, отступая, сделал несколько выстрелов, но выстрелы сии не привлекли за собою огня с крепости: там царствовало молчание, прерываемое только частыми сигналами часовых и лаем собак. Молчание сие продолжалось до тех пор, пока стук кирок и лопат не дал знать, что мы слишком близко подвинулись и работы начались; тут ядры, гранаты и картечь полетели к нам, пули осыпали рабочих, и непрерывная пальба продолжалась более часа. В продолжение ночи она возобновилась несколько раз, но слабее первой, и было менее опасно потому, что люди успели уже прикнуться несколько. К рассвету поспели кессель-батарея и батарея для осадных орудий, а траншея выведена из сада, и осажденных, без сомнения, изумила быстрота работ русских и смелость, с какою оные производились на столь близком рас-

стоянии. Осада продолжалась деятельно: бомбы приводили жителей в отчаяние; тяжелая артиллерия громила стену; легкая заставляла молчать орудия неприятельские и сбивала защищающих крепость; гарнизон приметно ослабевал духом и, теряя надежду воспрепятствовать действиям нашим, менее оказывал бесполезного упорства; смешанный шум был слышен в крепости во время канонады. Все показывало скорую сдачу, и 19-го вечером сбежавшие через пролом армяне объявили, что Гасан-хан с гарнизоном ушел, а обыватели готовы отворить ворота. В ту же минуту крепость занята, а конница пустилась за бегущими персиянами: много погибло их, много взято в плен, но Гасан-хан с большею частию успел ускользнуть от преследования.

Крепость сия менее Эриванской; строения, в ней заключающиеся, бедны, дурны и весьма мало домов, которые только по необходимости можно назвать порядочными; дворец Гасан-хана более других, но не отделан и видно, что он готовил его единственно для кратковременных переездов своих.

Фигура Сардарабада изображает параллелограмм, имеющий несколько башен на каждом фасе; стены высоки и толсты, а твердо-глинистый грунт земли увеличивает их прочность. В стене, на которую велась атака, находится дом Гасан-хана, и за нею нет другой стены, но с прочих трех сторон, саженах в 15 от наружной, есть другая, старая стена, гораздо ниже и тоньше первой, служившая защитою прежде бывшему селению и оставленная не против артиллерии, но для сильнейшего истребления ружейным огнем неприятеля, приступом овладев-

шего главными укреплениями. Ров местами довольно глубокий и широкий, местами же мелкий, узкий, редко где имеет отлогости и мало обделан после того, как вынималась из него земля, употребленная на построения. По свойству песчано-хрящевого грунта западного и части южного фасадов довольно работы будет, чтоб он не осыпался. В каждом фасаде есть ворота, но проезды через ров оставлены только в восточном и западном, с северного же можно устроить, а с южной стороны въезд идет под домом Гасан-хана и может служить только для верховых, потому что под окнами тотчас бассейн, который будет препятствовать, а из него жители довольствуются водою; сивороты с внешней стороны прикрыты траверзом.

Здесь найдено 13 орудий, множество артиллерийских снарядов и большой запас продовольствия. Окрестности, частью, болотисты, и около крепости нет селения, но в близком от оной расстоянии видно несколько деревень.

Оставя гарнизон, войска двинулись 21-го числа обратно к монастырю, куда прибыли на другой день; переночевавши, пошли далее, проведя ночь у переправы через р. Зангу, 24-го подступили к Эривани.

25 октября

Блеск стали, молнии сверканье, громов рокот
В ответ им скал, садов и гор протяжный грохот.

Воейков

Главнокомандующий с генералитетом и свитою поехал осматривать местоположение; с башен провожали его пушечными выстрелами. Немедленно поставлены мортиры на Изменинчьем бугре и откры-

лось бомбардирование, а ночью наш отряд занял форштадт и расположился в садах одного, нигде не встречая ни души. Во время отсутствия нашего персияне сделали некоторые приготовления к защите: тополевыя аллеи в сардарском саду истреблены, вырублены также большие деревья, по опушке города разрушены строения, ближайшия к крепости, за которыми прежде скрывались стрелки и секреты наши; но истребления сии не приносили осажденным существенной пользы. В другую ночь поставлена верхняя демонтир-батарея, против восточного фаса, и к ней переведены четыре мортиры, которым не так выгодно было действовать с Изменинчьева бугра, по причине отдаленности одного от укреплений. В третью ночь устроены: главная брешь-батарея, батарея левого фланга и начаты коммуникационные траншеи.

Близко подобрался для заложения сих батарей; рано взошла луна, но темные облака скрывали свет ее и долго разливалось о крест только слабое мерцание; неприятель не препятствовал работам на брешь-батарею и, заметив только работы левого фланга, неоднократно пускал туда сильный ружейный огонь, которой всякий раз охлаждался удачным действием верхней батареи нашей. Стук артиллерии, перевозимой по каменному мосту через речку Кирхбулах, обратил перед рассветом и на нас внимание осажденных, но уже поздно: все было готово для легких орудий, и они начали ломать амбразуры и подбивать пушки, в ожидании, пока успеют места для осадных, которые поставлены в следующую ночь. К этому времени окончились все первоначальные работы, сделана средняя батарея, и отовсюду открылась канонада. Шесть 2-пудовых, 10 кечорно-

вых мортир и более 30 орудий гремели с разных сторон — и видимо рушились стены и с ними надежда защищающихся. Ужас овладел сердцами жителей; жалобные вопли женщины, крик детей были слышны в тиши ночной, когда случалось подходить близко. Несчастные ежеминутно ожидали смерти мучительной и взорами следовали за грозно величественным полетом бомбы: один миг и она на высоте, медленно перекачивается, потом и опять усиливает скорость, опускаясь к земле; искры, из нее излетающие, освещают путь ее во мраке и дают иногда возможность спастись; но какое ожидание, часто одна бомба спешила догнать другую; иногда казалось, что две, летающие с противных сторон, могут столкнуться, но различное направление разводило их по всем местам крепости и разносило повсюду гибель и разрушение. Горесть, уныние, страх волновали души затворников; между тем сапа подвинулась ближе. Со своей стороны осажденные щедро сыпали к нам пули во все время осады; разбиваемые амбразуры деятельно исправлялись, но лишь только дым нескольких выстрелов показывал, откуда действовали орудия их, и они вновь принуждаемы были замолкнуть. Положение персиян час от часу становилось хуже и хуже.

С 30-го на 1 октября положено венчать гласис. Смерклось; рабочие с турами, фашинами и инструментами пришли ко рву; сильная пальба показала, что нас заметили; в одно мгновение огонь разлился по всем фасадам и осветил окрестности. Персияне думали, что русские идут на приступ и отчаянною защитою намеревались спасти себя от всех ужасов оногo, отдалить минуту, в которую разъяренные тщетным

упорством их противники насильственно вторгнутся в твердыни, ими обороняемые, и не будет никому пощады. На стенах зажглись пламенники; треск ружей, взрывы пушек смешивались с шумом и воплями обывателей; но как изобразить то время, когда загорелся воздух и застонала земля от действия нашей артиллерии. Взрвели орудия и тысячи ружейных залпов заглушались перекатами громов их. Это были адские минуты, и слишком час продолжались они. Мало-помалу крепость начала умолкать, выстрелы были реже и реже, слышнее и слышнее становился шум осажденных. Скоро все стихло, и частые оклики часовых раздались в воздухе. Смолкли и наши батареи и восстановился обычный порядок стрельбы: опять можно было разбирать, как быстрое ядро или граната, едва успевши вырваться из жерла, уже врывались в стену и как далеко оставляли они за собою медленную бомбу, прежде их пущенную. Вдали слышался выстрел, другой, третий; в разных местах казачьей цепи загорелась перестрелка. Гасан-хан со своими пробовал и отсюда уйти, но, встречая везде преграды, принужден был возвратиться*. Взошло солнце; работы продолжались. В 8 часов показались

---

* После всей сумятицы вместо летучей саны приказано идти к гласису медленною санюю, и работы возобновились. В эту ночь пущено в крепость более 400 бомб и тысячи полторы пушечных снарядов; [об] оружейных выстрелах и говорить нечего. С позволения главнокомандующего, вся наша братья-горемыки были прикомандированы к начальнику траншей для непрерывного нахождения при осадных работах, и потому мне удалось видеть весь ход осады и узнать некоторые подробности.

на стенах сарвазы и обыватели, махали платками, бросались через пролом в ров и, прибежавши к нам, объявили, что жители и один батальон сарвазов сдаются, но остальные два батальона намерены еще держаться. Наши кинулись в брешь, перелезли через стену, взешли на другую и расставили по оной часовых; несколько рот подведены к воротам на гласнее и разбросали камни, которыми оные были изнутри завалены. Генерал Красовский подходит к воротам I-й стены, приказывает отворить оные; дивизионный обер-аудитор, говоря по-татарски, уговаривает защищающихся, чтоб они, ничего не опасаясь, исполнили повеления; видит щель в воротах, смотрит туда, вдруг раздается выстрел под сводами — мозг несчастного Белова обрызгал его окружающих. Генерал спрашивает у стоящих на стене персиян, кто стрелял и узнает, что Гасан-хан, сделавши это, пошел к мечети. Нет сомнения, что он слышал, что генерал здесь и требует сдачи; для него готовил удар сей, чтоб удовольствоваться хотя сим злобу свою, но характер русского начальника оказался и в этом случае. Когда отворили ворота, он отыскивает Гасан-хана, входит в комнату, где сидел он со многими ханами и чиновниками, с ног до головы вооруженными, подает ему руку и через переводчика уверяет его, что ему нечего опасаться и проч., требует, чтоб он и окружающие его отдали оружия, сам принимает от него саблю, пистолеты и отправляет к главнокомандующему. Говорят, что он всегда слишком мало бережет себя, — и это справедливо, — но зато чего не сделают с ним подчиненные его. Во время сражения в нем видна такая непоколебимая уверенность

ность в провидение, что нельзя не удивляться хладнокровию и спокойствию, с которыми он смотрит на опасности. Не осмеливаясь более сопротивляться, они сдаются, и все пошло своим порядком.

Так пала грозная Эривань! Персияне привыкли почитать ее неприступною и молва шла в народе, что годы нужны для ее покорения; пришли русские исполнить решительную волю царя своего и на седьмой день — где гордые персы?

П. Д. Белов, человек твердых правил, с прекрасным сердцем, душою возвышенною, умом основательным, имел родного по матери брата, юношу многообещавшаго; он назывался Тищенко. Старая мать их при весьма малом состоянии видела в первом опору и усладу жизни своей; последний по молодости казался ей дороже других детей. Возгорелась война с Персиею, и затрепетали нежные сердца женщины и облились кровию сердца матерей. 20-й дивизии сказан поход. Белов, как я говорил, был обераудитором сей дивизии, Тищенко служил юнкером в одном из полков оной, и оба, оставя Крым, прибыли в Грузию.

На зимовых квартирах находился при дивизионном начальнике Севастопольского пехотного полка майор Белозор; он был одарен беглым умом, хорошими способностями, веселым нравом, но пылкость чувств выводила его из пределов и в радости и в печали. Скорость сия была причиною неосторожностей, часто накликавших на него много неприятностей. Будучи с Б. сближены службою, они сокращали свободное время взаимною беседою и пеннем, к которому присоединяли и Т. Голоса их в тишине вечерней

раздавались по садам Алиабата,— и суждено было, чтоб сие трио попало в малое число тех, коим предназначено здесь погибнуть (я не говорю о солдатах). Каждому из них судьба определила особенный род смерти: климат, железо и свинец унесли их с земли сей.

С наступлением весны войска двинулись к границам Персии, миновали Тифлис, эшелонами шли далее. Т. прибыл в Шулаверы, заболел горячкою и в несколько дней его не стало, тогда как он

Едва с младенчеством расстался
Едва для жизни он расцвел.

Жуковский

Огорченный внезапною смертию сею, брат его, видимо, потерял прежнюю веселость. Казалось, что, кроме потери, угнетало его какое-то особенное, горестное чувство. Можно думать, что сильное предчувствие колебало его, но твердость духа боролась с печальными мыслями и он не открывал их никому.

Белозор занемог в Гергерах, был в отчаянном положении и явился в Джангили только за несколько дней до 17 августа. Ему поручен батальон 40-го егерского полка, который составлял арьергард наш в сей ужасной битве. Подчиненные его, как офицеры, так и солдаты, не могут нахвалиться отличными его действиями в тот день. Полевая, разъезжал он перед рядами, осыпaeмый градом картечь и пуль; мужеством своим заставил егорей делать чудеса храбрости, с редким хладнокровием неоднократно водил их в штыки и всегда опрокидывал врагов, не смотря на яростное стремление их. Спускаясь в рав-

нину, он отдал лошадь свою раненому, а сам остался пешком. Изнуренный зноем и усталостию, он едва мог идти, нахлынули волны куртинцев, отрезали его от колонн. Окружаемый неприятелями, он не имеет сил присоединиться к своим, видит гибель; последними словами оказывает трогательную решительность свою, веля двум солдатам, при нем находившимся, оставить его и спасаться. Садится на камень и ожидает. Засверкали над ним булатные сабли наездников, и голова скатилась с плеч. Несчастный Белозор! Ты не был баловень счастья в здешнем мире, может быть лучший жребий ожидает тебя там, где нет ни болезней, нет ни печали, нет сокрушений, но жизнь бесконечна.

Пылкая храбрость Белова выказывалась во всех случаях: он мог по должности своей избегать опасностей и везде из первых подвергался им. 17-е число доказало, что душа его была исполнена огнем истинного мужества. С невольным уважением смотрим на человека, который без страха встречает смерть, гибель, опасности всякого рода. Чтоб излишне не мучить себя, каждому следовало бы увериться, что без воли божией и влас с главы его не спадет; но уверенность в предопределение еще необходимее воину: руководимый ею, он всегда исполнит по мере сил и способностей обязанность, на него возлагаемую; неуместная осторожность не осрамит его и чистота совести избавит его от смущения, мучительная для тех, которые знают за собою дурное дело.

Смелость Белова не была ему губительна, пока суженная не отыскала его. Опасности при взятии

Сардарабада миновались; там он находился при генерале Красовоком, когда он осматривал под стенами крепости место для брешь-батарей; потом всю следующую самую страшную ночь был опять при нем, во время работ и вышел оттуда невредим. Наконец, Эривань сдавалась; наши были уже на стенах; выстрелы прекратились; прежде его смотрели в отверстие ворот, и там ничего не заметно; смотрит он и — последний звук неприятельного оружия вырвал последний вздох из груди его. Говорят, что он сунулся не в свое место и упрекают его в том; без сомнения, начальник, лучше знавший его достоинства, видевший его храбрость, всегда желал иметь его при себе, вместе со своими адъютантами; но есть люди, которые судят о случавшемся только по удаче или неудаче предприятия: если оно счастливо кончилось, то они готовы превозносить до небес; если же несчастливо, то они еще охотнее обвиняют; но что бы ни говорили люди сии, прекрасное всегда останется прекрасным — Белов, душа благородная! Не стану разбирать — мог ли ты прожить долее определенного тебе срока? Не стану обвинять тебя за то, что невидимая сила привела тебя к назначению твоему. Ты рано кончил век, но успел заслужить любовь и уважение при жизни и сожаления искренние сопутствуют тебя в могилу. Завидна была жизнь твоя, как жизнь человека с правилами; завидна и смерть твоя; ты не томился и не переходил медленно из жизни в смерть, но жил до последней минуты жизни своей.

Не годы жизнь, а наслажденья
Пусть быстрым, но лишь светлым током

Промчатся дни, чрез жизни луг,
И смерть зайдет к нам непароком,
Как добрый, но неожиданный друг.
Жуковский

Горестные матери! А вас кто утешит?

1 ноября

Для общего обзора войны следует упомянуть о действиях главного корпуса нашего; мне неизвестны подробности оных и потому удовольствуюсь одним беглым взглядом. Я говорил, что в июне месяце главнокомандующий, оставя наш отряд блокировать Эриванскую крепость, пошел в г. Нахичевань, занял оный и подступил под крепость Абасабад, находящуюся в нескольких верстах от сего города, на берегу р. Аракса и выстроенную Аббас-Мирзою с помощью европейцев, по правилам фортификации, а не древним способом укреплений, обыкновенно употребляемым персиянами. Узнавши, что персидская армия стоит не в дальнем расстоянии от Аракса, генерал Паскевич, не снимая осады, перешел 5-го числа через сию реку, с частию кавалерии и 8 батальонами пехоты, напал на авангард неприятельский, состоящий из 16 тысяч конницы, разбил оный и обратил в бегство, а 7-го сдалась и крепость, в которой найдено 18 орудий, много запасов всякого рода и артиллерийских снарядов. После того жары принудили наших отойти в горы, чтоб дожидаться времени, более удобного для решительного начатия военных действий, и, между тем, производились только незначительные экспедиции

для обеспечения жителей, отдающихся под покровительство России.

После сражения 17 августа главнокомандующий прибыл к нам на подкрепление, и известно уже, что происходило до взятия Эривани. Потом 20-я дивизия* с ее артиллерию оставлена в Сардарабаде, Эчмиадзине и Эривани, главнокомандующий со сводным гвардейским полком и полками Кавказского корпуса выступил 7 октября к Тавризу; но прежде нежели он подошел туда, генерал-лейтенант князь Эристов, остававшийся за Араксом, приблизился к сему городу и, встреченный депутациею жителей, без выстрела занял оный 13-го числа, а 19-го последовало торжественное вступление войск наших. Вслед за тем начались переговоры о мире и разные празднества. Англичане, находящиеся в Персии, живут в Тавризе, стараются ладить с нашими, и многие офицеры проводят время довольно весело. ...Дом англичан построен в евронейском вкусе и жена начальника миссии угощает русских-победителей в Тавризе!

...Тавриз, столица Азербиджана, большой торговый город. Никогда еще русские не входили в оный победителями. Здесь резиденция Аббас-Мирзы и все заведения его, относящиеся к устройству вводимого им образования регулярного войска; в числе оных находится литейный завод, на котором персидские мастеровые выливают теперь пушки с русскою надписью в память взятия Тавриза. Покорность жителей спасла их от разорения: торговля не

---

* За исключением 2-й бригады, которая во все время состояла в другом отряде.

прерывалась и пребывание наших полков не только не расстроит оной, но, напротив, доставит значительные выгоды.

9 ноября

В дополнение к прежде сказанному мною об Эривани присовокупляю еще несколько замечаний.

В крепость два въезда — северный и южный. Водопровод, идущий от форштата из р. Кирх-булах, входит в ров близ северных ворот и, деля часть воды в крепость, наполняет водоемы, устроенные во рву, один ниже другого, так, что вода через трубы, протекая из верхнего в нижний, наводит половину северного фаса, весь восточный и часть южного, до того места, где каменное дно не позволило углубляться далее. Стенки, отделяющие бассейны, вооружены часто набитыми в брусья и засстреными деревянными кольями. Бассейны сии примыкают к контр-эскарту и занимают большую половину ширины рва; глубина их*... вода, в них втекающая, хороша, но от слабого течения портится, цветет, и во многих водоемах растет камыш, а некоторые совершенно им покрыты. Ширина рва ... глубина ... высота 1-й стены ... 2-й ... сажен, расстояние между ними ... толщина ... въезд в 1-ю стену идет под сводом, где находятся караульни; поворот оного и узкость затрудняют проезд новозок; на обонх концах оного толстые деревянные затворы, обитые железом, а также при въезде во 2-ю стену,

---

* Здесь и ниже данные измерений не указаны.—М. П.

по сторонам которого сделаны комнаты; при спуске в ров есть тоже ворота.

Улицы в крепости узки, дурны; в некоторых домах есть хорошие комнаты, но по азиатскому обыкновению с улицы ничего не видно, кроме гадких стен; большая же часть строений дурны. Дом сардара заслуживает внимание: пройдя несколько сажен от северных ворот к югу, поворачиваешь на запад, и улица, несколько шире других, ведет прямо в ворота дворца, чрез которые под сводом вступает на небольшой дворик, занимаемый службами; посреди оного водоем, а на правой стороне крытый ход, оканчивающийся в прямом направлении стеною, близ которой налево дверь, закрытая отдельною каменною стенкою; обойдя сей траверз, вы на довольно большом дворе и направо несколько ступенек взводят через узкие сени в переднюю, потом в большую комнату, разрисованную цветами, картинами и портретами, между которыми главнейшее место занимают портреты императрицы Екатерины II и Павла I, изображенного в детском возрасте. Малые зеркала вмазаны в разных местах стен; окно составлено из четвероугольничков, верхняя же часть оного круглая, со стеклами разных цветов; комната сия блестит позолотою и в азиатском вкусе очень хорошо убрана: здесь жил сардар в теплое время. Переднюю сторону двора занимает летняя приемная зала, еще с большим великолепием украшенная, в которой находятся во весь рост портреты: на одной стене — шаха, сидящего на троне, и Аббас-Мирзы, а на другой — сардара, брата его Гасанхана и двух куртинцев; в углублении между послед-

ними 4 портретами маленькой водомет из мрамора и окно на Зангу, из которого виден сад сардарский с беседкою, о которой я говорил прежде. Зеркала составляют часть стен, и зеркальное стекло различных фигур, расположенное в различных преломлениях, занимает место карниза. Разрисовка стен отличается яркостью красок и позолоты и нравится взору, особенно издали и при общем взгляде. Сторона от двора закрывается только холстинным навесом, который во время зноя растягивается к бассейну с тремя фонтанчиками. В третьей стене двора, противоположной сей зале, помещались служители, а в четвертой небольшая дверь на другой дворик, где находится очень хорошая комната с балконом на Зангу, служившая зимним пребыванием сардару; прочие же покои очень просты; посреди двора водоем. Отсюда ход в баню с мраморным полом и в гадкие лачужки, выводящие в гарем. Огромный двор с водоемом во всю длину одного окружен строением в три яруса: множество комнат различной величины, простых, но чистых, заключали более 150 жен сардара, — несчастных жертв закона магометова, — их прислужниц, надзирательниц и стражу — теперь в этом доме помещается весь 39-й егерский полк.

Медленно текут унылые дни юных затворниц! Больно и думать о горестном положении их. К чему служат им пышные уборы, вся роскошь, которою стараются обмануть сердца их. Конечно, образ воспитания, приготавливает их к такой жизни и не допускает в полной мере чувствовать всю тяжесть оной; но быть не может, чтоб темные неразгаданные чувства не волновали душ их и не разливали томной гру-

сти на все существование. Иные смотрели из окон своих на шумную Заггу, со скалистыми берегами; на зеленые сады с резвыми пташками; на прекрасный свет божий, в котором и самые дикие места не лишены некоторой прелести — и слезы неприметно текли на золото, на шали, на богатые украшения. Чего недостает мне, думала красавица, и невольно усиливались рыдания ее — и все было ей ответом. Она не знает чем наслаждаются женщины в других землях, но постигает, что может составить собственное ее благополучие и беспрестанно возобновляющаяся мысль о том, что счастье не для нее существует в мире, ожесточает нрав ее.

Оставим скорее сию ужасную темницу и через темный коридор, в котором устроена конюшня и жилище тюремщиков-получеловеков, выйдем на первый дворик, потом на улицу и взглянем на магометанский монастырь. Ворота с медными цепями ведут под сводом на пространный двор, среди которого водоем и на трех боках много комнат; между ними есть большие и очень хорошие. Следуя установлениям, мечеть не слишком обширная, обращена на юг и не имеет никаких изображений. Мулла с высокой кафедры поучает правоверных. Стены по штукатурке подделаны под кирпич, а низ облит поливою вроде изразцев, которою также украшен купол, а местами и наружные стены, что придает хороший вид, особенно когда освещает солнце и блестит полива; местами тексты из алкорана, служащие вместе и убранством стен. Вообще вид отделки очень хорош издали. Северная сторона средней части мечети открыта и на противоположном боку монастыря

сделана открытая к ней комната для помещения модельщиков. Мечеть сия без минарета. Близ южных ворот другая мечеть турецкаго построения и потому оставленная персиянами, которые почитают турок за отступников от местного учения Магомета, и служившая для складки хлебных запасов. Построение оной более походит на русскую церковь, нежели на персидскую мечеть, и в ней устроенъ храм Покрова пресвятыя Богородицы в память дня взятя Эривани. Храм сей может быть трехпрестольный и с неважными поправками сделается величественным — высокій минарет может быть обращен в колокольню.

В крепости есть небольшой базар, состоящий из маленких дурию построенных лавочек. В цитадели найдено множество военных снарядов разнаго рода; пороховые погреба наполнены порохом, а огромные магазины хлебом. 35 пушек, 2 гаубицы, 10 мортир достались победителям. Здесь был литейный завод.

Кр. Эривань построена весьма давно, что доказывают стены оной, которые от древности так выгорели, что, несмотря на крепкій грунт земли, очень легко начинают осыпаться.

11 ноября

Почти все жители г. Эривани были заперты в крепости и прошедшее оттого стеснение много помогло нам. Трогательные картины радости, с которою встречали нас армянские семейства, когда мы занимали оную, неописанны. Не говоря о том, что они предвидели счастливую будущность, освободившись от тягостнаго ига персиян, блаженствовать

под правлением России, достаточно представить бедственное положение их во время осады, чтоб верить искренности восторгов, ими изъявляемых. Косо, напротив, поглядывали магометане: недоверчивость, боязнь, досада, сожаление ясно выражались в свирепых взглядах, бросаемых ими на торжествующих противников. Они не верили глазам своим: так изумило их неожиданно скорое, невероятное взятие крепости; они ожидали грабежа, опасались неестественств и, видя повсюду порядок, устройство, не знали, что думать. Они и вообразить не могли, чтоб неприятельская армия, вместо того, чтоб бросаться за добычами, старалась о восстановлении тишины и была употреблена на защиту жителей от сограждан-хищников. Прошло несколько дней; взяты все меры для обеспечения собственности каждого и тогда позволено обывателям развозить имущество по домам. Более недели, от утренней зари до вечерней, с трудом можно было пробраться по улицам и особенно в воротах: верблюды, лошади, лошаки, ослы, рогатый скот, тяжело навьюченные, обгоняли одни других и, стеснившись, останавливались и останавливали задних; мужчины, женщины, дети, неся то, что находили по силам, пробирались между выюками и, конечно, не один из них был бы омят, если б начальство не позаботилось об отращении несчастий, могущих случиться. Говорят, что в крепость вбирались они более двух недель и со всем тем многие долго помнили беспорядок, при том бывший.

Как муравьи, разбрелись жители, чтоб успеть воспользоваться остатком хорошей погоды для окончания дел своих: одни поправляли дома, другие обра-

батывали поля, те рылись в садах. Принято было видеть жизнь и деятельность там, где недавно царствовало опустошение, какое-то веселое чувство наполняло душу при сем зрелище. Быстро подвигались работы: в караван-сараях ежедневно прибавлялось число оправленных лавок; ближайший к крепости ряд, который был до основания разрушен персиянами, заметно восстанавливался из развалин своих. Не бывши несколько дней в городе, я всегда находил много вновь сделанного и чувство удовольствия, при сем ощущаемое, часто заставляло меня возвращаться туда и бродить между озабоченными хозяевами. Прежде всего показались на базаре различные плоды и съестные припасы; потом появились мелочные товары; торговля час от часу увеличивается и хотя не достигла еще прежнего состояния своего, но надобно ожидать, что скоро превзойдет оное. Мир еще не заключен, но большие караваны с товарами давно уже идут из персидских владений в Грузию; это доказывает, что даже полудикие неприятели имеют уважение к правоте и полную доверенность к характеру русских и должно льстить народной гордости. Миротлюбивое обращение, кроткие, благоразумные меры начинают укрощать мало-помалу ненависть магометан и менее заметна неприязнь в глазах их, при встрече с нами; что же касается до армян, то решительно можно сказать, что они искренно преданы русским. Знаю, что не должно полагаться на уверения, ... но я и не основываю суждений моих на словах, а представляю такие доказательства, против которых едва ли найдется опро-

вержение. Малолетние дети самых хитрых людей не умеют притворяться. Положим, что взрослые мальчики, встречаясь, радостно приветствуют нас, но научению отцов, но мне случилось видеть, что ребенок, едва начавший говорить и ходить, издали еще улыбался и кричал по-русски: здравствуй; прибавлю, что с нами не было больших, которые бы могли научить их тому. Не ясно ли, что разговоры родственников о счастливом для них событии напихивают и малюток любовью к русским. Научить же их так поступать невозможно, а если возможно, что бесполезно — и это была бы уже слишком уточненная тонкость и значило бы слишком перехитрить.

Кроме магметанского монастыря, о котором я говорил в июне месяце, построение которого и украшения имеют большое сходство с монастырем в крепости, пред сим описанным, в городе есть еще несколько мечетей не столь огромных и без минаретов. Армянских церквей четыре, более кажется нет. Они выстроены довольно хорошо, но внешние и внутренние украшения бедны; живопись не искусная. Издали две из них архитектурю паружности своей походят несколько на большие купеческие дома, с высокими крышами, какне случается видеть в иных уездных городах России. Алтари в армянских храмах устраиваются почти так же, как в католических. Высокие каменные ограды окружают здание церкви, и не легко найти вход, в них ведущий; может быть, это делалось для того, чтоб некоторым образом скрыть их от пренебрежительных взоров мусульман правоверных.

20 ноября

Откуда начнем мы осматривать окрестности Эривани? Пустимся в северные ворота и обойдем кругом крепости. Город, лежащий по скату, не очень высокой цепи гор, украшается садами, составляющими приятное разнообразие, с голою по местам возвышенностию, чрез которую виднеется вершина Карни-яреха. К востоку высоты с примыкающими к ним садами отдаляются и образуют большой луг, наводняемый ручейками и водопроводами, выходящими из речки Кирх-Булах, чрез которую есть два моста на арках, прочно и хорошо сделанные из камня. Луг сей, увеличиваясь, входит в пространную долину, простирающуюся на юге до Арарата; разбросанные по оной селения окружены садами и представляют приятный ландшафт. Величественный Алла-даг идет к западу; сия сторона города и крепости примыкает к левому берегу Занги; высокие отвесные скалы составляют оные: над обрывами висят строения и с разных уступов амфитеатрального положения их являются новые, прекрасные картины на противоположную сторону. Вправо останавливает взор ваш дикая, мертвая природа; несколько ближе она начинает оживать; постепенно становится цветущею: сады расширяются более и более и, наконец, узкое ущелье вливается в обширную Эчмиадзинскую равнину. Под ногами быстрая Занга клубит волны свои, извиваясь между утесами, с которых низвергаются водопады; далеко слышан шум реки, несущейся по камням, великолепное падение воды, дробимой скалами, особенно, когда луч

солнца играет в брызгах, отражается в белой струе и гаснет в пене, кипящей внизу.

Против крепости сады и виноградники венчают ближние покатости, за которыми возносятся снежный Алагёз, а на горизонте гряда гор, синее, тянется к Турции. Сад бывшего сардара расположен на правом берегу реки, против дворца. Аллея, я уже говорил, вырублена Гасан-ханом; и остался только виноградник. Беседка, вроде китайской, представляет осьмиугольник; в нее 4 входа и внутренность имеет крестообразную фигуру, в углублениях находятся окна, под которыми водоемы. Высота середины занимает всю высоту строения, а над углублениями сделаны комнаты в три яруса, с выдавшимися навесами, для обхода кругом. Верхние покои просты, но беседка была прекрасно отделана в азиатском вкусе. Портреты и фигуры, в числе коих есть изображения европейских дам, довольно дурны, но разрисовка стен и яркость цветов правятся. Большие картины, которые были вделаны в стену, вынуты; мраморный водомет, находившийся посредине, разломан; украшения перепорчены; купол крыши был обит английскою жесткою — и вообще жаль, что война не пощадилась сего здания, заслуживающего внимания и одобрения. Взгляд из беседки на западный фас крепости довольно хорош; из оной дорога, туда ведущая, переходит через Зангу, по каменному мосту с арками, защищаемому башнею с воротами, от которой идет стена к северо-западной башне укреплений; отсюда лучше смотреть на дома, составляющие, так сказать, продолжение скалы и занимающие почти весь бок кре-

пости, потому что к ним присоединяется разнообразный береговой вид и оживляет рисунок...

24 декабря

Эриванская область подчинена управлению г. генерал-лейтенанта Красовского, который, занимая оную войсками вверенного ему отряда, учредил временное правительство и, приводя в устройство все части оного, предпринял осмотреть праницу порученного ему края.

13 декабря выехал он из Эривани, в сопровождении артиллерии полковника Гилленшмита, генерального штаба подполковника Жихарева и еще некоторых чиновников, и в тот же день прибыли через Эчмнадзин в Сардарабад.

Ближайшая дорога в монастырь переходит через Зангу по мосту, близ крепости, но дорога сия была затруднительна, даже для выюков и верховых; ныне же отлично исправлена и повозки весьма удобно идут по ней. Она лежит между садами и, пройдя ближние возвышенности с ручейками, между ими извирающимися, входит в обширную равнину Эчмнадзинскую. Одно селение Паракар, на новом пути сем, но близ оного видно еще несколько деревень. Вообще равнина однообразна и украшается только отдаленными видами гор, но Арарат скрывался во мгле, над Алла-дагом носились темные облака и Алагёз был задернут туманом, а ближе лежащая горы едва синелись сквозь мрак. Я говорил прежде о сем пространстве, а теперь прибавлю несколько слов о Сардарабаде. В окрестностях оного нет ни малейшего ручейка, и жители довольствуются во-

дою из большой канавы, проведенной от Аракса: она говорит здорова, но редко бывает светла; в крепости есть 80 глубоких колодцев, имеющих воду солоноватую и потому не хорошую для употребления. Стены чище эриванских и лучше потому, что новые; брешь уже починена; ров, местами обсыпавшийся, по свойству песчано-хрящеватого грунта, исправляется плакировкой и, конечно, будет держаться, если не пойдут сильные дожди, которых в здешнем климате и ожидать нельзя. От монастыря до Сардарабада нет ни одного селения на дороге, но близ оной есть несколько деревень.

14-го дневка. На другой день пустились далее. Подполковник Жихарев отправился в Каре, а гвардии полковник Хомутов и подполковник Крзевский, командир Крымского пехотного полка, расположенного по турецкой границе, присоединились к его превосходительству. Направление взято к Араксу и до переправы, дорога лежала в той же равнине, пересекаясь водопроводами. Подъезжая к реке, почва становится каменистее; брод довольно широк и самая большая глубина не более аршина; берега очень высоки и совершенно обрывисты. Дикие места сии имеют, однако, свои прелести: угрюмые скалы стесняют порывы быстро несущихся волн, и напрасны усилия их вырваться из оков угнетающих; мрачные утесы, над ними взгроможденные, презирают их в самом пылу ярости, как человек насмехается над бессильною злобою ребенка сердитого. И в расселинах утесов сих гнездятся семейства куртицев кочующих.

Переpravясь на правый берег и поднявшись на

отвесную гору по узкой винтообразной тропинке, остановились почевать в селении Каракале, проехавши более 25 верст. На сем переходе в стороне видны деревни, но на дороге есть только укрепленная мельница, верстах в 12 от Сардарабада. На полуострове, образуемом неприступными стремнинами берегов Аракса и оврага, в него впадающего, видны развалины обширной крепости, построенной турками более 100 лет назад, и построенные башни, уцелевшие от разрушения, заслуживают полное внимание. Каменные стены одеты большими толстыми плитами, цветом, похожими на сжеванный кирпич, весьма гладко обточенными и красиво расположенными: за рядом красного следует ряд диковатого камня, и шахматный порядок рядов сих нравится взору. Время и люди пощадил надгробный памятник какого-то пашы; оный сложен из таких же камней, врезающихся одни в другой, нет извести для скрепления плит, но нет и чистоты в отделке; гул отдается во внутренности небольшого строения сего, и восклицания, отражаясь от сводов в тесном пространстве, сливаются вместе и производят только шум неприятный. От двух вместе стоящих круглых башен, переживших истребление, протягивается на несколько аршин стена, их современница, и к ней пристроен новый замок из необделанных камней, негладко и дурно сложенных: отвратительно видеть рядом с искусством следы неумения. Селение, вокруг одного лежащее, не занимает третьей части развалин. Внизу под утесом, на небольшой отлогости, есть также деревня с садами, и вид сего места довольно красив; отсюда начинается водопровод, идущий в Сардар-

абад, в извилинах своих заключающий верст 40. Дно оврага также занято садами, составляющими приятную разнообразность с бесплодием скал: в них видны пещеры, жилища куртинцев. Место сие приступно только между вершиной оврага и отдаляющимся берегом Аракса и может служить убежищем части войск, расположенных на границе турецкой, если во время войны нужно было отступить оттуда.

Владелец замка Джафар-хан произведен в нынешнюю кампанию из беков, но, несмотря на то, перешел к нам прежде взятия Эривани и оказывает привязанность и усердие к русским. Он имеет в своем владении несколько селений и теперь поставлен надзирателем за Аракского округа и приставом над куртинцами. В его доме представлялись генералу две старшины их: Россул-ага, прежде отдавшийся под покровительство России с подвластными ему, и Ахмат-ага, вновь вышедший из Турции с 250 семействами. Сей последний пользуется особенным уважением соотчичей, и власть его над ними едва ли уступит власти Гусейн-аги, главного их начальника, которым старшины недовольны за то, что он до сего времени колеблется, переходить ли ему к нам или остаться в Турции. Известна всегдашняя, неизменная верность куртинцев здешних к властителям отчины их — Эриванской области — и они решительно говорят: кому принадлежит Эривань, тому преданы и мы, — а соображая поступки и характер их со словами, можно ожидать от них много хорошего до время военное, когда будут уметь вести их. Прибывшие старшины берутся перевести сюда всех подчиненных своих, но им позволено остаться там, где они

находятся и сделали заготовления на зиму, дабы не расстроить их перемещением в столь позднее время года и не лишить приготовленных ими запасов. Генерал объявил им, что он не сомневается, что где бы они ни были, но всегда будут готовы по первому приглашению стать в назначенные места; а зная храбрость куртинцев, он уверен, что с ними одними завоеует турецкие области, не употребляя в дело войск русских. Лестная похвала сия расшевелила сердца воинственных вождей, народа воинственного, и взоры их более слов показывали желание [оправдать] мнение начальника, который так хорошо умеет ценить достоинства и отдавать справедливость даже бывшим врагам своим. Они убедительно просили позволить им разделаться с турками, если они осмелятся нарушить мир и, оставя русских, в покое предоставить им завоевание соседственных пашалыков. Сказавши, что войны ожидать нельзя, что турки и без оной, вероятно, согласятся на требования России, генерал уверил их в милости и покровительстве государя к тем, которые будут служить верно; позволил относиться к нему во всех нуждах и, привзявши их к себе ласковым приемом, отпустил довольными. Нет сомнения, что с первого раза всякий из них чувствует выгоду новой перемены, и в непродолжительном времени столь искусное обращение вселит во всех чувства душевной привязанности к России.

Ахмат-ага имеет вид важный, говорит хорошо; быстрота ума и лихость наездника видны в его ответах. Одежда куртинцев более похожа на турецкую и более прилична воину, нежели долгополые кафтаны персиян. Темные глаза персиян показывают их

24 М. Персиян

изнеженность, быстрые взгляды куртинцев выражают их бодрость. Нежные лица персиян красивее суровых лиц куртинских, но сии последние имеют более выразительности, и солнце явственнее положило на них печать боевой их жизни. Персияне мягкоправнее; куртинцы имеют более жестокости в правах — и это есть неминуемое следствие храбрости, необуздываемой просвещением.

16-го обедали в армянском селении Кульпе верстах 14 от Каракалы. Дорога сначала покрыта крупным камнем, потом спускается с крутой горы и входит в пространное ущелье, в коем большая часть земли коричневого цвета: хлеб на оной родится очень хорошо. Некоторые из окрестных гор тоже коричневые. Спустившись в сие ущелье, проезжают на глубокую и неширокую речку Аджичай, которая вытекает верстах в 70 отсюда, из гор Синох, составляющей нынешнюю границу нашу с Турцией. Горы, окружающие сел. Кульп, имеют необыкновенную фигуру: остроконечные курганы, обрезанные вершины скал, обрывы, волнистое местоположение, сады составляют разнообразную прекрасную картину. Селение дурно и по наружности бедно, хотя жители должны быть достаточны, потому что над ними неисчерпаемый источник богатства целого края — это соляные горы и ломка соли производится почти на поверхности оных. Опромные залы, образовавшиеся вынятием соли и отделенные одна от другой соляными столбами, оставленными для поддержания верхних слоев, служит местом работы. Плиты выламываются почти всегда в 2 пуда, развозятся по Грузии и во все соседственные области. Пошлина в каз-

ну берется с каждого выюка, но сколько именно, я не знаю. Можно смело сказать, что солеложки Волички должны уступить сим в удобности добывания, а может быть и в богатстве источника. Соль прекрасная, белая и едва ли отстанет от пермянки.

Горный чиновник прибыл сюда и начал работать по своей части.

Армяне встретили генерала далеко за селением и бросали перед ногами лошади глыбы соли, означая тем радость и приветствия свои; духовенство с образами, крестом и хоругвию ожидало перед въездом в селение, и все пошли в церковь; она мала и очень бедна.

...В верхней части крутой горы видна стенка, сложенная из камня, защищающая вход в обширную пещеру, где во время войны скрывалась тысяча семейств из окружающих деревень.

Отъехавши верст 14, ночевали в татарском селении Аджи-байраме. На сем переходе некоторые из окрестных гор становятся краснее; зеленые и желтые полосы сливаются с красными, и это не зелень муравы, не желтоватость поблекшей травы, а густой цвет хряща: едва ли где-нибудь можно видеть подобное слияние света и теней.

Величественное местоположение, остроконечные холмы, столь украшенные, неизъяснимо прекрасны. Гений-поэт, истоца искусство свое, прелестно опишет очаровательные места сии; гений-живописец восхитит изображением оных. Но подражатели природы! Оставьте перья, бросьте кисти ваши — изумительно искусство ваше, но искусство природы-волшебницы неподражаемо. Где поместите вы все подроб-

ности, украшающие ее произведения? Как придадите жизнь своим произведениям? Живописный хребет Кюроглы ограничивает взор, но красоты одного уступают красоте окрестностей, и самая превосходная картина открывается с последней высоты в равнину, орошаемую Араксом, в долину которой смотрится высокая острая скала Кизил-даг (красная гора) с признаками Кизил-калы (Красной крепости). Слои утесов сих и вообще вся соединяющаяся с ними цепь бесподобны. Близ подошвы Кизил-дага брод через Аракс, менее 2 фута; далее, каменная тропинка ведет в селение Аджи-байрам, в котором есть небольшое и нехорошее укрепление. Здесь Арпачай вливает воды свои в Аракс, а горы, над ним возвышающиеся, отделяют нас от Турции. В сем селении живут татары, кажется привыкшие к разбоям. Сюда приехали куртинцы Магик (Мегек)-ага и Сюлю-ага, владельцы деревень Терту и Местаф, требуемые генералом для свидания, как ближайшие соседи наши в турецких владениях. Им собственно подвластны только 200 семейств, но они имеют большое влияние еще на тысячу семейств — и тоже уверяли в своей преданности и готовности исполнять все повеления; а несколько минут разговора сделали то, что закипело ретиво в добром старике Мегек-аге, засверкали глаза его, и рука упала на оружие: головами османов желал бы он доказать привязанность свою к новому начальнику, которого полюбил уже и с жаром клялся при первом случае убедить турок, что не остыла еще кровь в жилах Мегек-аги, что крепко держится еще булат в руке его и послушен верный конь, неутомимый его соратник.

17-го числа. От Аджи-байрама дорога идет вверх по Арпачаю и чрезвычайно неудобна, даже для выюков. Утесы висят над нею; огромные камни преграждают путь, лошадь не знает куда поставить ногу: один неверный шаг и близка смерть путешественника, а страдания неизбежны. Верстах в 8 Арпачай круто поворачивает налево; грозные скалы, со всех сторон возносящиеся, пугают непривычного; поднявшись на гору по ступеням, с камня на камень, вы на равнине Сардарабадской.

И человек бывает доволен дурным, после гадкого, так и лошади, кажется, радуются, ступивши, наконец, на дорогу, хотя каменистую, но не столь ужасную. Опрямные плиты, похожие на сженный кирпич, несколько балок и дороги повозочные, и верховые из Кульна и Сардарабада в Гумри и Турцию, пересекают ваш путь или соединяются с ним; хребет Сакал-Тутан замедляет следование; вправо остается гора Кизил-тапа; подходя к цепи Кара-бурун, по протяженно которой паслись зимою стада сардарские, дорога становится каменистее, и на высоте видна старая церковь, а на дороге развалины армянского селения и места виноградных садов; проехавши через снежные на вершину горы, открывается Новая Талынь, до которой верст 35 от ночлега.

Крепость сия изображает неправильный осмиугольник, в коем 7 башен наподобие бастионов, а 8-я северной стороны, вмещающая въезд, круглая; стены довольно высоки и сделаны из камня; они не совсем еще окончены, и только один фас снаружи успели обмазать глиною; длина фасов сажень по 30; рва

и гласиса нет; башни тесны, и более одного орудия не поместится в каждой из них.

Внутри замечательны: почти развалившееся строение, вроде цитадели, заключающее в себе разрушающуюся огромную церковь с пристройками; к внутренней стороне примыкает вновь выстроенный магазин тысяч на 5 четвертей хлеба. Дом ханский разорен, сакли также; жители еще не возвращались, и укрепление занято нашими. В нем есть сады; вода проведена верст на 40 из источников, вытекающих из Алагёза, и наполняет большой крытый резервуар, имеющий более 3 сажень глубины.

Местоположение Новой Талыни довольно выгодно, и по важности пункта сего берутся меры для исправления домов и приведения всего в надлежащее устройство.

От крепости дорога идет по хребту, мимо развалин караван-сарая, заслуживающего внимание прочностью и искусством построения, что можно сказать и обо всех древних зданиях, здесь попадающихся. Века пролетели мимо их, и, наконец, губительная коса времени торжествует над ними. Свидетели времен минувших! поведайте, где люди, вас создавшие? Где дети детей их? Уже давно сожрал их червь могильный, и самое воспоминание об них изгладилось из памяти потомков. События важные происходили пред вами: вы видели борьбу народов, видели гибель племен, плач, порабощение и последние минуты жизни вашей, видят славу русских — видят невиданное прежде, радость покоренных.

Далее, дорога, подходя к новому хребту, начинает подниматься и вообще, в продолжение всего пе-

рехода, заметно возвышается; все подъемы каменисты; по сторонам горы и местами воздвигаются утесы. От Талыни до армянского селения Мастары, где остановились ночевать, верст 14. В нем есть древняя огромная церковь, прекрасно построенная, 830 лет назад, во времена существования Великой Армении, но приходящая в упадок, так же, как большая часть христианских церквей в землях мусульманских; бедность храмов, робость, замечаемая в служителях алтарей, что-то мрачное, таинственное в служении их напоминают бедственную эпоху гонения христиан.

Часу в 10-м ночи был небольшой удар землетрясения. Я забыл прежде сказать, что по взятии Эривани, 8 октября, были там несколько довольно сильных ударов, и землетрясение повторялось дней пять, распространялось даже до Тифлиса,— и во многих местах обваливались стены, но несчастий не было, и не слышно также о больших разрушениях.

Рассматривая местность последнего переезда, не знаешь, что думать: откуда взялись сии насыпные горы камней? Кто сложил сии пруды огромного кирпича или поставил утесы? Не отряд ли Титанов, восставших на Зевса, наносил сии нестройные горы? Не они ли скалы на скалы, утес на утес взгромоздили? И каменный дождь громовержца Юпитера поразил непокорных, истребил горделивых,— и над телами Гигантов воздвиглись курганы,— и проклято место, скрывшее кости строптивых, и носит с тех пор печать отверженья.

18-го числа поднимались все выше и выше. От Талыни начинаются богатые пастбища, земля хле-

бородная и вообще места прекрасные, лучшие в Эриванской области и даже не последние во всей Грузии: климат здоровый, вода близко и не достает только лесов.

Горы Палап-Токень составляют границу Эриванской области с Шурагельскою дистанцией; оставленное Богаз Кашн лежит у подошвы их. Отсюда идет равнина, пересекаемая каменистыми балками, и влево прямая дорога в Малый Караклис, а направо в сел. Хурум, до которого от Мастаров 25 верст, потом верст 8 до вышеупомянутого селения Малого Караклиса, которое в прошедшем году разорено персиянами, и оттуда верст 7 до сел. Гумри, тоже разрушенного персиянами; прекрасная равнина пересекается ручейками и балками. Камня нет, дорога очень хороша и встречает дороги, идущие в Карс.

В Хуруме нашли возвращаемых из плена: Измаил-хана и куртинского старшину Келеш-агу, отца Россуль-аги, который приезжал в Кара-калу; они не могли нахвалиться великодушием русоких, а обвороженные привлекательным обращением генерала, были тронуты до умиления, которое, вероятно, в первый раз в жизни ощущали. Как приятно видеть привязанность других к человеку, которого сам душевно уважаешь, а привязанность сих огрубелых сердец еще приятнее. Но сердце доброе находит в самом себе награду за то усладительное утешение, которое доставляет несчастливцам его приветливость.

В Гумри приехали два сарваза, взятые военнопленными в Аббасабаде, которых из Тифлиса вози-

ли в Петербург; они с восторгом говорят о представлении своему государю, императрицам, о наследнике, о великих князьях; с удивлением рассказывают о всем, что видели. Они едут в Персию, куда призывают их связи родства, но решительно хотят, взявши семейства свои, бежать в Эривань. Слушая их, чувства живейшей радости наполняют душу, а искренняя любовь к русским тех из персиян, которые имели случай узнать наших, веселит сердце русское. И в сей пустынной стране, в сем гробе радостей, мы, удаленные от родины, от всего милого, драгоценного, наслаждаемся такими минутами, которым бы позавидовали и самые избалованные любимцы счастья.

Во все продолжение путешествия туман препятствовал видеть отдаленные предметы; поднявшись к Талыни, иней на траве и садовых деревьях напоминал Россию; от Мастаров под ногами лошадей скрипел снег, которого выпало еще более на дневке в Гумрах.

20-го отправились обратно. Мгла очистилась несколько, и за Арпачаем открылись турецкая крепостца Тикнис-кала и укрепленная деревня Башшурагель, лежащая против нашего селения Бейндурли, где сходятся главные дороги из Грузии в Карсский пашалык и где теперь учрежден пост; а на нашей стороне виднелся замок Капелу, в котором жили армяне-католики и который прошлаго года оставлен. Ехали прямо на Малый Караклис, и когда миновали сне селение, пошел большой снег, поднялась сильная мятель, резкий ветер забивал глаза, заносил дорогу и сбивал лошадей в сторону; трудно бы-

ло держаться на седле при порывах бури, и лошадь легко могла оборваться, перебираясь через вершины, по камням, но все благополучно кончилось, а к концу переезда снег перестал, и опасение потерять дорогу миновалось. Горы Курд-агили, Малый и Большой Бугуту красовались в правой стороне; к вечеру под высокой горою зачернелось сел. Мастары и обрадовало измокших. Адъютант генерала Красовского, барон Врангель, посланный в корпусную квартиру, возвратился с бумагами и привез рескрипт государя и орден Владимира 2-й степени, пожалованный генералу.

На другой день продолжали следование: холодный ветер поднимал замет, но небо было чисто, и солнце, сияя во всем блеске, освещало и Арарат, и Алагёз, и все окрестности. В селении Старой Талыни, через которую теперь проезжали, есть древняя огромная церковь и другая, не столь обширная; они разрушаются. Близ караван-сарая, вышеупомянутого, вышла справа прежняя дорога наша. Под Новой Талыню оставили мы зиму, представившуюся нам со всеми русскими принадлежностями своими; но мятели, заметы, холода сноснее у вас в России, потому что сани позволяют закутаться и из теплой шубы подтрунивать над бесполезным усилением вьюги: со всем тем, степные места не весьма удобны для зимних странствований; здесь же, верхом на лошади, очень невыгодны ваши северные гости. Спустившись с длинной каменной горы, вступили в Сардарабадскую равнину, где и признаки снега редко бывают видны и где теплый прекрасный день встретил нас;

мало-помалу все вылезли из башлыков* своих и, пройдя у подошвы Кара-бурун, прибыли в Сардарабад, до которого от крепости верст 28. Сначала дорога довольно камениста, но без затруднений может быть исправлена; далее же очень хороша.

22-го числа полковник Хамутов, провожая генерала, просил позволения выпить бокал вина за его здоровье и поздравить его с получением нового знака монаршей милости...

Скоро поехали повозки по гладкой дороге, на месте, где стояла ставка Аббас-Мирзы, идущего на истребление отряда нашего; генерал простился с провожавшими его из Сардарабада; здесь изъявил он уважение к блистательным качествам бывшего противника своего, и слова его выказывали душу.

Эчмиадзин остался за нами; начинало смеркаться; потухла заря вечерняя, яркие звезды зажглись на чистом небе; золотое облачко загорелось над горою; более и более увеличилось оно; тускло осветился Арарат; кони промчались через сел. Паракар; луна показала часть светлого лица своего из-за горы, и серебряное сияние разлилось... Вот и весь шар покотился по небу, и длинные тени легли от холмов, от садовых оград и деревьев. Засверкали струи шумной Занги, и белая пена кипела по камням, заблестал огонек в окнах строений надбрежных, и бричка, спустившись с горы, застучала через мост, обнимающий реку, загремела под сводом

---

* Башлык делается из толстого сукна; его надевают сверх шапки и длинными концами одного обвязывают лицо и шею вместе с буркою; башлык составляет защиту горских народов от суровостей непогоды во время дороги.

ворот, по улице, остановилась и — конец путешествию...

10 января 1828 года

Дневник второго путешествия господина генерал-лейтенанта Красовского для осмотра Эриванской области

29 декабря. Его превосходительство выехал из Эривани в сопровождении армянского архиепископа Нерсеса, генерального штаба подполковника Жихарева, адъютанта своего барона Врангеля, других чиновников и некоторых почетных обывателей области; в тот же день прибыли в сел. Аштарак, лежащее на правом берегу реки Абарани.

Близ сего селения видели мы первые толпы неприятельской конницы в день достопамятной битвы 17 августа.

Дорога весьма камениста, погода сначала была туманная, потом пошел большой снег. Крут к Абарани спуск со скалистого берега; через реку перегибается каменный мост, отлично сделанный, на одной большой и трех малых арках; прошло 600 лет после построения оною, но с маловажными починками; он стоит как новый и память о строителе его, почетном армянине Муце, сохранилась в преданиях.

Аштарак — родина Нерсеса и должно тем гордиться. Почтенный старец сей столько заботился о доставлении соотчичам своим прочного блага, под правительством России, столько сделал для них, что имя его бесспорно принадлежит истории.

30-го. Амфитеатральное положение деревни.

окруженной садами и виноградниками, прекрасно: оно занимает одно из первых мест в здешнем крае и заключало прежде более 900 семейств, но до этого времени возвратиться успели только 100 семейств. Дома и ограды каменные, прочно и порядочно выстроенные; 5 церквей. Селение еще может ставиться водопроводом из Абарани, начинающимся верстах в 10 отсюда и поднятым сажен на 120 от горизонта воды. Водопровод врезан в утес берега и устроен лет 800 назад, вместе с пещерами, врубленными в камень и служившими убежищем для жителей в случае нападений. Аштарак много потерпел в последнюю войну от долго бродивших в окрестностях войск персидских: наших в нем не было.

Здесь живут многие родственники Нерсеса, и знаменитый архиепископ не чуждается их: в простых поселениях он помнит родственников, и это придает новый блеск его достоинствам.

Двоюродный брат его Педрок Маркаров часто доставлял генералу, в самое опасное время, важные бумаги из Эчмиадзина и известия из крепостей и неприятельского лагеря. Дабы показать верному армянину, что дела его не забыты, генерал зашел к нему в дом; надобно было видеть его восхищение.

Кто умеет так ценить заслуги и таким образом награждать их, тот достоин иметь людей, приверженных к нему душою — и всегда будет иметь их.

Дело не в том, сказал один мудрец, чтоб «сыпать деньги» — тут можно прибавить и награды всякого рода. Я никогда не видел, продолжает он, чтоб

деньгами приобретали любовь, и напрасно отворите сундуки ваши, не открывши сердец: сердца других всегда будут для вас закрыты. Ваше время, попечения, вашу нежность, самих себя раздавать должно; ибо что б вы ни делали, но все чувствуют, что деньги ваши не вы. Участие и доброжелательство более действуют и полезнее всех подарков.

Трогательно восхищенные освобожденных армян: от сердца идут выражения, которыми они изъявляют оное, уподобляя край свой свадебному дому, в котором теперь все исполнено восторга. Они рассказывают, что уже издавна умирающие отцы завещали детям радостным звоном колоколов дать им в могиле весть, когда взойдет для армян солнце счастья, когда русские освободят их от тягостного ига и соберут бедствующих рассеянных сынов Армении; и настало для них сие блаженное время, и освободители посещают гробницы умерших и повещают им о благополучии живущих.

Последняя воля родителя Нерсеса состояла в том, чтоб он не приходил к могиле его до тех пор, пока не исполнится пламенное ожидание армян и не воскреснет утесняемая магометанами святая вера христианская; собственное желание архиепископа было прийти поклониться гробу отца с русскими начальником — и желание сие исполнилось. Над древнею лежит уединенное кладбище семейства Шахазизиян-Камсаракане; туда старец привел русско-го генерала и со слезами на глазах, пав на колени, принес теплую молитву к подножию престола всевидящего.

После обеда пустились далее. Дорога лежала

близ того холма, до которого преследовали мы 10 августа неприятельскую конницу, и откуда генерал в первый раз осмотрел положение обширного лагеря Аббас-Мирзы.

Приехавши 3 версты, прибыли в с. Могни (10 дворов), где находится монастырь св. Георгия-победоносца и мощи его*. Еще целы кельи бывших там монахов, церковь обнесена высокою каменною стеною и так же бедна, как деревушка, но превосходной архитектуры. Купол и все здание сделаны из тесаного камня, без помощи железа и дерева.

Монастырь сей основан вскоре после Эчмнадзина, а возобновлен за 160 лет пред сим; в нем бывает два раза в год (на третьей неделе после светлого Христова воскресения и в сентябре месяце) большое стечение богомольцев; не только армяне, но и магометане, во множестве стремятся туда, признают сего святого за великого чудотворца и называют его Могне или Мугни.

Отсюда 5 верст до сел. Ханаванк (20 дворов). Здесь живут татары и находится имение Измаил-хана, возвратившегося из плену; нося в сердце память о ласках его превосходительства, он убедительно просил сделать ему честь посещением, что и было исполнено.

Здесь разрушенная армянская церковь св. Иоанна Предтечи и мощи его; выстроена в одно время с Эчмнадзином Григорием, святителем великой Арменни.

Архитектура превосходная; трапезная состоит

---

* Об этом монастыре я упоминал в записке 1 июня.

из купола, поддерживаемого 12 колоннами; отсюда дверь в довольно просторный придел, где хранятся мощи, и в большую церковь. Над последнею отличная резьба в камне, довольно хорошо сохранившаяся.

Большой купол главной церкви разваливается; по обеим сторонам входа, вверху, два маленькие придела, в которые входят по лестницам, так сказать, прилепленным к стене; но прошло 1520 лет, и лестницы сии не думают о разрушении.

Сел. Ханаванк лежит на правом берегу реки Абарани, против подошвы горы Карни-ярех. Сюда приехали сейдалинские старшины с просьбою об освобождении сейдалинцев, содержащихся под караулом за грабительство, и генерал, в уважение хостайства архиепископа и в милость Измаил-хану, исполнил прошение их.

После ужина пустились обратно в Аштарак; ночь довольно светлая; мороз российский.

31-го. Дорога камениста, но удобоисправима. На равнине стоял персидский лагерь до 17 августа, а в версте от дороги курган, где были устроены батареи их. Не в дальнем расстоянии, тоже на берегу Абарани, селение Ушаган, которое некогда было очень велико и почти соединялось с Аштаракком; ныне же составляет малое число дворов и много развалин. Довольно большая речка Шагверт выходит из Алагёза; дно ее каменисто; берега отлоги, и переправа не трудна; но при впадении ее в Абарань берега круты и скалисты; сии две реки образуют полуостров, на котором Аштарак и Ушаган. Сел. Кузил-Тамур (36 дворов) красиво, лежит в садах и кажет-

ся богато; река Амперт гораздо менее Шагверты; берега совсем отлоги; дно каменисто. Не доезжая сей речки, развалины большой деревни Ахтамар, в ужаснейших камнях. Вдали на Алагёзе и его ущельях видны следы большого населения и укрепление Тегер. Далее, сел. Франганус (35 дворов), бледная деревушка, обнесенная старою стеною и башнями, из которых две уцелели от прежнего укрепления. У деревни сей протекает рукав Абарани и весьма близко впадение в оную Амперта. Франганус уже не на горах, а в равнине Эчмиадзинской, который отсюда не далее 7 верст. Потом татарское сел. Агуятуи, где мало жителей и четверугольное укрепление; далее, влево от дороги сел. Квезнауд и еще в нескольких местах развалины.

От Франгануса до Сардарабада 28 верст.

1 января 1828 года

Армяне, побуждаемые чувством благодарности и приверженности к избавителям своим русским, в память поступления их под покровительство нашего императора, просили позволения выстроить на свой счет преко-российскую церковь в Сардарабаде — и в новый год положено было заложить храм сей во имя Николая Чудотворца.

Все войска, здесь находящиеся, были устроены в надлежащем порядке; в 9 часов, отслушавши в военно-походной церкви Крымского пехотного полка обедню, генерал, архиепископ Нерсес, все чиновники и почетные обыватели вышли на площадь пред домом ханским, где будет строиться церковь сия. Протоиерей Севастопольскаго пехотного полка Тимофей

25 М. Нерсиян

Мокрицкий, соверша службу, говорил приличное слово; множество зрителей наполняло площадь и крыши окрестных домов. По окончании церемоний было молебствие и припели многолетия государю императору и всему августейшему дому, в рядах войск и в толпах народа раздалось ура, и потряслись стены крепости от звука орудий.

Жители Эривани более видели торжественных празднеств наших. Для обитателей Сардарабада новое показался блистательный парад и изумились они строю русскому. По окончании парада генерал поздравил воинов с новым годом, желая доброму царю нашему многолетнего здравия и радостное ура был ответом их. Ура, подхватили жители, прославляющие великого государя — своего избавителя.

Все чиновники и почетные граждане приглашены к обеденному столу г. комендантом крепости гвардии полковником Хамутовым; а вечером было освещение в ханском саду, на том месте, где стояли батареи, разгромившие стены Сардарабада, устроен был фейерверк, восхитивший многочисленных жителей, никогда не видавших подобного.

2-го числа через Эчмиадзин возвратились в Эривань; близ Эчмиадзина, в 2 $\frac{1}{2}$ верстах, генерал с архиепископом Нерсесом и другими членами монастыря осматривали место, на котором будет строиться памятник избавления Эчмиадзина 17 августа 1827 года. Памятник сей по данному рисунку сооружается от монастыря, под распоряжением архиепископа Нерсеса.

Благодарные армяне, видя, что битва 17 августа совершенно убила дух персидской армии и, поселя в

ней робость и уныние, была главнейшею причиною блистательных успехов впоследствии, всеми мерами стараются изъяснить признательность свою спасителям своим и передать память незабвеннаго дня сего позднейшему потомству, из рода в род, из века в век, и по утверждению патриарха в сей день ежегодно будет отправляться во всех армянских церквах благодарственное молебствие богу сил.

Поездка в Аштарак

Чтобы иметь несколько минут свободных от посторонних занятий, для составления проекта об управлении вновь покоренных персидских областей, г. генерал-лейтенант Красовский 21 генваря отправился в сел. Аштарак, в сопровождении архиепископа Нерсеса, адъютанта своего и обер-аудитора. Описание сей деревни и дороги, к ней ведущей, было сделано прежде.

На другой день, в воскресенье, слушали обедню в приходской церкви; народа было довольно.

Персидские подданные не привыкли к ласковости и благоволению правителей своих и тем чувствительнее трогала их новая перемена. «Бывало, не только сардар, но какой-нибудь хан приедет, — говорили они, — и время его пребывания проходит в мучительном ожидании: никто не был уверен в безопасности жизни своей; тяжесть спадала с души только тогда, как он уезжал, и тут даже опасение, чтоб он не вздумал вернуться, долго не позволяло совершенно успокоиться; а теперь...».

К мольбам их и мы присоединяем молитвы свои,

и если усердные моления всегда бывают услышаны, то общие желания наши будут исполнены.

В Аштараке есть древнее обыкновение: один раз в год вся деревня — от старого до малого — выходит на рыбную ловлю, и ловля сия составляет деревенский праздник. Они для торжества сего не могли выбрать день более приличный.

После обеда звук армянской музыки дал знать, что час забавы наступил. Дети спешили обгонять один другого, оскользались и в различных положениях скатывались с крутой горы, покрытой снегом. Кто в силах был бежать, мигом все были внизу; лишь дряхлость с старостию думали об осторожности.

По приглашению архиепископа, генерал присутствовал на празднике, для него устроенном.

Абарань, с шумом пробегая по скалистому дну, оставляет часть вод своих между камнями, которые затопляются только в полноводие, и в сем-то убежище рыбы основывают жилища свои.

Можно смело сказать, что жители аштаракские пристращены к сему увеселению. Какое удовольствие изображено было на лицах! Утес, оторвавшийся от берега, лежит в некотором от оного расстоянии и служит главнейшим приютом рыбе; он был усыпан людьми. Голова прижата к камню, правая рука обнажена и заметно усилие протянуть ее как можно больше, чтоб отыскать и схватить убегающую рыбу; вот она в руке его и физиономия сказывает о том, прежде нежели он успеет сделать какое-нибудь движение. Наконец, он с торжеством вынимает руку из воды и показывает добычу свою.

Опоздавшие занять место под большим камнем, рассыпаны повсюду и, зная уже, где искать желаемого, раскидывают небольшие камни, роются в струях и не менее восхищаются, когда успех увенчивает их старания.

Холод никого не пугает: можно подумать, что мороз и ветер на них не действуют.— Ты не озяб, спрашивал генерал у одного, близ стоящего? — Нет, за тем, что сладко,— отвечал он по-русски.

Чудная вещь это сладко — чего человек не перенесет, если ему сладко. Зато горькое заставляет его сильно морщиться!

Архиепископ сам поймал несколько рыб, и народу очень понравилось, что он принял участие в любимой забаве сородичей своих.

Пробывши несколько времени на ловле, генерал осматривал мост и взял на себя исправление его.

Наступил вечер, но рыболовы не оставили еще занятия своего, и долго пылали костры, разложенные по берегу.

На другой день ездили к пещерам, находящимся в окрестностях Аштарака. Нельзя не удивляться, куда необходимость может занести человека: чтоб укрыться от гонителей своих, жители нередко принуждены бывали прибегать к сим пещерам. Оные устроены в скалах и, входя в них, возвращаются на несколько сажен от земли; туда взбираются по веревкам, но трудно понять, каким образом достигает их тот, кто должен укрепить там веревки и сделать другие приготовления, нужные для сего невыгодного

путешествия; в нижних пещерах помещали лошади и скот — как привыкли сии животные бесстрашно лазить по утесам, на которые не взогнал бы наших степняков.

Оттуда посетили гроб отца архиепископа и осматривали древнюю церковь Пресвятыя Богородицы, построенную более 500 лет назад. Она не слишком огромна, но искусство построения изумляет, несмотря на то, что пора бы привыкнуть к чудесному способу древней архитектуры здешних мест.

24-го возвратились в Эривань.

7 февраля

Если вы до сих пор не начинаете завидовать эриванским веселостям или по крайней мере не перестали жалеть о тех, которые здесь находятся, и думать, что они умирают от скуки, то это моя вина; потому что, описывая увеселения наших, я не умел выказать причину, по которой оные не могут оставаться в первоначальном положении своем, а неминуемо должны возрастать и усовершенствоваться.

Вы знаете несколько о привязанности общей к начальнику о готовности всех изъяснением чувств своих доставить ему минуту удовольствия; но полагаете, что многотрудные занятия его и обязанности каждого не ладят с забавами. Эта мысль очень естественна, и я сам так же бы думал, если б не увидел теперь своими глазами то, чего прежде не видал. Правду сказал чей-то дедушка: век живи, век учись. Есть люди, у которых на все достает времени и которые, заботясь о самоважнейших предметах, не упускают из виду увеселений необходимых. Я го-

ворю необходимых потому, что природа человеческая требует развлечений. В этом едва ли станут опровергать меня, и потому я не стану приводить доказательства; скажу только, что нужно уметь соединять дело с забавами, дабы из всего извлекать высшую степень существенной пользы; согласен, что искусство сие чрезвычайно трудно и редко кто владеет им; но у нас как-то оно очень покорно. Я бы оставил и это без ясных доводов: у меня их множество; но право не имею времени, и в первый раз прошу поверить мне на честное слово.

Думаю о здешней масленице, о танцах; у меня в голове начинали танцовать мысли о прошедшем времени, воспоминания заставляют меня всегда начинать рассказы мои от Адама; но теперь этого не будет: мне и без того дела много, тем более, что здесь было так много хорошего, что, не умея описать, я гораздо лучше сделаю, если предоставлю вашему воображению настоящим образом разрисовать все картины, не портя их пачканьем своим: во многоглаголаньи нет спасения. Как я рад на этот случай, что текст сей держит мою сторону.

Члены московского английского клуба не думают, что в Эривани устроилось отделение одного и ошибаются, потому что именно устроилось оно: законы, порядок и все нужное, частью приведено, частью приводится в совершенство; а более всего мне здесь нравится, что вообще карты весьма в малом употреблении и без них находят средства приятно проводить время. Во многих ли местах могут то же сказать?

Театр наш час от часу улучшается; подбавля-

ются декорации, заводится гардероб; а что касается до актеров, то московские любители театра не раз бы прокричали ура, если б имели таких. Последние представления были очень хороши, а далее будут лучше. Хвала актерам нашим, хвала старшинам увеселений наших! хвала изящному вкусу их!

Дни масленицы были разобраны; вечера также; в субботу был маскарад у генерала; несколько особенно хороших масок отличались между обыкновенными. Словом, трудно поверить, чтоб в Эривани так скоро могли составиться подобные увеселения. В воскресенье опять маскарад и еще более масок; некоторые из них были прекрасны. Решительно скажу, что наши маскарады ни в чем не уступят маскарадам губернских городов ваших; а этого разве не довольно — на первый раз...

12 марта. Гор. Тифлис

Слово эарк-ура значит на армянском языке насаждение первых лоз винограда. Ной, оставя ковчег и спускаясь с Арарата, посадил оные на северо-восточной покатости горы; на месте том основалось впоследствии селение, до сего времени сохранившее название Эарк-уры. Прелестно местоположение сие. Аракс стелется под ногами; как на ладоне лежит обширная равнина Эриванская, украшаемая зеленеющими садами деревень; это острова на поверхности моря, радующие плователя утомленного. Отдаленные горы Нахичеванские едва могут остановить взор, так высока точка наблюдения. Но всему есть предел, и напрасно глаз, подстрекаемый высотой положения своего, стремится за целью великанов ви-

деть новые картины: лишь часть небосклона Азербиджанского смеется перед ним.

Здесь-то бывший сардар эриванский, укрываясь от губительного зноя, проводил летние месяцы; весьма обширный замок включает множество строений, в которых размещалось огромное семейство сатрапа и чиновники, его окружающие. Климат самый здоровый; вода горных источников превосходная, а в 6 или 7 верстах, около малого Арарата, есть много деревянного леса, который очень редок в здешней области. Селение отделяется от замка глубоким оврагом; из его выходят несколько родников, образующих в летнее время, с помощью тающего на Арарате снега, довольно большой ручей.

В 140 домах более 50 семейств армянских; татар здесь нет.

В благоустроенном государстве пребывание главного начальника в каком-нибудь месте разливает окрест обилие, поощряя к промышленности и торговле: бедная деревушка обращается в городок. В Персии напротив; присутствие вельможи чаще влечет за собою разорение и чем знатнее могущественнее он, тем губительнее приближение его.

Более других притесняемые, грабимые персиянами, жители Эарк-уры не смели верить благополучию своему; счастье освобождения все еще казалось им сном восхитительным — приезд генерала как будто вывел их из усыпления: радостные, они выбежали навстречу, далеко за деревню, теснились к нему, каждый старался поцеловать его ноги, концы его платья. Подобную картину можно несколько представить себе; но чтоб представить ее со всеми

оттенками, надобно видеть ее. Непритворна и сильна приверженность эаркуринцев к русским — и как не дорожить им переменною, разливающею на них блаженство. Прежде, бывало, приезд сардараставлял всех трепетать; ежеминутно опасаясь лишиться всего имущества, они не могли быть уверены даже в жизни. Теперь, напротив, видят заботы о благосостоянии их.

Прежде они были стеснены в отправлении богослужения по закону своему: церковь во имя св. Стефана, находящаяся в селении, видимо приходила в ветхость и малейшая починка оной воспрещалась им, даже иметь колокола не позволялось, чтоб звоном их не обеспокоить иногда изнеженного властелина. Теперь, напротив, стараются дать им средства к поправлению разрушающегося храма и, сверх того, генерал обещал отлить колокол для церкви их из негодной к употреблению пушки персидской, что очень порадовало и польстило возрождающемуся в них чувству народной гордости и любви к родине.

Ниже селения весьма много плодovitых садов, которых почитают лучшими в Эриванской области; огромность деревьев, в них находящихся, показывает их древность.

Вверх по ущелью, верстах в двух, виден монастырь Григория, построенный внуком святителя Армении, около 1400 лет от наших времен; далее, в полверсте, другой монастырь и вот что рассказывает об нем история: св. Иаков, желая достать дерева от ковчега Ноева, предпринял достигнуть мест, где остановился оный; трудность предприятия не устрашала его; он совершил часть пути. Видит пред собою

утес, но надежда победить препятствия еще не оставляет его; напрасно: скалы останавливают его; даже птицы небесные не отваживаются возносить полета своего в пределы, освященные чудесным событием благодати предвечного. С сокрушенным сердцем постигает праведник всю дерзость намерения своего — и там, где мощная рука природы показала ему собственное его бессилие, основал он обитель, носящую и до день имя его.

Близ сего монастыря есть камень, наполненный водою, которая никогда не иссякает, хотя не заметно, чтоб она откуда-нибудь втекала туда; зимою, однако, вода сия вымерзает. Ее употребляют против саранчи и утверждают, что насекомое сие не приближается к садам и полям, ею окропленным. Предание говорит, что не должно ставить на землю сосуд, в котором хранится вода сия, иначе сила ее теряет свое действие. Уверяют, что это средство неоднократно было с успехом испытываемо и в Грузии.

Соединение всех выгод в окрестностях Эрк-уры представляет преимущественные удобства для летнего пребывания, и лагерь всего лучше устраивать с южной стороны замка.

Дорога от Эривани, туда ведущая, весьма удобна для обоза и артиллерии, лежит на сел. Алчадыла, где через Кара-су находился мост, ныне разломанный; брод чрез Аракс очень хорош; не в дальном от оного расстоянии начинается отлогий подъем на Арарат, простирающийся от подошвы до Эрк-уры верст на 15; всего от Эривани до сего селения не более 42 верст.

Старшина деревни Стефан Ходжа, человек

достаточный, приверженный к России, заслуживает признательность соотечественников за пособия, оказываемые немущим, достоин особенного внимания, как человек надежный и благоразумный.

На левом берегу Аракса, против сел. Аралык, возвышаются несколько высоких бугров, удивляющих положением своим: не знаешь, каким образом могли воздвигнуться на гладкой равнине сии отдельные каменные горы. На одной из них монастырь Хорвирап, что на армянском языке значит глубокая яма. Летописи повествуют, что армянский царь Тиридат до введения христианства в Армению был гонителем оного и, дабы лишить святителя Григория возможности распространять учение свое, заключил его в ямы сии, где он томился 14 лет. Наконец, убежденный в святости его, царь вывел праведника из заключения и, принявши сам христианскую веру, основал Эчмиадзин; впоследствии, в память описанного происшествия, построил монастырь Хорвирап. Давно уже опустел оный; многие части его разрушились, но уцелела церковь и часовня, заключающая темницу страдальца.

В Эриванской области много памятников, освященных древностию; история страны сей весьма любопытна; но нужно время и способы, чтоб снять завесу, ее покрывающую.

Если обстоятельства не воспрепятствуют намерениям, то книга бытописаний сей колыбели народов откроется для нас и сокровища, в ней скрывающиеся, сделаются общим достоянием любителей...

У К А З А Т Е Л Ь   И М Е Н

- Абамелик Давид Семенович 132, 133
 Аббас-Мирза 196, 249
 Абдул-Фати-хан 97
 Абсвиан Хачатур 275, 230, 239—241, 246, 247
 Абрамянц Арутюн 149
 Абрамов Иван (Оганес) 82, 84, 168, 169
 Абрамов Илья 170
 Абрамов Микита Иванович 137, 170
 Абрамов, подполковник 115
 Абрамов Яков (Абрамян Акон) 88—90
 Аветик, архидьякон 61
 Аветов Овнес 142
 Агаджанов Сергей 51, 81
 Ага-Магомет-хан 64, 65, 74, 75 114
 Адам, мелик 50, 57, 59, 95, 113
 Адамян А. 89, 214
 Аджи-ага Мамат-хан 97
 Алжи Каргос (Киракос) 65
 Аджимелик Магомет-хан 95
 Айвазов 115
 Айков Христофор 142
 Айрапетов 136
 Акопян В. 77, 101
 Акопянц Аракел 149
 Акулов Николай 182
 Алаверди, мелик 51, 113
 Аламдариан Арутюн 5, 185, 214, 237, 238
 Александр II 76, 125, 144, 150, 153—155, 170, 172
 Алексеев В. 23, 75, 80, 85, 116
 Анания 38, 39, 41
 Андриас 38, 39, 41
 Антоний, католикос 95
 Араслан-Гирей 168
 Арутинский-Долгорукий Василий 115
 Арутинский-Долгорукий Иосиф 35, 47—52, 55, 57, 61—63, 72—75, 77, 84, 88, 93, 101, 105, 106, 110, 111, 114
 Арзуманов Григорий 142
 Армстронг И. 232
 Артемов Павел 42
 Арутинцев Мнацакан 142
 Арутюнян Аветис 149
 Арутюнян Г. 149, 172
 Арцъбацев 182
 Аскарханов Осип 142
 Афанасьев В. А. 135
 Ахундов Мирза Фатали 185, 252
 Ахшарумов Иван Дмитриевич 134, 135

- Бабай, староста 59
 Багалай Д. И. 33
 Баграмян Мовсес 71, 115
 Багратион 139
 Бадалян А. 251
 Байрон 219
 Бакар 94
 Бакиханов А. 185
 Бакунин И. М. 123
 Бандре 24
 Бархударов Бархудар 142
 Барятинский 217
 Батый 167
 Бахметьев Алексей Николаевич 138
 Бебутов Василий Осипович 134
 Беглар, мелнк 57, 59, 60
 Бековичи-Черкасские 163
 Бекович-Черкасский 207
 Бектабеков Давид 142
 Бернацкий А. В. 88
 Бертель 182
 Бестужев-Мюллинский Александр 182, 233
 Бестужев Петр 182
 Богуш Станислав Сестренцевич 101, 102
 Бодянский О. М. 23
 Бороздна В. 186
 Бринка 24
 Брокс 181, 213
 Броссе Л. 55, 116
 Брун Ф. 10, 103
 Будагов Захар 142
 Булгаков, полковник 82, 84
 Булгарин 201
 Бурцов, полковник 181, 184, 213, 214
 Бутков П. Г. 55, 116
 Ваганов 115
 Ваганов Варлам 71
 Видковский 182
 Валеризн (Зубов), граф 75
 Вальховский 184, 201, 224
 Ванслов 109
 Варлаам, митрополит 164
 Вартазаров Авак 142
 Вартанов Иван 142
 Василий II 10
 Вегелин Александр 183
 Веденянин Алексей 182
 Вейде 214
 Вейденбаум Е. 183
 Веселовский Юрий 231
 Виалле 167
 Ваттенштейн 186, 187
 Влашевский 182
 Войнович 70, 114
 Восканян В. 77
 Врангель 168
 Гаврил, архиепископ 77
 Галустов 136
 Гангблов 181, 184, 213, 214, 224, 233
 Гарсеванов 28
 Гасан-хан 194, 196, 248, 249
 Гвоздев 182
 Гедает хан (Адиат-хан) 63, 64, 66, 109
 Глинка С. 227
 Гоголь Н. В. 231
 Голицын 182

- Голицын Александр 147, 148
 Голоджин Вардерес 147
 Гор-ч Иван Петрович (Большой) 47, 48, 66, 67, 110, 111
 Горчаков Владимир 87
 Грибоедов А. С. 5, 199, 203, 204, 218, 224, 234—237
 Григор, архиепископ 138, 149, 156
 Григорий, староста 59
 Гудина 182
 Гукас, католикос 52, 111
 Гусейн Алхан 93

 Давид-бек 51, 113
 Давтан Степан 74
 Давыдов Данило 170
 Давыдов Денис, генерал-майор 5, 130, 224, 244, 250
 Даниел, староста 59
 Делов Н. 120
 Десянов Давид Артемьевич 131, 132
 Десяновы 135
 Децрерадович 182, 213
 Добринский 181, 213
 Достоевский Ф. М. 231
 Дубровин Н. 14, 107, 122

 Евгений, вице-король италлийский 161
 Егназаров Петрос 137, 145, 171
 Егназарян Оганес 49, 112
 Екатерина II 12, 14, 15, 25, 36, 44, 45, 47, 52, 55, 56, 58, 68, 72, 75, 105, 109—111, 114, 115, 196
 Ениколопов И. 237

 Ереванов Григорий 142
 Ермолов А. П. 130, 185, 186, 219, 232, 251
 Есай (Исай), мелик 113
 Ефрем, католикос 147, 149—151, 158, 160, 173

 Завилейский П. Д. 234
 Загорецкий Николай 183
 Захарьев Ананья 66
 Зиновьев А. 43, 134
 Зубов В. А. 75, 76

 Ибраим-хан 95
 Иванов Петр 67—69, 77
 Иванов Петр (Петрос) 39, 40
 Иванов, штаб-офицер 115
 Ивашев П. Н. 75
 Игнатий, митрополит 23, 104, 103
 Иоаким Канакерци 77
 Иоанес, архиепископ 148, 149
 Иоаннисян Иоаннес 230
 Иоаннисян А. Р. 52, 116
 Иоанн Сенекерим (царь васпураканский) 10
 Иосиф, мелик 50, 95
 Иркалий II 47, 51, 63, 93—95, 99, 113
 Исай (Есай), мелик 50, 96
 Искрицкий 182, 213
 Исраэл Ори 55, 56

 Казаров Авет 142
 Калантаров Аракел 142
 Карамзин Н. М. 121
 Каринян А. 214
 Каслеров Иван Петрович 115

- Каспаров 135
 Каспаров И. 121
 Кленгель, генерал 125
 Кожевников 182
 Колесников 187
 Коновницын, генерал 135
 Коновницын П., прапорщик, 182, 184, 213, 224
 Константинов Андрей Дмитриевич 22, 23, 43, 109
 Корсапов 181
 Костов Тарас 170
 Котляровский 130
 Коцебу М. Е. 123, 185
 Красовский 188, 191, 192, 197, 205, 217, 218
 Критские 187
 Куру-ага 250
 Кутузов 100
 Кушнерян П., 102
- Лазарев Артемий Иванович, генерал-адъютант 115
 Лазарев А., генерал 121
 Лазарев Артемий Иоакимович (Екимович), штабс-ротмистр 133
 Лазарев Е. Л. 155
 Лазарев Иван (ага Оганес, Оганес Лазарян) 47—52, 54, 55, 57, 63, 72, 73, 77, 99, 111—114
 Лазарев Иван Иоакимович (Екимович) 133
 Лазарев Лазарь Екимович 134
 Лазарев Мина Лазарович 115
 Лазарев Христофор Екимович 134
- Лазаревы 138, 155
 Лалаев Мартын Степанович, майор 84, 87, 88
 Лалаев, и. р. 133
 Ламберт, генерал 124—127
 Ланк-Тимур 51, 113
 Ланский, майор 127
 Лаппа Матвей 182
 Лачинов Евдоким Емельянович 6, 179, 185, 199, 201, 201—203, 209—212, 214—218, 221, 233, 246
 Леван 93, 94
 Леман, полковник 181, 213
 Ленин В. И. 181, 228
 Лео, профессор 105, 111
 Лермонтов М. Ю. 231
 Лихтерев 182
 Лерер Николай 182
 Луквинский 251
- Мадатов Валериан (Ростом) Григорьевич 122—120, 170
 Макдональд, маршал 135
 Маллинский, губернатор 152
 Мамютин 181, 182, 184, 214
 Мамет Агаси-хан 95
 Мамет Сент-хан 95
 Мамет-хан 95
 Манвел, архимандрит 148, 150
 Мансеев Иван, подполковник 84, 87, 88
 Маркаров, Айрапет 142
 Маркос, архимандрит 23, 108
 Маркосян Петрос (Петр Маркос) 37, 38, 77
 Маркс К. 44, 230
 Машади Абдула 251

- Медокс Роман Михайлович (С ковнин) 120, 167
 Меликзармян Хачатур 156, 157, 159
 Меликов 132
 Меликов Александр (Саркис, Сергей, Алексей) 81, 83, 99
 Меликов Павел Моисеевич 135
 Меликсет-Бек Л. М. 121
 Менгли-Гирей 168
 Миклашевский, подполковник 161, 213
 Милорадович 130
 Минас Вардапет 56
 Мирзахан, мелик 51, 96, 113
 Мирзоян Манук-бей 138
 Мисоустов Айгек 163
 Митридат VI 71
 Мкртумян Саркис 149
 Мкртычев 115
 Мкрян О. 238, 239
 Мсеряни М. 133
 Музыкантов Багдасар 142
 Муравьев Н. Н. 250
 Муравьев, полковник 249
- Надинский П. 103
 Надир-шах 92, 97
 Налбандян Микаел 37
 Наполеон Бонапарт 75, 119, 121, 127, 131, 132, 140, 141, 143, 144, 148, 153, 156—160, 163, 165—167, 173—176
 Нейман Г. Ф. 227
 Ней, маршал 161, 162
 Нерсис Аштаракец, архиепископ 149, 156, 192, 197, 216, 238, 241—245
- Нерсисян М. Г. 101, 122, 159, 160, 232
 Несветасв 232
 Никитин Петрос 142
 Николай I 170, 181, 183, 187, 213
 Новоселов С 123
 Ностиц, генерал 128
- Овакимов Мелкон 137, 145, 146, 171, 172
 Ованес, католикос 113
 Овсеп, мелик 113
 Оганес, католикос Агванский 51
 Одоевский Александр 182
 Орбеллиани Г. 185
 Орджикский Николай 182
 Орлов-Денисов 131
 Осипов Давид 59
 Осипов К. 90
 Остен-Сакен, генерал 128
- Павел I 36, 60, 85, 110, 196
 Панахан 50, 95, 96, 112
 Папаев Калуст 142
 Паскевич И. 183, 184, 188, 213, 214
 Пасоев Григорий 142
 Паткамян Рафаэл 35, 37
 Паулуччи, генерал 134
 Пеливанов 137, 145, 146, 171, 172
 Пере, генерал 129
 Пестель 186, 211, 214, 217
 Петр I 44, 56, 76, 96
 Петров Гукас 64, 65
 Петрос ди Оган 68
- 26 м. Нерсисян

- Петрушевский А. 31, 45, 103
 Пиери 85, 86
 Пиксанов Н. К. 218
 Платов, генерал 160, 161, 167
 Платон, князь 76
 Плужников Андрей 170
 Портнягин, генерал 168
 Потемкин Г. А. 12, 14—16, 18, 19, 22, 25, 28—33, 38—40, 42, 45—47, 49, 57—59, 61, 66, 67, 70, 72, 79, 80, 82, 86, 90, 99, 104, 103, 108—112, 114, 168
 Потто В. 120, 122, 167, 168
 Прозоровский 12—15, 24, 40
 Пушкин А. С. 231
 Пушкин-Мусин 182
 Пуцин Михаил 182, 184, 213, 214, 224
- Раевские 187
 Раевский 184
 Разин Е. 121
 Рарог Лев 86
 Рейнегс Яков 113, 114
 Розен Андрей 183
 Розен, генерал-майор, барон 213
 Росламбек 163
 Ртищев Н. Ф. 152—154, 158—160, 162—161, 173, 177
 Румянцев Н. П. 161, 173, 175
 Румянцев П. А. 13—17, 20, 22, 24, 26, 23, 101, 115
 Рухадзе Т. О. 120
 Рылеев К. Ф. 211, 218, 219
 Рынкевич 182, 213
- Савельев 76
- Сакович П. 23, 24, 28
 Сэлсон, генерал 161
 Саркис, староста 59
 Сахновский, капитан 43, 109
 Северсемидзе (Севарсамидзе) 249, 250—252
 Сеид Риза 64
 Семичев Н., капитан 181, 184, 213, 224
 Симеон, католикос 61—63, 94
 Симонович, генерал-майор 163, 164
 Синельников 43, 103
 Сипягин 213, 248
 Скальковский А. 120
 Смирнов В. Д. 23
 Соковнин (Медокс) 167, 168
 Соколов А. Е. 186
 Соловьев С. М. 21
 Степанов Езекил 142
 Степанов Минэй 68
 Стефан 59
 Суб-хан-Кули-хан 248
 Суворов А. В. 5, 6, 9, 12, 13, 15—27, 29—31, 37—43, 45—48, 50, 52, 51—84, 86—101, 101—112, 115, 116
 Сумбатов 136
 Сумбатов, пранорщик 250
 Сумбатов Степан, подполковник 115
 Сундукян Габриел 230
 Сухоруков 182, 213
 Сюлюк (Патканян Р.) 35
- Тагиадян Месроп 214, 237—239, 252
 Тамразов Парсер 142

- Татицев 186
 Татосов Назар 142
 Тер-Абраамян Акоп 149
 Тер-Абраамянц Григор 149
 Тер-Арутюнянц Мовсес 149
 Тер-Барсебян Аветис 149
 Тер-Меликседекян Аствацатур 149
 Тер-Саакянц Гадеос 149
 Тер-Степанян Погос 149
 Тигран II 71
 Титов 182
 Толстой (декабрист) 182
 Толстой Л. Н. 231
 Тормасов, генерал 124, 125
 Торосов Саак 142
 Туманов Авет Христофорович 134, 135
 Туманов Зако 142
 Туманов Осип 142
 Тумановский Иван 98
 Туманян Ованес 20, 231
 Тургенев И. С. 231
 Турджинов 74
 Турчанинов П. И. 23, 31, 34, 38, 63, 66, 67, 69, 74, 80, 81, 85, 105, 107
 Улуханов 115
 Усейн-хан 95
 Фет-Али-хан 67, 91, 95, 114
 Фок 182
 Фридрих, король прусский 129
 Фритон, мелик 60
 Хастатов Аким (Еким) Васильевич 73, 79, 84—87, 121
 Хастатов Богдан Васильевич 79, 80, 85
 Хвостов Д. И. 75
 Ходжа-малов 115
 Хомяков А. С. 123
 Хоренац 244
 Христофоров Лазарь 115, 121
 Худабашев А. 102
 Худабашев С. 55, 56
 Цатурян А. 231
 Цатуров Игнат 142
 Цебриков 182
 Чавчавадзе А. 185
 Чавчавадзе Илья 252
 Чакчян 55
 Чалохушев Степан 170
 Чамчян 55
 Черказов 217
 Чернышев 182
 Чертков Василий Алексеевич 25, 29, 61, 105
 Чехов А. П. 231
 Чингис-хан 168
 Шагмирян Шагамир 84, 114 115
 Шагамирян (Шамиров) Яков 71, 115
 Шаган-Джрпет (Чирбет) 185, 214, 216
 Шагин Гирей-хан 21, 23, 40, 82, 105
 Шахазиз Ерванд 37
 Шахназар, мелик 50, 96, 113
 Шахназаряц Карапет, вардапет 55, 56

Шереметьев, 182, 212	Эристов 42, 213
Шипов И. 183, 184, 213, 224	
Ширяй Степан 87	Юргевич В. 101
Шляпкин И. А. 203, 204, 218, 237	Якимов 251
	Якоби 79
Эзов Г. 56	Яков (Акоп), патер 26, 37, 38, 103
Эйлис 114	Яковлев Никита 64—67, 77, 81, 99
Эмин Иосиф 49, 111, 112	
Энгельс Ф. 44, 230	

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От автора	5
А. В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770—1790 годах	7
Участие армян в Отечественной войне 1812 года . . .	117
Декабрист Е. Лачинов и его записки об Армении . .	179
Присоединение Восточной Армении к России в оценке современников	221
Документы	
I. Бумаги А. В. Суворова об Армении и Закавказье	255
II. Записки декабриста Е. Лачинова об Армении .	312
Указатель имен	397

МКРТИЧ ГЕГАМОВИЧ ПЕРСИЯН
ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АРМЯНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

Художественное оформление
Л. А. САДОЯНА

Отп. редактор В. К. ВОСКАНЯН
Редактор издательства А. Г. СЛКУНИ
Тех. редактор М. А. КАПЛАНЯН
Контрольный корректор Н. В. ДЕРՅՈՒՆ

Слано в производство 19/VII 1956 г. Подписано
к печати 26/X 1956 г. ВФ 05727. Бум. 84×108¹/₃₂.
25,5 п. л. + 17 вкл. 15 уч.-изд. л. Тираж 3000.
Зак. 290. РИСО № 372. Изд. № 1333.
Цена с переплетом 9 руб.

Типография Издательства Академии наук
Армянской ССР, Ереван, ул. Абовяна, 124

500
1000

20

Math 9.0

P2 $\frac{\overline{11}}{60199}$